

НАВАРИНЪ

1827—1877

Въ пользу вдовъ и сиротъ матросовъ,
убитыхъ въ русско-турецкую войну
1877 года.

Е. В. Богдановича.

МОСКВА. 1877 г.

Типографія И. И. Родзевича. Тверской бул., д. Лазарина.

Рис. Шереръ — Иванъ Павловичъ Геиденъ.

Фото-Литографія Шереръ, Навгольдъ и К^о въ Москвѣ.

АДМИРАЛЪ

ГРАФЪ ЛОГИНЪ ПЕТРОВИЧЪ ГЕЙДЕНЪ.

Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ благоволилъ напомнить Россіи о предстоявшей полувековой годовщинѣ Наваринскаго сраженія. Эта славная для русскаго флота годовщина совпадаетъ съ новыми безсмертными подвигами Русскихъ противъ Турокъ. Взрывы турецкихъ броненосцевъ служатъ ей какъ бы привѣтственными салютами потомковъ Наваринскихъ героев....

Русская литература до сихъ поръ не имѣетъ полного историческаго изслѣдованія о великомъ побойцѣ, обезсмертившемъ наше оружіе. Нѣтъ такого изслѣдованія и въ заграничной литературѣ. Едва-ли могло оно и явиться въ ней. Относительно Наварина у заграничной литературы недостаетъ именно основнаго достоинства историка: яснаго сознанія и безпристрастной оцѣнки фактовъ. Ее ослѣпляютъ зависть къ Россіи, ненависть къ Православію. Но не помрачить ей своими клеветами славныхъ страницъ нашего прошлаго! Голосъ событій заглушаетъ ложь. Рано или поздно, истина всплыветъ наружу какъ бы ни забрасывали ее грязью своекорыстные, узко-разсчетливые недоброжелатели Россіи.

По мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать возстановленію исторической правды, сбросить съ нея хотя часть иска-

жающихъ ее напраслины — такова задача настоящаго труда.

Приступая къ работѣ, я не имѣлъ въ виду писать „исторіи“ Наваринской эпохи. Хотя полстолѣтіе протекло уже со дня разгрома, — едва-ли и теперь наступила пора составлять подробное, всестороннее историческое изслѣдованіе того времени. До сихъ поръ много драгоценнаго матеріала, характеризующаго сраженіе 8 октября 1827 года, лежитъ подъ спудомъ въ архивахъ казенныхъ и семейныхъ; до сихъ еще поръ живы многіе современники разгрома; еще не вполне улеглись возбужденныя страсти и Наваринская правда до сихъ поръ еще многимъ колетъ глаза.... Тѣмъ желательнѣе скорѣйшее обнародованіе документовъ, относящихся къ названной эпохѣ и дающихъ почву для научныхъ изслѣдованій будущаго историка.

Именно этими соображеніями и руководился я, рѣшаясь представить публикѣ настоящую книгу. Сынъ и сподвижникъ покойнаго героя Наварина, бывший лейтенантъ на фрегатѣ „Константины“ графъ Л. Л. Гейденъ *), доверилъ мнѣ драгоценныя историческіе документы, оставшіеся по смерти главнаго начальника русской эскадры подъ Навариномъ и до сихъ поръ нигдѣ

*) Лейтенантъ на фрегатѣ «Константины» графъ Гейденъ (нынѣ адмиралъ) получилъ за участіе въ Наваринскомъ сраженіи орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Старѣйшій изъ оставшихся въ живыхъ Наваринцевъ — бывший мичманъ на корабль «Азовъ», нынѣ адмиралъ и членъ государственнаго совѣта, графъ Е. В. Путятинъ, слѣдующее за нимъ мѣсто принадлежитъ адмиралу графу Л. Л. Гейдену.

не появившіеся въ печати; управляющій морскимъ министерствомъ, С. С. Лесовскій, разрѣшилъ мнѣ пользоваться архивомъ министерства для собиранія фактовъ, относящихся къ нынѣ чествуемому юбилею; въ то же время мнѣ доставили недавно вышедшую въ Англійи и напечатанную лишь для интимныхъ кружковъ подробную біографію покойнаго адмирала Кодринтона, бывшаго начальника англійской эскадры и его переписку. Было бы излишне распространяться объ исторической важности всѣхъ этихъ матеріаловъ; что же касается книги о Кодринтонѣ и его переписки, то въ ней заключается много любопытнаго не только по Наваринскому дѣлу, но и относительно дальнѣйшихъ политическихъ и военныхъ событій. Адмиралъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ со многими знаменитыми въ то время историческими личностями, былъ осчастливленъ письмами покойнаго Императора Николая Павловича и представленіемъ нынѣ благополучно царствующему Государю. Оставшаяся послѣ Кодринтона переписка можетъ быть названа живою, безпристрастною картиною многихъ совершившихся на глазахъ его знаменательныхъ историческихъ событій, и любитель старины, вѣроятно, найдетъ въ „Приложеніяхъ“ къ этой книгѣ матеріалъ, далеко не безинтересный.

Въ заключение позволю себѣ сказать два слова о томъ, чему я обязанъ счастливымъ случаемъ располагать столь цѣнными историческими матеріалами, какъ переписка покойнаго начальника русской эскадры. На-

шимъ адмиральскимъ кораблемъ во время битвы былъ, какъ извѣстно, „Азовъ“. Въслѣдствіе вынесенныхъ имъ жестокихъ поврежденій, вскорѣ было приказано списать его со списковъ флота, но, чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о немъ — на поученіе потомству, былъ сооруженъ корабль „Память Азова“, подъ георгіевскимъ флагомъ знаменитаго адмиральскаго корабля. Службу мою я имѣлъ честь начать мичманомъ на корабль „Память Азова“; тогда же, находясь въ составѣ ревельской эскадры, я постоянно пользовался благосклоннымъ вниманіемъ графа Логина Петровича Гейдена, занимавшаго постъ главнаго командира ревельскаго порта. Въ бесѣдахъ съ друзьями и сослуживцами высокочтимый адмиралъ съ оживленіемъ рассказывалъ не разъ потрясающія подробности Наваринской битвы...

Е. Богдановичъ.

Москва.

1-го октября 1877 года.

„Надѣюсь, что, въ случаѣ какихъ либо военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріятелемъ по-русски“.

(Слова Императора Николая Павловича на кораблѣ «Азовъ» при прощаніи съ русскою эскадрою, выходившею въ море къ Наварину).

Не силою слѣпаго рока, а устроеніемъ всемудраго Промысла проливается нынѣ русская кровь въ долинахъ Дуная и Аракса. Не силою слѣпаго рока, а устроеніемъ всемудраго Промысла проливалась и полвѣка назадъ русская кровь на водахъ Эллады. Россія призвана смыть со страницъ исторіи позоръ Европы, допустившей на своей христіанской почвѣ поработеніе христіанъ агарянскою ордою. На разстояніи полулѣтка отъ него, по слѣдамъ незабвеннаго родителя, Царь-Освободитель своего народа подвизается нынѣ на освобожденіе своихъ братьевъ по честному Кресту.

И вотъ настала достославная полвѣковая годовщина.

Наваринъ—таково грозное для Османовъ имя, поминаемое 8 (20) октября сего года.... Да помянутъ же его по достоинству, новыми побѣдами надъ нечестивыми, борющіеся нынѣ съ ними наши Балканскіе и Кавказскіе богатыри!

Какъ и нынѣ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ честь почина святаго дѣла принадлежала Россіи; на ея же долю выпала и тогда безъ малаго и вся тягость его совершенія. Какъ и нынѣ, полвѣка назадъ не благородное соревнованіе, а одна зависть побудила великія державы сначала выступить за одно съ Россіей на освобожденіе невинныхъ отверженцевъ христіанской европей-

ской семьи; какъ и нынѣ, полувѣка назадъ притворные союзники оказались потомъ предателями.

Но въ русскихъ сердцахъ звучить до сихъ поръ царственное слово, въ исходѣ минувшаго года оповѣстившее Европѣ, что, за отказомъ въ ея содѣйствіи, великую задачу исполнить и *одна* Россія.

Не изгладится изъ исторіи и царственное слово, заявленное русскому герою Наварина, графу Гейдену, что, если державы не примутъ предложенныхъ Россіей рѣшительныхъ мѣръ, то русскій царь, хотя бы и *одинъ*, уже „рѣшился принять эти мѣры и прибѣгнуть для того къ силѣ оружія“...

Грянулъ громъ Наваринскій, и озадаченная, испуганная Европа отступилась отъ святаго дѣла... Россія выступила одна. Въ угоду дипломатіи — въ первый годъ войны выставленныхъ силъ оказалось недостаточно, чтобы сломить упорство Порты. Заликовали и Турки, и лицемерные друзья Россіи.

Но минула тяжкая година, и Наваринъ сталъ первымъ шагомъ къ Адрианополю...

Не то ли же, или подобное, видимъ и теперь?... Продолжительные дипломатическіе переговоры съ лицемерными союзниками, громовой успѣхъ при начинѣ борьбы, за тѣмъ роковое малосиліе, вызванное преобладаніемъ дипломатическихъ соображеній надъ военными — такова, въ общихъ чертахъ, на разстояніи полувѣка, картина обѣихъ войнъ, вмѣненныхъ въ обязанность Россіи упорствомъ Турціи раззадоренной побряжками Европы... Да распространится же милосердіемъ Господнимъ это сходство между обѣими войнами и на окончаніе святаго дѣла, предпринятаго нынѣ Царемъ-Освободителемъ!

На вѣчный позоръ Европы, вопреки пролитымъ отъ 1827 до 1829 года потокамъ крови, обѣ войны, на разстояніи полувѣка, вызваны одною и тою же причиною. Свирѣпое, безчеловѣчное обращеніе магометанской орды съ поработченными ею христіанами, періодическіе при-

падки бѣшенства дикаго звѣря, немилосердо и безумно терзающаго попавшіяся ему въ когти неповинныя жертвы — вотъ позорящіе христіанскую Европу факты, которые, со временъ великой Екатерины, вызывали взрывы негодованія общественной совѣсти единовѣрнаго съ этими жертвами русскаго народа и, — послѣ многолѣтняго, тяжкаго терпѣнія, — энергическое вмѣшательство составляющаго съ нимъ одно цѣлое русскаго правительства. Надо отдать справедливость Эллинамъ: кромѣ Черногорцевъ ни одинъ изъ угнетаемыхъ Турціей христіанскихъ народовъ не оказывалъ такой отчаянной настойчивости и отваги въ борьбѣ съ магометанскою ордой. Въ сущности, событія, вызвавшія въ 1827 году Наваринскій погромъ, начались еще при великой Екатеринѣ. Уже тогда, на повальныя избіенія христіанъ Россія отозвалась Османской Портѣ Чесменскимъ, Рымникскимъ, Измаильскимъ и безчисленными другими громовыми ударами. Притихая на время, пораженный, обезсиленный звѣрь вскорѣ снова предавался свойственнымъ ему припадкамъ неистовства и, терзая свои жертвы какъ одни Турки умѣютъ терзать, жестоко вымещалъ на нихъ свои позорныя пораженія. Тяжеле всѣхъ отзывались сначала эти припадки на несчастныхъ Грекахъ. До послѣдняго времени, страданія Сербовъ и Болгаръ подъ турецкимъ игомъ далеко не сравнивались съ тѣми, какія выносили отъ Турокъ Греки при Ибрагимъ-пашѣ и Али-пашѣ Тебеленскомъ. Развитыя у Грековъ вліяніемъ преданій великаго прошлаго духъ независимости и національной гордости, классическая красота Гречанки, несокрушимая преданность эллинскаго народа православной вѣрѣ, свойственная ему неутомимая торговая дѣятельность и накапливаемые ею богатства — присвоили особенно Грекамъ тяжелую привилегію мученичества въ средѣ христіанъ, поработенныхъ Турками. За то, именно этой страшной привилегіи Греки и обязаны первенствомъ въ сознаніи той великой, до сихъ поръ непонятной западной Европѣ истины, что между магометанскою властью, неспособною къ служе-

щихъ основой европейской цивилизаціи и христіанскаго общества понятій о святости христіанской дѣвы и супруги, о неприкосновенности христіанской семьи, и подчиненнымъ ей христіанствомъ немислимо никакое примиреніе, немислима даже никакая сдѣлка; слѣдовательно, что никакія человѣческія права не могутъ иначе быть упрочены за христіанами, какъ низверженіемъ магометанскаго ига, расторгеніемъ всякихъ узъ съ магометанскимъ правительствомъ.

Естественнымъ результатомъ сознанія этой истины явилось, съ конца прошлаго столѣтія, образованіе тайныхъ обществъ, подъ предлогомъ научной и образовательной цѣли, въ сущности же стремившихся къ освобожденію Грековъ, а за ними и всего восточнаго христіанства, отъ турецкаго ига. Много было пролито греческой крови въ этихъ злополучныхъ попыткахъ. И—замѣчательное дѣло—уже тогда въ христіанской Европѣ первымъ пособникомъ турецкой свирѣпости выступила Австрія, еще недавно дрожавшая предъ завоевательными стремленіями Османовъ и только благодаря могучей десницѣ Россіи избавившаяся, при Екатеринѣ, отъ своего вѣчнаго страха. Австрія выдала Туркамъ на позорную казнь прибѣгнувшаго подъ сѣнь ея гостепріимства одного изъ первоначальниковъ греческихъ тайныхъ обществъ, несчастнаго поэта-патріота Ригу...

Послѣднее изъ этихъ обществъ, „Этерія“, хоть и было потоплено въ крови своихъ членовъ, но явилось истиннымъ основателемъ освобожденія хотя части греческой народности. Благородная кровь не пролилась всею. Пособницею Турціи опять оказалась Австрія: она заключила въ крѣпость Мункачъ начальника греческаго возстанія, князя Ипсиланти. Между тѣмъ, бѣснованія разсвирѣпѣвшаго магометанства дошли до того, что въ іюнѣ 1821 года русское правительство, внемля воплю своихъ единовѣрныхъ братьевъ,—естественнымъ ходатаемъ за которыхъ въ Петербургѣ былъ статсъ-секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ

природный Грекъ, графъ Каподистрія, — обратилось къ Портѣ съ требованіемъ немедленнаго прекращенія звѣрскихъ гоненій надъ христіанами европейской Турціи. Само собою разумѣется, это платоническое заявленіе, какъ всегда, осталось мертвою буквой. Но дерзкое невниманіе Порты къ требованію не разъ жестоко проучившаго ее сосѣда не обошлось безъ послѣдствій: Россія отозвала своего представителя въ Константинополь, графа Строгонова. Можно было ожидать, что за этимъ первымъ шагомъ со стороны петербургскаго кабинета послѣдуютъ болѣе энергическія мѣропріятія. На бѣду для несчастныхъ восточныхъ христіанъ, какъ разъ въ это время собрался въ Веронѣ съѣздъ Государей членовъ Священнаго союза. Устами князя Меттерниха, на съѣздѣ высказалась опять исконная политика Австріи. Оклеветавъ геройское возстаніе Грековъ, князь Меттернихъ потребовалъ подавленія греческаго возстанія вооруженною силой. Правда, требованіе это было отвергнуто, тѣмъ не менѣе, вліяніе Меттерниховой системы на цѣлые три года затормозило честный починъ Россіи. Во все это время въ Греціи лилась ручьями неповинная, геройская кровь. Петербургскій кабинетъ колебался между личнымъ человѣколюбіемъ Государя и провозглашенными на веронскомъ конгрессѣ соображеніями такъ называемой „общей политики“. Не только свои сочувствія къ единовѣрнымъ братьямъ, но свое оскорбленное достоинство, свое историческое призваніе, самые существенные интересы своей внѣшней политики Россія приносила въ жертву дипломатической системѣ, въ основаніи которой лежалъ немислимый у насъ принципъ взаимнаго враждованія между верховною властью и народомъ!

Наконецъ, въ 1824 году, человѣколюбіе и патріотизмъ Императора Александра Павловича одержали верхъ надъ парализовавшими ихъ иностранными вліяніями „общей политики“. Петербургскій кабинетъ обратилъ вниманіе Европы на отчаянную борьбу горсти Эллиновъ противъ могучаго угнетателя. Но и тутъ вліяніе хро-

мой дипломатіи возобладало въ Петербургѣ настолько, что придало предложенію Россіи характеръ паллятивной, или точнѣе, переходной мѣры, такъ какъ, очевидно, предложеніе это имѣло въ виду лишь первый шагъ къ постепенному освобожденію Эллиновъ. Изъ Греціи предполагалось образовать три отдѣльные княжества по образцу Дунайскихъ, то-есть съ сохраненіемъ вассальныхъ отношеній къ Портѣ. За исключеніемъ Кандіи, острова Архипелага не входили въ составъ проектированной новой организаціи части эллинской народности. Эта несправедливость исполнѣ вознаграждалась включеніемъ въ составъ „Греческихъ княжествъ“ Кандіи и Эпира. По своему стратегическому положенію, Кандія—ключъ не только Архипелага, но до нѣкоторой степени и Дарданельскаго пролива: съ присоединеніемъ ея къ Эллинскимъ княжествамъ, рано или поздно становилось неотвратимымъ сплоченіе съ ними и болѣею части острововъ Архипелага. Сверхъ того, своимъ естественнымъ богатствомъ Кандія почти равнялась всѣмъ островамъ Архипелага вмѣстѣ взятымъ.

Заявивъ свою программу, русское правительство предложило для обсужденія ея созвать въ Петербургъ дипломатическую конференцію. Изъ всѣхъ великихъ державъ, одна Англія обусловила свое согласіе на то возвращеніемъ въ Константинополь отозваннаго въ 1821 году представителя Россіи. Одно это уже заранѣе опредѣляло, какимъ образомъ лондонскій кабинетъ полагалъ относиться къ греко-турецкой распрѣ. Отозваніе русскаго посланника изъ Константинополя имѣло значеніе фактическаго протеста противъ турецкихъ звѣрствъ и противъ невниманія Порты къ требованію Россіи положить конецъ этимъ звѣрствамъ. Такимъ образомъ, возвращеніе русскаго посланника въ Константинополь очевидно не имѣло бы инаго значенія какъ то, что Россія отказывается отъ своего протеста. Съ перваго шага греко-турецкаго вопроса въ области дипломатіи, Великобританія не обинуясь становилась на сторону Порты....

Какъ ни дорого для достоинства Россіи продавала Англія *одно лишь участіе свое* въ петербургской конференціи, русское правительство, въ надеждѣ что эта жертва окупится благодатными для Эллиновъ результатами, приняло безъ отговорокъ поставленное Англіей условіе. Дѣйствительно, если бы конференціей былъ утвержденъ принципъ нераздѣльности между создаваемыми княжествами и Кандією съ Эпиромъ, то въ послѣдствіи это признаніе имѣло бы значеніе непрекаемаго фактическаго прецедента, предназначеннаго служить основаніемъ дальнѣйшимъ обсужденіямъ какихъ бы то ни было греко-турецкихъ препирательствъ. Конечно, Россія не предлагала еще признанія полной независимости Греціи. Мало того, въ основанія первыхъ зачатковъ ея возрожденія русская программа вносила тройственность власти. Но (въ настоящее время въ этомъ отношеніи нѣтъ болѣе мѣста ни для какихъ сомнѣній) оба эти ограниченія со стороны Россіи были не иное что, какъ уступка пресловутымъ вѣнскимъ соображеніямъ „общей политики“.

Нельзя сказать, чтобы въ продолженіи трехъ лѣтъ со времени отозванія русскаго посланника изъ Константинополя, петербургскій кабинетъ оставался равнодушнымъ зрителемъ рѣзни, происходившей въ греческихъ областяхъ Турціи. Какъ видно изъ дипломатическаго сборника графа Прокешъ-Остена *), во все это время происходили между петербургскимъ и вѣнскимъ кабинетами дѣятельные переговоры. Результатомъ ихъ оказалось изъявленное въ 1824 году согласіе Австріи на участіе въ петербургской конференціи. Но этотъ результатъ обуславливался именно паллятивнымъ характеромъ предложенія Россіи. Со временемъ все это могло поправиться. Нѣтъ сомнѣнія, Порта не приняла бы безъ принужденія, хотя бы и цѣлой Европой, — которой взаимная зависть и соперничество съ самага паденія Византіи постоянно входили въ основаніе всѣхъ международныхъ расчетовъ Турціи, — заявленное

*) Geschichte des Abfalls der Griechen vom Türkischen Reiche.

ей требованіе касательно установленія полунезависимости Греціи. Ея отказъ вызвалъ бы столкновеніе. Съ другой стороны, если бы даже Порта приняла эти требованія, безъ сомнѣнія она не оказала бы въ Греціи болѣе уваженія къ своимъ обязательствамъ, чѣмъ оказала его въ Дунайскихъ княжествахъ, нещадно преданныхъ Турками огню и мечу по поводу замысла князя Ипсиланти, вопреки международному запрету занимать княжества войсками. Тутъ опять явился бы поводъ къ столкновенію. Въ обоихъ случаяхъ, виновницей его была бы Турція.... Вопросъ о независимости Греціи оставался открытымъ. Между тѣмъ согласіе державъ на надѣленіе новыхъ княжествъ необходимыми для нихъ территоріальными условіями жизненности—являлось бы совершившимся фактомъ, отмѣна котораго была бы несовмѣстна съ достоинствомъ державъ, утвердившихъ его своею подписью. Что же касается вопроса о тройственности власти, то тутъ все предоставлялось патриотизму и безкорыстію самихъ Эллиновъ. Какъ доказало въ послѣдствіи объединеніе Молдавіи и Валахіи, ни одна европейская держава никогда не рѣшилась бы силою противиться такому сліянію, вызванному единодушнымъ патриотическимъ согласіемъ обоихъ населеній.

И такъ, съ перваго появленія греко-турецкаго вопроса въ области международнаго права, какъ нельзя болѣе рельефно обозначилось, что Греки могутъ разсчитывать на поддержку *одной Россіи*, и что каждый шагъ Россіи въ пользу Греціи неизбѣжно встрѣтитъ *всевозможныя препятствія со стороны Австріи и Англіи*. Между тѣмъ, Англіей въ то время правило „либеральное“ министерство (виговъ), прославленное филэллинизмомъ Каннинга. Увлеченное Байрономъ и леди Стенгопъ, общественное мнѣніе Англіи повидимому также благопріятствовало греческому возстанію. Въ сущности же этотъ филэллинизмъ оказывался призрачнымъ. Предаваясь съ любовью изученію классической Греціи, увлекаясь обворожительными стихами Байрона, какъ министры, такъ и общественное мнѣніе Ан-

гліи и не думали однакоже отступаться въ пользу Греціи отъ присущей имъ эгоистической политики, уже тогда взиравшей на Турцію какъ на составляющую достояніе англійской торговли и промышленности „курицу, несущую золотыя яйца“.

По несчастію, Греки не разгадали этихъ истинъ. Они увлеклись лестною для нихъ, но лживою вѣщностью англійскаго филэллинизма. Не поняли они также и значенія предлагаемаго Россіей допущенія Европой,—хотя бы только и въ принципъ,—Эпира и Кандіи въ составъ будущаго эллинскаго государства. Они надѣялись разомъ пріобрѣсти независимость для всѣхъ населенныхъ пелазговымъ племенемъ областей Турціи. Въ виду этой надежды, они заявили протестъ противъ проекта петербургскаго кабинета, и съ этимъ протестомъ обратились.... къ Англіи!

Само собою разумѣется, лондонскій кабинетъ встрѣтилъ съ восторгомъ такъ неожиданно игравшій ему въ руку эллинскій „патріотизмъ“. Опираясь на него, „либеральная“ Англія поспѣшила явиться въ Петербургъ „защитникомъ правъ эллинской народности“. Эта роль была поручена нарочно отправленному для того въ Петербургъ новому представителю Великобританіи, сэръ Стратфордъ Каннингу, знаменитому въ послѣдствіи подъ именемъ лорда Стратфордъ Редклифа самую ожесточенною враждою противъ восточнаго христіанства. Съ пріѣздомъ въ Петербургъ, этотъ негаданный „защитникъ правъ эллинской народности“ немедленно заявилъ, что никакого участія въ конференціи онъ не приметъ.⁴ Все дѣло о конференціи кануло въ воду. Греки остались ни при чемъ. Не унывая, продолжали они однакоже свою геройскую, но бесплодную борьбу...

ГЛАВА I

До похода въ Средиземное море

Весною 1826 года въ Петербургѣ произошло событіе, вскорѣ обратившее на себя вниманіе всей Европы: герцогъ Веллингтонъ, официально присланный англійскимъ правительствомъ для поздравленія Императора Николая Павловича съ восшествіемъ Его на престолъ, удостоился наконецъ давно ожидаемаго разговора съ Его Величествомъ о греческомъ вопросѣ.

— „Вы знаете, милордъ (сказалъ Государь герцогу, которому англійское правительство поручило склонить петербургскій кабинетъ къ предоставленію Англіи прекращенія распри между Портою и Греками), что я рѣшился идти по стопамъ Моего вѣчно-славной памяти любезнаго Брата. А Императоръ Александръ передъ смертью принялъ *твердое рѣшеніе: съ оружіемъ въ рукахъ заставить Порту уважать права Россіи, признанныя трактатами*. Пока—Россія еще не ведетъ войны съ Портою, но дружественныя отношенія между ними прекратились. Однако Я скажу вамъ: *если дѣло дойдетъ до чести Моей короны, то не Я сдѣлаю первый шагъ къ отступленію*“.

Вообще говоря, предложеніе Веллингтона о предоставленіи Англіи участія въ разрѣшеніи „греческаго вопроса“ встрѣтило довольно холодный пріемъ со стороны Государя. Николай Павловичъ объявилъ и ему, и эрцъ-герцогу Фердинанду Эсте, присланному въ Петербургъ австрійскимъ правительствомъ, что теперь Онъ намѣренъ заботиться устраненіемъ *Своихъ Собственныхъ* несо-

гласій съ Портою и что греческое возстаніе играетъ при этомъ второстепенную роль. Герцогу было однакоже выражено расположеніе Императора рѣшить дѣло Грековъ по соглашенію съ Его союзниками.

Дипломатическое порученіе, возложенное англійскимъ правительствомъ на Веллингтона, было важности чрезвычайной. Кончина Императора Александра Благословеннаго прервала переговоры между великими европейскими державами по дѣлу греческаго возстанія и дипломатія, до сихъ поръ безсильная развязать крѣпко затянувшійся узелъ, на-время притихла въ ожиданіи разъясненій. Дальнѣйшій ходъ вопроса очевидно зависѣлъ отъ личнаго характера новаго Государя, отъ его политическихъ взглядовъ и отъ совокупности другихъ условий, казавшихся темными, загадочными. Одни, считая несомнѣннымъ воинственность юнаго Монарха, признавали войну Россіи съ Турціею неизбежною; къ числу такихъ лицъ принадлежалъ и турецкій министръ Сайдъ-эффенди, категорически заявлявшій, что отъ Императора онъ ничего не ожидаетъ кромѣ войны. Другая партія, съ княземъ Меттернихомъ во главѣ, полагала напротивъ что войны быть не можетъ. Нѣкоторою поддержкою мнѣнія о невозможности русско-турецкаго похода были наши тогдашнія дѣла съ Персіею; съ другой же стороны, обнаруженная Царемъ непреклонность воли и твердость характера давали поводъ думать, что, въ случаѣ сознанной Имъ необходимости, Онъ не посмотритъ на это и объявитъ войну Портѣ. При такихъ обстоятельствахъ, отъ исхода возложеннаго на Веллингтона порученія зависѣло по меньшей мѣрѣ разъясненіе всѣхъ-интересовавшей загадки: какъ смотритъ новый Императоръ на греческій вопросъ, и насколько опасеніе вооруженнаго столкновенія Россіи съ Турціею можетъ угрожать политическому спокойствію великихъ европейскихъ державъ?

Веллингтонъ какъ нельзя лучше понялъ и сущность своей задачи при тогдашней обстановкѣ, и твердость рѣшительнаго характера Русскаго Царя, а потому, 4-го апрѣля 1826 года,

подписалъ, вмѣстѣ съ канцлеромъ Нессельроде и княземъ Ливеномъ, „протоколъ“ о греческихъ дѣлахъ, позволившій Россіи и Англіи вмѣшаться въ борьбу Греціи и послужившій впоследствии основаніемъ знаменитому лондонскому „договору“ 6 іюля 1827 года. На основаніи протокола, Англія и Россія соглашались *сообща* заявить Турціи, что долгъ человѣчества повелѣваетъ имъ принять немедленно мѣры къ прекращенію истребительной, страшной и бесполезной войны, приглашая Францію и другія державы присоединиться къ этой деклараціи. Замѣтимъ при томъ, что, по смыслу протокола Россія выразила готовность дѣйствовать въ полномъ союзѣ съ Англіею только по греческому вопросу; въ разрѣшеніи же всѣхъ другихъ несогласій своихъ съ Портою, она предоставила себѣ право поступать совершенно независимо.

Въ своемъ разговорѣ съ Веллингтономъ о греческихъ дѣлахъ, Императоръ сравнилъ между прочимъ Турцію съ неизлѣчимымъ больнымъ и спросилъ мнѣніе герцога: что послѣдуетъ по смерти этого *больного челоѣка* и какъ поступить съ *наслѣдствомъ*, которое послѣ него останется.

— Ваше Величество (отвѣтилъ Веллингтонъ, выслушавъ знаменитое сравненіе), вопросъ о наслѣдствѣ было бы легко рѣшить, если бы въ Турціи было *два* Константинополя.... Что-же касается болѣзни Турціи, то нельзя забывать, что она уже четвертый вѣкъ умираетъ....

Воцареніе Императора Николая Павловича составляетъ эпоху въ исторіи Востока. Еще до созданія имъ этой эпохи, юный монархъ сумѣлъ пріобрѣсти славу челоѣка энергическаго, горячаго патріота, вѣрующаго въ великое призваніе Россіи на Востокъ, а по всему этому далеко не столь податливаго вліянію князя Меттерниха, какъ въ Вѣнѣ почившій Братъ Его. На основаніи этихъ данныхъ, вся европейская дипломатія выражала увѣренность, что унаслѣдованный Императоромъ Николаемъ зачатокъ восточнаго во-

проса неотвратимо выйдетъ изъ того періода колебаній, уступокъ и полумѣръ, которыми ознаменовали его послѣдніе годы царствованія Императора Александра I-го. Увѣренность эта вполне оправдалась. Присутствуя близкимъ зрителемъ при происходившихъ событіяхъ, Великій Князь Николай Павловичъ успѣлъ придти къ вынесенному и нынѣ Россіею горькому убѣжденію, что чрезмѣрная уступчивость лишь ободряетъ враговъ, даетъ имъ и время приготовиться къ бою, и смѣлость отважиться на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ ихъ и къ требованіямъ безпрестанно возрастающимъ и, наконецъ, несовмѣстнымъ съ достоинствомъ и интересами уступающаго. Вслѣдствіе этого убѣжденія, едва принявъ бразды правленія, Императоръ Николай успѣшилъ дать канувшему въ воду восточному вопросу живительный толчекъ. Ничто лучше не характеризуетъ энергіи и дѣятельности, внутреннихъ лично Государемъ нашей дипломатіи при началѣ этого новаго фазиса дѣла, какъ слѣдующія строки знаменитаго адмирала Эдуарда Кодрингтона, главнокомандующаго союзными флотами въ Наваринѣ: *) „Русскій Императоръ долго настаивалъ на необходимости внимательства для замиренія Греціи и Лепанта“, писалъ Наваринскій побѣдитель, „и когда наконецъ Каннингъ убѣдился, что Россія скорѣе одна предприметъ что-либо, чѣмъ откажется отъ всякаго дѣйствія, то онъ послалъ герцога Веллингтона въ Петербургъ и подписалъ апрѣльскій протоколъ 1826 года, послужившій основаніемъ дѣйствительнаго вмѣшательства Англіи и Россіи и послѣдующаго договора 6-го іюля, обезпечившаго содѣйствіе Франціи“.

Дѣйствительно, герцогъ Веллингтонъ, герой Ватерлоо, былъ, что называется, *persona grata* при русскомъ дворѣ. Самое назначеніе его служило недвухсмысленнымъ намекомъ на готовность Англіи ко всякимъ уступкамъ рѣшительному характеру молодаго Императора, — готовность, которая въ самомъ дѣлѣ вдругъ стала выказываться

*) Memoir of the life of Admiral Sir E. Codrington. Біографія Адмирала Кодрингтона. Т. I, стр. 362—363.

тогда въ политикѣ Англіи относительно Россіи. Каннингъ, какъ человѣкъ, знавшій чего онъ хочетъ и чего онъ рѣшился избѣгать, выполнѣ сознавая что Императоръ Всероссійскій твердо рѣшился настоять на дѣйствительномъ и прочномъ обезпеченіи Эллиновъ противъ повторенія ихъ страшныхъ бѣдствій, къ тому же, не считая полезнымъ для Англіи противиться русскимъ видамъ силою оружія, рѣшился на героическое средство, чтобы не дать Россіи взять въ свои руки управленіе судьбами Востока и, своимъ вліяніемъ, вытѣснить изъ области восточнаго вопроса вліяніе Англіи. „Когда Каннингъ усвоилъ себѣ наконецъ ту смѣлую политику“, продолжаетъ адмиралъ Кодрингтонъ, „по которой Россія *была взята за руку* другими державами, рѣшившимися лучше сопровождать ее, чѣмъ допустить ее идти особнякомъ, оставалось лишь быстротою дѣйствій сокрушить отпоръ. Одинъ изъ блистательнѣйшихъ дипломатовъ того времени отзывался, что лучшее средство не пускать Россію за предѣлы договора—держать ее въ согласіи съ Англіей“ *).

Нельзя сказать, однако, предвидѣлъ ли Каннингъ—какъ далеко пойдетъ дѣло, на которомъ онъ остановился. Послѣдующія событія даютъ поводъ сомнѣваться въ томъ. Во всякомъ случаѣ, герцогъ Веллингтонъ не помышлялъ, что случится боевое столкновеніе между Англіей и Турціей. Дѣйствительно, договоръ заключенный въ Петербургѣ 4 апрѣля (23 марта) 1826 г. между Россіей и Англіей, хотя и выговаривалъ отправленіе обоихъ союзныхъ флотовъ въ Архипелагъ, но отнюдь не предвидѣлъ для обѣихъ державъ возможности какого бы то ни было столкновенія съ Турками: въ немъ имѣлось въ виду оказаніе Грекамъ одной лишь дипломатической поддержки съ единственною цѣлью прекратить кровопролитіе. Этимъ путемъ надѣялись доставить Греціи, подъ верховенствомъ султана и съ утвержденія его, избирательное прави-

*) Книга Кодрингтона, т. I, стр. 363.

тельство, и освободить Грековъ отъ совмѣстнаго жительства съ Турками.

Чтобы уяснить себѣ, насколько было сильно впечатлѣніе, произведенное на Европу извѣстіемъ о „протоколѣ“, необходимо припомнить тогдашнее общественное настроеніе.

Возстаніе Греціи за независимость, начатое еще въ 1821 году Ипсиланти и продолжавшееся съ возрастающимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, было тогда въ полномъ разгарѣ. Шестилѣтняя кровопролитная рѣзня горсти Грековъ съ турецкою ордою, сопровождаемая разбоями, звѣрствами и насиліями, давно уже обращала на себя сострадательные взоры филантроповъ. Временами, сочувствіе это какъ бы нѣсколько стушевывалось; временами же, подъ вліяніемъ новыхъ кровавыхъ эпизодовъ, состраданіе къ угнетеннымъ проявлялось взрывомъ негодованія противъ турецкаго насилія и требовало отмщенія.... Именно такимъ было общественное настроеніе въ 1826 году, когда пронеслась вѣсть о геройствѣ Грековъ, обезсмертившихъ себя въ Миссолунгѣ. На разстояніи, отдѣляющемъ насъ отъ описываемыхъ событій, трудно дать понятіе о впечатлѣніи, которое было произведено во всей Европѣ извѣстіемъ о паденіи этой крѣпости, — справедливо замѣчаетъ г. Теокистовъ въ своей книгѣ о борьбѣ Греціи за независимость. Разказы о страданіяхъ, перенесенныхъ защитниками, о страшной ночи, въ которую они съ женами и дѣтьми пробивали себѣ путь черезъ многочисленный непріятельскій лагерь, о множествѣ несчастныхъ, купившихъ себѣ неслыханнымъ геройствомъ только позорную неволю, переходили изъ устъ въ уста и возбуждали восторгъ во всѣхъ, чье сердце не охладѣло къ проявленію высокой доблести.... При извѣстіи о страшномъ несчастіи, въ Греціи впервые замолкли всѣ распри и всѣ несогласія. Когда президентъ законодательнаго собранія сообщилъ ему объ участи крѣпости, въ залѣ водворилась мерт-

вая тишина и въ теченіи цѣлаго получаса никто не могъ произнести ни одного слова: каждый вдумывался въ глубинѣ души въ бѣдствія, можетъ быть, въ гибель отечества. Положеніе страны казалось почти безвыходнымъ: доходы упали чрезвычайно; два англійскіе займа истощились совершенно; народные вожди, прибывъ въ Навплию, нашли въ государственномъ казначействѣ всего 60 піастровъ!

Новый взрывъ общественнаго сочувствія наиболѣе образованныхъ странъ Европы былъ отвѣтомъ на извѣстія о новыхъ несчастіяхъ греческихъ борцовъ за свободу. Парижскій комитетъ принялъ дѣятельныя мѣры къ повсемѣстному во Франціи усиленію денежныхъ сборовъ въ пользу Греціи; Парижъ былъ раздѣленъ на участки, и дамы высшаго общества стали ходить по домамъ за сборомъ для несчастныхъ. Въ палатѣ депутатовъ, Бенжаменъ Констанъ, въ весьма рѣзкой рѣчи къ министерству, потребовалъ примѣрнаго наказанія Французовъ, служившихъ въ лагерѣ Ибрагима; въ отвѣтъ же своемъ министръ финансовъ упомянулъ, что „мудрый образъ дѣйствій европейскихъ кабинетовъ даетъ право рассчитывать на скорое прекращеніе страданій Греціи и что французское правительство вовсе не такъ равнодушно къ этимъ страданіямъ, какъ увѣряютъ его противники“. Громъ рукоплесканій покрылъ это заявленіе, обнаружившее намѣреніе Франціи примкнуть къ союзу между Англіею и Россіею.... Во многихъ мѣстностяхъ Германіи дѣятельность филэллиновъ отличалась небольшою искренностью и энергіею. Особенно успѣшно шло дѣло въ Баваріи, гдѣ только что вступившій на престолъ король Лудвигъ тотчасъ пожертвовалъ 100,000 гульденовъ для выкупа несчастныхъ, попавшихся въ плѣнъ при паденіи Миссолунги; мало того: во время своего путешествія по государству, король отказывался отъ всѣхъ увеселеній и отъ всѣхъ празднествъ съ тѣмъ, чтобы ассигнованныя суммы были употреблены для Греціи. Въ Берлинѣ пропагандировалъ тоже дѣло Неандеръ.

Историки борьбы Грековъ за освобожденіе справедливо замѣчаютъ, что возстанія въ Италіи и Испаніи возбуждали въ Европѣ симпатіи лишь либеральной партіи, между тѣмъ какъ возстаніе Грековъ привлекло къ себѣ людей всѣхъ классовъ общества и всѣхъ образовъ мыслей. Журналистика и литература разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ и направленій единодушно способствовали проявленію и поддержанію общественнаго сочувствія къ дѣлу греческихъ патріотовъ. *Journal des Débats*, *Gazette de France* и *Allgemeine Zeitung*, Байронъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ, Шатобрианъ въ своей знаменитой брошюрѣ о Греціи, десятки другихъ менѣе извѣстныхъ писателей, при каждомъ удобномъ случаѣ энергично отстаивали интересы угнетенныхъ, и каждое слово людей пера и мысли находило себѣ сочувственный отзывъ въ массахъ читающей публики. Горячія симпатіи къ эллинизму всѣхъ классовъ общества и даже такихъ лицъ, которыхъ ужь никакъ нельзя было заподозрить въ революціонномъ направленіи, постепенно разсѣяли въ правительствахъ тревожную мысль о солидарности принциповъ греческаго возстанія съ началами революціонныхъ тайныхъ обществъ, и одна лишь Австрія, вопреки здравому смыслу и истинѣ, продолжала увѣрять, будто существуетъ тѣсная связь между карбонарами и Греками...

Обращаясь къ тогдашнему русскому обществу, мы должны замѣтить, что господствовавшее въ немъ настроеніе въ пользу Грековъ проявлялось еще рельефнѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы. Собственно для Россіи война христіанина съ Туркомъ всегда казалась прежде всего „войною за вѣру“; въ борьбѣ греческихъ патріотовъ наше общество видѣло „войну за отечество“; представленіе же о томъ, что султанъ можетъ быть по праву „царемъ христіанскаго населенія“, никогда не усвоить себѣ чело-вѣкъ истинно русскій. Во времена Александра Павловича уже вся Россія скорбѣла объ участи Грековъ; вѣсть о паденіи Миссолунги и о дальнѣйшихъ несчастіяхъ греческихъ патріотовъ еще

болѣе укрѣпила русское общественное сочувствіе къ тяжкому положенію нашихъ *единовѣрцевъ*.

Веллингтонъ еще не успѣлъ уѣхать изъ Россіи, какъ русскій посолъ въ Константинополь Минчіаки предъявилъ турецкому правительству ноту, которою, категорически и въ угрожающихъ выраженіяхъ, настаивалъ: 1) чтобы въ княжествахъ былъ возстановленъ *statu quo* 1821 года; 2) чтобы немедленно были освобождены депутаты Сербіи, удерживаемые въ Константинополь заложниками за спокойствіе своей страны; 3) чтобы турецкіе уполномоченные прибыли къ русской границѣ для переговоровъ о всѣхъ вопросахъ, поставленныхъ въ Бухарестскомъ трактатѣ. Ультиматумъ этотъ былъ помѣченъ пятымъ апрѣля, а такъ какъ Порта вначалѣ отдѣлывалась молчаніемъ, то Минчіаки снова заявилъ отъ имени Государя, что если въ теченіи шести недѣль не послѣдуетъ отвѣта, русское посольство оставитъ Константинополь, и въ заключеніе прибавилъ: „министрамъ его величества султана легко предвидѣть непосредственныя слѣдствія такого событія“.... Боязнь перехода русскихъ черезъ Прутъ подѣйствовала—и нѣсколько дней спустя состоялся приказъ очистить Молдавію и Валахію отъ турецкихъ войскъ.

Распоряженіемъ этимъ удовлетворялось главнѣйшее изъ требованій русскаго правительства; для устраненія же другихъ причинъ неудовольствій между петербургскимъ кабинетомъ и Портою положено было созвать особыхъ уполномоченныхъ въ Аккерманъ, на обязанность которыхъ и возлагалось веденіе переговоровъ. О разрѣшеніи „греческаго вопроса“ въ нотѣ Минчіаки не говорилось ни слова, а потому онъ и не могъ быть предметомъ аккерманскихъ соглашеній.

Выше упомянуто, что по отношенію къ греческимъ дѣламъ русское правительство рѣшилось дѣйствовать сообща съ Англіею. Петербургскій „протоколъ“ былъ составленъ въ тайнѣ, опубли-

ковали его лишь через мѣсяцъ послѣ его подписанія: легко себѣ представить, какую бурю негодованія этотъ государственный актъ произвелъ въ средѣ австрійскихъ дипломатовъ. Соединенныя государства обязывались предложить Турціи посредничество для замиренія Греціи на условіяхъ, предварительно обсуженныхъ Каннингомъ въ его совѣщаніи съ главнѣйшими предводителями возстанія. Портѣ предлагалось: сохранить свое верховное владычество въ Греціи, получать отъ нея ежегодную дань, съ тѣмъ вмѣстѣ ей предстояло: обезпечить Грекамъ свободу вѣроисповѣданія, торговли и управленія и признать за ними право выбирать своихъ сановниковъ; при этомъ Турки были обязаны выселиться изъ греческихъ областей, получивъ денежное вознагражденіе за свои помѣстья. На случай непринятія этихъ условій Портою, Россія и Англія объявляли заранѣе, что онѣ не отступятся отъ нихъ ни подъ какимъ видомъ; Россія же (какъ упомянуто выше) оставляла за собою полнѣйшую независимость и свободу дѣйствій въ разрѣшеніи всѣхъ другихъ *своихъ* несогласій съ Портою, не имѣющихъ отношенія къ греческому вопросу. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ первоначальными предположеніями, что Россія (какъ можно было бы заключить изъ ноты Минчіаки) не вступится за Грековъ и не помѣшаетъ Портѣ раздавить возстаніе, особенно поразили князя Меттерниха.

Между тѣмъ наступилъ іюнь 1826 года, и въ Аккерманъ прибыли уполномоченные Россіи и Турціи. Представителями съ нашей стороны были назначены генераль-губернаторъ Новороссійскаго края графъ Воронцовъ и тайный совѣтникъ Рыбошьеръ; въ то же время на берегахъ Прута стало сосредоточиваться до 80,000 нашихъ войскъ. Въ началѣ переговоры были безуспѣшны, такъ какъ Россія предъявляла требованія, которыя не заключались въ ея ультиматумѣ, а турецкіе уполномоченные просили срока для полученія новыхъ инструкцій. Вскорѣ султанъ оказался уступчивымъ: князь Меттернихъ считалъ уже протоколъ 4-го апрѣ-

ля „мертворожденнымъ младенцемъ“ и „ударомъ меча по водѣ“; въ свою очередь, русскіе уполномоченные, предъявлявшіе новыя требованія, не говорили однако ни слова о Греціи; европейская дипломатія энергично побуждала Порту сдѣлать уступки, а самому султану хотѣлось только устранить всѣ препятствія, мѣшавшія ему управиться съ инсургентами. Подъ вліяніемъ такихъ фактовъ и соображеній, султанъ рѣшился удовлетворить требованія Россіи, и 6-го октября новаго стиля былъ подписанъ Аккерманскій договоръ, одно изъ искуснѣйшихъ дѣлъ нашей дипломатіи: онъ не только возстановилъ вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, но сверхъ того расширилъ льготы Молдавіи, Валахіи и Сербіи *).

*) Чтобы показать, какое значеніе придавали Аккерманской конвенціи дипломатическіе кружки Австріи, приводимъ появившееся недавно въ «Древней и Новой Россіи» письмо Генца къ извѣстному фонъ-Оттенфельсу. «Вы легко вообразите, мой дорогой другъ (писалъ Генцъ), какое впечатлѣніе произвели на меня результаты Аккерманскихъ конференцій. Вы знаете.... то искреннее участіе, которое я принимаю въ прочности и благосостояніи Порты. Признаюсь вамъ, что *образъ дѣйствій Русскихъ въ этомъ дипломатическомъ походѣ поразилъ меня въ сердце*; ничего не бывало болѣе насильственнаго и болѣе вѣроломнаго даже въ дипломатическихъ актахъ Наполеона и его достойныхъ сподвижниковъ». — Генцъ неистовствовалъ, видя, что Россія умѣла воспользоваться удобною минутою для своего ультиматума, успѣхъ же выбора момента объясняется тѣмъ, что какъ разъ въ это самое время султанъ Махмудъ разрушилъ опору своего могущества уничтоживъ корпусъ янычаръ, и новая армія его еще не была готова, между тѣмъ какъ Россія умѣла войти въ соглашеніе съ Англіею. Многіе австрійскіе дипломаты ясно предвидѣли, что за Аккерманской конвенціей послѣдуетъ вопросъ объ умиротвореніи Греціи. Въ своемъ письмѣ къ фонъ-Оттенфельсу Генцъ съ досадою говоритъ, что, вѣроятно, по прибытіи новаго русскаго посла Рибопьера въ Константинополь, дворы лондонскій и петербургскій сдѣлаютъ еще одну попытку провести этотъ вопросъ. Всѣ политическія дѣла того времени, касавшіяся облегченія участи инсургентовъ, Генцъ называетъ смертными грѣхами. «Я былъ бы утѣшенъ (говоритъ онъ) только въ томъ случаѣ, если бы могъ передать Меттерниху *все недовѣріе и всю ненависть, которыя я питаю къ Русскимъ*. Отъ нашей естественной политической союзницы, отъ Англіи, мы оторваны, но (утѣшалъ себя Генцъ) естественный ходъ дѣлъ снова сблизитъ насъ, если мы поймемъ, какъ должно ненавидѣть Русскихъ, и научимся остерегаться нашихъ неизмѣнныхъ и естественныхъ враговъ».

Веденіе Аккерманскихъ соглашеній, къ прямой досадѣ австрійскихъ дипломатовъ не задерживало разрѣшенія дѣла греческихъ борцовъ за освобожденіе. Въ сентябрѣ 1826 года Каннингъ прибылъ въ Парижъ, чтобы привлечь правительство Карла X къ англо-русскому союзу, и побѣдка его привела къ довольно удовлетворительной развязкѣ: парижскій кабинетъ выразилъ согласіе дѣйствовать за одно съ Каннингомъ на пользу Греціи, лишь бы при этомъ были удовлетворены самолюбіе и тщеславіе Французовъ; между прочимъ требовалось, чтобы протоколъ былъ обращенъ въ формальный трактатъ между тремя державами. Рядъ новыхъ интригъ австрійскихъ дипломатовъ не помѣшалъ Франціи открыто присоединиться къ Англіи и Россіи и, по настойчивому предложенію русскаго кабинета, тройственный договоръ между названными державами окончательно состоялся въ Лондонѣ 24-го іюня (6-го іюля) 1827 года. Этотъ знаменитый международный актъ былъ подписанъ русскимъ посломъ княземъ Ливеномъ, французскимъ посломъ принцемъ Полиньякомъ и виконтомъ Дудлей, британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и уполномоченнымъ его британскаго величества.

„Лондонскій договоръ“, какъ извѣстно, былъ составленъ на основаніи „петербургскаго протокола“ о предоставленіи Грекамъ автономіи подъ верховнымъ покровительствомъ султана; при этомъ въ „добавочной“, на первое время секретной, статьѣ трактата было категорически выражено—какія именно мѣры примутъ союзники въ томъ случаѣ, „если въ теченіи одного мѣсяца Порты не согласится на предложеніе посредничества высокихъ договаривающихся сторонъ“. „Добавочная“ статья состояла изъ четырехъ параграфовъ. Первымъ изъ нихъ опредѣлялось: объявить Портѣ, что затрудненія и бѣдствія, указанныя въ трактатѣ, приводятъ договаривающіяся державы къ необходимости *принять немедленныя мѣры для сближенія съ Греками* и что такое

сближеніе будетъ произведено установленіемъ торговыхъ сношеній, отправленіемъ консульскихъ агентовъ и принятіемъ такихъ же агентовъ со стороны Грековъ, *пока у нихъ будутъ власти, способныя поддержать эти сношенія*. Во второмъ параграфѣ указывалось, что если бы въ теченіи одного мѣсяца Порта не приняла предложеннаго ей перемирія съ Греками, ей будетъ объявлено отъ имени трехъ державъ, что онѣ соберутъ свои эскадры для воспрепятствованія прибытію въ Грецію или въ Архипелагъ турецкихъ и египетскихъ подкрѣпленій и военныхъ снарядовъ; въ такомъ случаѣ соединеніе эскадръ должно было послѣдовать *немедленно*, причемъ договаривающіяся державы обѣщали обращаться съ Греками *какъ съ друзьями*, не принимая однако участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ воюющихъ сторонъ. Если бы Порта приняла предложеніе перемирія, а Греки отвергли его или, принявъ, стали дѣйствовать несогласно съ своими обязательствами—соединенныя эскадры, согласно 3-му параграфу „добавочной“ статьи, должны были ограничиться наблюденіемъ за соблюденіемъ перемирія, не принимая однако участія въ самой войнѣ. Наконецъ, заключительный параграфъ опредѣлялъ, что если бы, „вопреки всякому ожиданію“, осуществленіе вышеизложенныхъ мѣръ не заставило Порту принять предложеніе, или съ другой стороны, если бы Греки отказались отъ протокола,—договаривающіяся державы тѣмъ не менѣе будутъ продолжать преслѣдованіе своей цѣли; съ тѣмъ вмѣстѣ державы дали своимъ представителямъ въ Лондонѣ право: „обсуждать и условиться о послѣдующихъ мѣрахъ, употребленіе которыхъ могло бы сдѣлаться необходимымъ.“

— Не хочу слушать вашей бумаги, отказываюсь даже принять ее, рѣзко объявилъ Рейсъ-эффенди когда должно было состояться официальное врученіе ноты отъ имени трехъ державъ.

Дѣлать было нечего: непринятую Диваномъ ноту оставили на софѣ... На первый разъ въ этомъ и выразилось „врученіе“ официального документа.

Прошелъ мѣсяцъ со времени этого своеобразнаго „врученія“: посланники, на основаніи инструкцій, снова обратились къ турецкому правительству за отвѣтомъ.

— Опреѣленный, безусловный, окончательный, неизмѣнный, вѣчный отвѣтъ султана состоитъ въ томъ, что *никогда и ни отъ кого онъ не приметъ какого бы то ни было предложенія о Грекахъ*,—раздражительно отозвался Рейсъ-эффенди.

Предвидѣть подобный отвѣтъ можно было заранее. Порты уже не разъ прислушивалась къ такого рода предложеніямъ, и до сихъ поръ она отвѣчала на нихъ либо презрительнымъ молчаніемъ, либо выраженіемъ крайней надменности. Турецкіе сановники умѣли во-время напоминать дипломатамъ заявленіе британскаго посла на веронскомъ конгрессѣ, и любили высказывать при удобномъ случаѣ, что всякое *независимое* государство имѣетъ, кромѣ обязательствъ налагаемыхъ на него *международными* трактатами, также и свои собственные, частныя, *только до него относящіяся* дѣла. Особенно раздражались турецкіе сановники противъ Россіи, утверждая, что, послѣ Аккерманскаго договора мы будто бы не имѣемъ никакихъ правъ на новыя притязанія, хотя Рибопьеръ и доказывалъ, что соглашенія въ Аккерманѣ не имѣли и не могли имѣть рѣшительно никакого отношенія къ греческимъ дѣламъ.

При такой обстановкѣ оставалось одно: прибѣгнуть къ угрозѣ, опираясь на матеріальную силу достаточную для ея осуществленія. Союзъ трехъ великихъ европейскихъ державъ представлялъ именно такую силу. Турецкіе сановники сами начинали, наконецъ, понимать опасность, а потому—по крайней мѣрѣ по внѣшности—они казались иногда готовыми подчиниться суровымъ требованіямъ холоднаго размышленія. Миновала уже необходимость „вручать“ Дивану дипломатическіе документы посредствомъ оставленія ихъ на софѣ, и французскому драгоману удалось прочесть турецкому министерству содержаніе второй ноты, заявляющей рѣшеніе союза—„принудить“ враждующія стороны къ перемирію.

— Что это значит? Державы объявляют войну Турціи? спросилъ министръ.

Ему объяснили, что въ силу прочитанной ноты война еще не объявляется и союзъ великихъ державъ не думаетъ прекращать дружескихъ сношеній съ Портою, но, въ видахъ крайней необходимости, рѣшается препятствовать турецкимъ войскамъ высаживаться на греческій берегъ. Объясненіе не было понято, поэтому его пришлось повторить. Министерство снова отозвалось непониманіемъ—какъ можетъ быть совмѣщено понятіе о дружбѣ съ понятіемъ о принудительныхъ, насильственныхъ дѣйствіяхъ. „Не могутъ хворостъ и огонь безопасно лежать другъ подлѣ друга, не могутъ...“ повторялъ Рейсъ-эффенди.

Вообще говоря, вторая нота союзныхъ державъ вызвала крайнее неудовольствіе и раздраженіе въ турецкомъ кабинетѣ. Спустя нѣкоторое время всѣмъ стало очевидно, что Порта рѣшительно отказывается принять посредничество и что наступила минута: бросивъ дипломатическіе переговоры, обратиться къ оружію....

Союзники такъ и поступили *)....

Паденіе Миссолунги было далеко не послѣднею каплею горькой чаши, которую досталось испытать греческому возстанію. Вновь пробудившееся въ Европѣ сочувствіе къ Греціи и ея патріотамъ, высылка денежныхъ пожертвованій и новыя попытки дипломатіи

*) «Находилась въ тѣ времена прекрасная греческая страна въ тяжелой неволѣ у Турчанъ, а Турчане эти—коварные и жестокіе злодѣи, и чрезмѣрно угнетали они тотъ злополучный народъ, обращая ихъ въ рабовъ своихъ, съ тяжкимъ удрученіемъ, безъ всякой пощады умерщвляя ищущихъ освобожденія. И всѣ европейскія племена возгнѣвались при видѣ столь прекрасной греческой страны въ загонѣ, порчѣ и опалѣ у того самаго сѣвернаго турецкаго племени. Вотъ три наибольшіхъ народа Европы, аглицкій, галльскій и русскій, сложили союзъ и договоръ да предпримутъ удаленіе тѣхъ напастей и для того отправилъ каждый изъ нихъ морскую рать». Такъ излагается этотъ моментъ въ подражаніи древнимъ хроникамъ, написанномъ въ послѣдствіи дочерью адмирала Кодрингтона въ честь Наваринскаго боя. См. въ Приложеніяхъ.

уладить дѣло, были только палліативными средствами къ искорененію зла: средства эти дали Грекамъ временно возможность продолжать начатое, но конечно не могли остановить упадка *матеріальныхъ* силъ страны, а рядомъ съ этимъ—что еще плачевнѣе — все рѣзче и рѣзче стали являться признаки *нравственнаго* разложенія въ средѣ представителей возстанія. Сухопутная армія продолжала борьбу, но сражалась съ врагомъ очертя голову, подвергаясь всѣмъ ужасамъ недостатка въ продовольствіи и боевыхъ запасахъ; объ единствѣ въ дѣйствіяхъ разрозненныхъ войскъ не могло быть и рѣчи; военный флотъ существовалъ почти лишь номинально. Между тѣмъ походы турецкихъ полководцевъ Ибрагима-паши и Решида-паши по Греціи были, по прежнему, рядомъ побѣдъ надъ несчастными инсургентами, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терявшими почву для борьбы съ непріателемъ. Египтяне Ибрагима ворвались снова въ Морею и прошли лучшія ея провинціи, обращая жителей въ рабство, насилуя женъ, убивая дѣтей, угоняя скотъ, разрушая города, села и деревни; съ другой стороны, въ половинѣ 1826 года, Решидъ-паша окончательно покорилъ западную Грецію, ворвался въ ея восточныя области и, подойдя къ Аѣинамъ, приступилъ къ осадѣ города. Небольшой греческій гарнизонъ заперся въ Акрополѣ, между тѣмъ какъ другіе отряды инсургентовъ въ окрестностяхъ Аѣинъ предпринимали отчаянныя и иногда довольно удачныя попытки спасти согражданъ, застѣвшихъ въ крѣпости.

Къ довершенію бѣдствій Греціи, центральное управленіе страпою шло изъ рукъ вонъ плохо. Всѣмъ было очевидно, что существующее правительство роняетъ власть и оказывается безсильнымъ направить дѣло къ желаемому исходу; нужны были представители болѣе энергичные, болѣе способные и популярныя, но общественное мнѣніе долго не могло остановиться на избранникѣ. Къ тому же явились неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ борьба партій и интриги, иногда не имѣвшія ничего общаго съ народными интересами.... Нако-

нецъ, Колокотрони сталъ настаивать на выборѣ достойнаго правителя. Выборъ его остановился на графѣ Каподистріи; англійская партія долго противилась этому назначенію, опасаясь, что оно послужитъ расширенію русскаго вліянія на греческія дѣла. Партія Колокотрони однако восторжествовала: 11-го апрѣля 1827 года конгрессъ въ городѣ Трезенѣ единодушно избралъ графа Ивана Антоновича Каподистріа, въ то время находившагося въ Петербургѣ на русской службѣ, президентомъ или регентомъ Греціи на семь лѣтъ, съ назначеніемъ временнаго правительства изъ трехъ гражданъ до прибытія новаго президента.

Пріѣздъ графа Каподистріи для управленія разстроенными дѣлами Греціи не могъ, къ сожалѣнію, состояться такъ скоро какъ ожидалось, а между тѣмъ временное правительство вскорѣ обнаружило свое полнѣйшее ничтожество. Законодательное собраніе потеряло значеніе, генералы по прежнему враждовали между собою и англійская партія, въ лицѣ Чорча и Кокрена, дѣлала, что ей хотѣлось. Рѣшено было вступить въ генеральный бой съ противникомъ, но прежде чѣмъ это состоялось Греки овладѣли укрѣпленіемъ близъ монастыря св. Спиридона и ознаменовали свою побѣду безчеловѣчною рѣзней почти беззащитныхъ непріятелей (Албанцевъ), сдавшихся на выгодную капитуляцію... Справедливость требуетъ сказать, что это проявленіе дикаго изуверства со стороны Грековъ совершилось противъ желанія англійскихъ полководцевъ: напротивъ, это гнусное дѣло и убѣдило Кокрена въ необходимости смыть скорѣе позоръ съ арміи инсургентовъ геройскимъ подвигомъ въ открытомъ генеральномъ бою съ Рендидъ-пашею. Бой этотъ, какъ нельзя болѣе рискованный, „безумный и по мысли, и по исполненію“ (какъ выразился о немъ даже сторонникъ Кокрена, англичанинъ Гордонъ), произошелъ 5-го мая 1827 года и кончился совершеннымъ пораженіемъ Грековъ; вслѣдъ за тѣмъ состоялось и паденіе Акрополя...

Съ этой минуты положеніе возстанія сдѣлалось окончательно безвыходнымъ: многія эпархіи стали добровольно подчиняться Туркамъ, отказываясь отъ повиновенія своимъ вождямъ. Портъ оставалось лишь покорить островъ Гидру чтобы въ конецъ подорвать возстаніе, поэтому султанъ вручилъ Ибрагиму-пашѣ главное начальство надъ соединеннымъ турецкимъ и египетскимъ флотомъ, съ цѣлью окончательно покорить непокорныхъ...

Вотъ, въ общихъ чертахъ, безотрадное положеніе дѣла греческихъ борцовъ за независимость въ то время, когда союзный флотъ уже приближался къ мѣсту дѣйствія.

Русская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Сенавина, согласно сдѣланному распоряженію, вытянулась на Кронштадтскій рейдъ къ 21 мая 1827 года. Адмиралъ поднялъ свой флагъ на кораблѣ „Азовъ“; флагманами были: вице-адмиралъ Лутохинъ на кораблѣ „Князь Владиміръ“ и контръ-адмиралъ графъ Гейденъ на кораблѣ „св. Андрей“. Вся эскадра состояла изъ 9 кораблей, 7 фрегатовъ и 1 корвета.

Нѣсколько дней спустя, именно 30 мая, удостоилось Высочайшаго утвержденія „наставленіе адмиралу Сенавину“. Въ наставленіи указывалось, что по прибытіи эскадры изъ Кронштадта въ Портсмутъ, по предварительномъ сношеніи съ нашимъ посломъ въ Лондонѣ, адмиралъ Сенавинъ долженъ отдѣлить отъ эскадры, по собственному выбору, 4 линейныхъ корабля, 4 фрегата и 2 брига для составленія особой эскадры подъ командою контръ-адмирала графа Логина Петровича Гейдена. Будущей эскадрѣ графа Гейдена предписывалось: получивъ отъ князя Ливена предписаніе о времени выхода изъ Портсмута, отправиться въ Средиземное море для оказанія защиты и покровительства русской торговлѣ въ Архипелагѣ, наблюдая строгій нейтралитетъ въ войнѣ между Турками и Греками. Къ счастью, эта первоначальная

весьма ограниченная цѣль назначенія эскадры была вскорѣ значительно расширена вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ: въ виду лондонскаго договора 6-го іюня, русской флотиліи пришлось войти въ составъ соединеннаго флота для защиты Грековъ отъ нападеній египетско-турецкихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ.

Эскадра адмирала Сениавина еще стояла на Кронштадтскомъ рейдѣ, какъ вдругъ, въ полночь на 10-е іюня, Императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ на корабль „Азовъ“. Ночнымъ сигналомъ было приказано сняться, начиная съ передовыхъ подвѣтренныхъ судовъ, и вскорѣ весь флотъ былъ уже подъ парусами. Съ восходомъ солнца, на „Азовѣ“ подняли штандартъ, означавшій что Государь лично предводительствуетъ флотомъ... Громъ пушекъ съ судовъ и крѣпостныхъ верковъ радостно привѣтствовалъ это извѣстіе, и эскадра, пользуясь легкимъ попутнымъ вѣтромъ, двинулась впередъ...

„Куда идемъ: на маневры или въ далекое море“ — думалось морякамъ. „А если въ далекое море, то по какому направленію? посылають-ли насъ въ Америку помогать Испанцамъ, какъ толкуютъ въ Кронштадтѣ, или же насъ посылають сразиться за нашу вѣру вмѣстѣ съ Греками?“

.

Послѣ маневровъ подъ Красною Горкою, на кораблѣ „Азовѣ“ подняли сигналъ общаго богослуженія. Государь присутствовалъ при совершеніи напутственнаго молебствія и затѣмъ, прощаясь съ эскадрою, произнесъ заветныя для нея слова: *„Надѣюсь, что въ случаѣ какихъ либо военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріателемъ по русски“*.

Это и было началомъ знаменитаго похода русскаго флота за неувыдаемыми Наваринскими лаврами....

ГЛАВА II

Передъ Навариномъ

Не дожидаясь заключенія Лондонскаго протокола, петербургскій кабинетъ отправилъ 1-го іюля графу Гейдену новыя инструкціи, значительно отступавшія отъ первоначально вмѣненнаго ему въ обязанность безусловнаго нейтралитета. Какъ ужь извѣстно, единодушнымъ избраніемъ своихъ соотечественниковъ графъ Каподистріа былъ назначенъ въ президенты временнаго греческаго правительства. Избраніе это, по примѣру Россіи, было одобрено и прочими державами. По примѣру же Россіи, державы рѣшили вступить съ президентомъ въ прямыя сношенія. Графу Каподистріи, какъ сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ Гейдену, были даны „особыя повелѣнія, каса-тельно *пособій*“, которыя должно „немедленно доставить Грекамъ“. Сверхъ того, въ распоряженіе президента Греціи отправлялся русскій военный бригъ, *Ахиллесъ*.

Но эта знаменательная перемѣна въ характерѣ инструкцій Гейдену не ограничивалась политическими мѣрами и денежными пособіями. Еще рельефнѣе выражалось ея значеніе въ предписанныхъ ею мѣропріятіяхъ чисто военнаго свойства. Лондонскою конференціей, какъ извѣстно, было постановлено предложить „воюющимъ сторонамъ“ посредничество трехъ державъ, для замиренія на основаніяхъ принятыхъ еще петербургскою конференціей. Мирнымъ переговорамъ должно было предшествовать немедленное заключеніе перемирія. Чтобы убѣдить Грековъ въ необходимости принять посредничество,

изъ Петербурга были посланы особыя указанія президенту Греціи, а къ эскадрѣ Гейдена былъ прикомандированъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ Катакази, владѣющій греческимъ языкомъ и, какъ природный Грекъ, близко знакомый съ дѣлами своихъ соотечественниковъ. Въ случаѣ отказа послѣднихъ принять предложеніе державъ, союзнымъ эскадрамъ предписывалось просто „наблюдать за соблюденіемъ перемирія, не принимая однако участія во враждебныхъ дѣйствіяхъ воюющихъ“. Что же касается Порты, то на случай если бы она отвергла предлагаемое посредничество, или не приняла его въ мѣсячный срокъ (измѣненный въ послѣдствіи въ *двухнедѣльный*), — договаривавшіяся державы должны были „обращаться съ Греками какъ съ друзьями, не принимая однако участія въ военныхъ дѣйствіяхъ“, хотя при этомъ эскадрамъ вмѣнялось въ обязанность *противиться* прибытію въ Грецію или въ Архипелагъ *всякаго подкрѣпленія* состоящаго изъ *турецкихъ и египетскихъ воиновъ и военныхъ снарядовъ*“.

Но какимъ образомъ „противиться“, безъ принятія „участія въ военныхъ дѣйствіяхъ“? Не говоря ужъ о турецкихъ судахъ, что дѣлать съ нейтральными, подвозящими Туркамъ, какъ дѣлали то Австрійцы, „воиновъ и военные снаряды“? — Весьма справедливо говорилъ въ послѣдствіи командиръ французской эскадры, контръ-адмиралъ де-Риньи, что ни протоколъ, ни основанныя на немъ инструкции не давали ему права „дѣлать распоряженія о задержаніи нейтральныхъ судовъ. Останавливать ихъ *словами* — сколько угодно; но если военное судно, австрійское или иное, спросило бы: *по какому праву?* — я не нашелся бы что отвѣчать“ (писалъ онъ *).... Вопреки настояніямъ русскаго правительства, велемудрая дипломатія избѣгая яснаго, опредѣлительнаго указанія, предпочла оставить открытымъ этотъ источникъ недоразумѣній, сомнѣній и колебаній въ дѣлѣ, въ которомъ всякое недоразумѣніе могло либо разразиться

*) См. Приложенія.

громовымъ ударомъ, либо привести къ тому, что всѣ торжественно предписываемыя мѣры останутся мертвою буквой. Событія доказали, что именно на этотъ послѣдній результатъ и рассчитывала западная дипломатія, предоставляя командирамъ эскадръ произвольное толкованіе данныхъ инструкцій а себѣ—возможность, если понадобится, сложить отвѣтственность „съ больной головы на здоровую“. Предписаніе же рѣшительныхъ, но легко обходимыхъ мѣръ, со стороны западной дипломатіи очевидно не имѣло иного основанія, какъ удовлетворить настояніямъ Россіи въ надеждѣ заслужить ея довѣріе, чтобы тѣмъ вѣрнѣе „взять ее за руку“ и повести согласно своимъ собственнымъ видамъ.

А русское правительство смотрѣло на все совсѣмъ иначе: именно съ точки зрѣнія *вполнѣ честной*. Это видно ужъ изъ того что на случай отказа Порты, соединенныхъ эскадрамъ (гласило уже приведенное Высочайшее повелѣніе) „предназначено наблюдать строгое крейсированіе такимъ образомъ, чтобы *смело* воспрепятствовать всякому покушенію выслать въ море, какъ изъ турецкихъ владѣній такъ и изъ Египта, какое либо вспоможеніе, войсками, или судами, или припасами противъ греческихъ силъ на морѣ или мѣсть ими занимаемыхъ“... Въ дѣйствительность предписываемыхъ относительно Порты понудительныхъ мѣръ западные дипломаты выражали полное довѣріе. Даже предположеніе о недостаточности этихъ мѣръ допускали они лишь съ оговоркой, что осуществленіе его можетъ случиться только „вопреки всякому ожиданію“. Но Императоръ Николай, предусматривая уже тогда, что одному крейсерству не сломить упорство Порты, присовокуплялъ: „Я предложилъ даже державамъ (Франціи и Англіи) превратить предполагаемое крейсерство, буде оно окажется недостаточнымъ для желаемой цѣли, въ *дѣйствительную блокаду Дарданельскаго пролива*, между тѣмъ какъ таковая же блокада можетъ быть учреждена и со стороны Чернаго моря“...

И точно, командиръ нашего Черноморскаго флота, адмиралъ Грейгъ, съ постоянно отличавшими его глубокимъ знаніемъ дѣла, энергіей и усердіемъ, уже приготавливалъ ввѣренныя ему морскія силы къ немедленному отплытію изъ Севастополя, по первому приказанію изъ Петербурга...

Между тѣмъ, энергія русскаго правительства не остывала. Вопреки двусмысленнымъ условіямъ Лондонскаго протокола, она успѣла вызвать, особенно со стороны Англіи, заявленіе весьма категорическаго свойства, которымъ устранялась двуличность указаннаго договора. Правда, это заявленіе шло уже не изъ Лондона, а изъ Стамбула. Сэръ Страдфордъ Каннингъ былъ переведенъ изъ Петербурга въ Константинополь именно въ доказательство неизмѣнныхъ сочувствій лондонскаго кабинета къ Портѣ. Однако, на постановленные Кодрингтономъ вопросы даже этотъ ревностный приверженецъ Порты отвѣчалъ, 1-го сентября 1827 г.: „хотя не слѣдуетъ принимать враждебныхъ мѣръ и хотя союзныя правительства желаютъ избѣжать всего, что могло бы повести къ войнѣ, тѣмъ не менѣе въ случаѣ надобности прибытіе турецкихъ подкрѣпленій должно быть въ концѣ концовъ предупреждено *силою* и если бы всѣ другія средства были истощены, то *пушечными выстрѣлами*“... Такимъ образомъ вполне оправдывается рѣшимость командира англійской эскадры, сэръ Э. Кодрингтона, стать всего съ 3 линейными кораблями предъ островомъ Гидрою и, въ случаѣ надобности, противодѣйствовать силою всему соединенному турецкому и египетскому флоту. Французская эскадра находилась въ это время у Милоса; русская—еще не приходила... *)

Быстро шли событія подъ обаятельнымъ вліяніемъ Императора Николая. Нѣтъ сомнѣнія, что именно этимъ вліяніемъ увлекались по слѣдамъ русскаго Царя и оба его союзника. Для установленія

*) Книга Кодрингтона, т. I, стр. 450. Idem, стр. 451.

единства дѣйствій между тремя флотиліями, главнокомандующимъ надъ ними былъ назначенъ, какъ старшій въ чинѣ, командиръ англійской эскадры вице-адмиралъ Эдуардъ Кодрингтонъ, личность исполнѣ замѣчательная и выходившая изъ ряду обыкновенныхъ хорошихъ служакъ не только своими обширными познаніями и опытностью, но также и благородствомъ своихъ чувствъ, скромностью, кротостью, прямодушной энергіей своего нрава и возвышенностью своихъ воззрѣній. *) Совершенно на одномъ уровнѣ съ нимъ оказывался во всѣхъ отношеніяхъ командиръ русской эскадры, контръ-адмиралъ графъ Логинъ Петровичъ Гейденъ.**) Безсмертная дѣятельность его въ Архипелагѣ обезпечила ему непререкаемое право на признательность Россіи. Помѣщаемыя въ *Приложеніяхъ* выдержки изъ книги, изданной по смерти Кодрингтона его дочерью, а также печатаемыя нами неизданныя доселѣ и неизвѣстныя до сихъ поръ публикѣ письма трехъ союзныхъ адмираловъ, свидѣтельствуютъ о тѣсной дружбѣ, установившейся между этими защитниками возрождавшейся эллинской національности. ***) Другія помѣщенные въ *Приложеніяхъ* письма (Каподистріи, Дандоло, Метаксы, Поццо-ди-Борго и прочія) доказываютъ то глубокое почтеніе, а иногда даже ту восторженную преданность, которыя командиръ русской эскадры успѣлъ вселить въ всѣхъ разноплеменнымъ и разнохарактернымъ личностямъ съ какими ему случалось имѣть дѣло, хотя во многихъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ эпизодѣ съ командиромъ австрійской эскадры, графомъ Дандоло, на отношеніяхъ его къ этимъ лично-

*) «Мужъ дѣла и совѣта», по справедливости отзывается о немъ упомянутое уже подражаніе древней хроникѣ, прибавляющее, что «онъ обхожденіемъ также блисталъ и всѣмъ что добраго витязя отличаетъ былъ снабженъ достаточно». См. Приложенія.

**) «Сердцемъ мягокъ, ликомъ веселъ и пріятель, обходителенъ и открытъ» — отзывается о немъ таже хроника. Id.

***) «Стали тѣ три рати и тѣ три адмирала, говорить о ней цитованное выше подражаніе древней хроникѣ, во очю гербовымъ знакомъ пречестнаго ордена Вани, кой гласитъ *Tria juncto in uno*, понеже равно какъ три рати были въ одну, трое адмираловъ сердцемъ и дланью были едины». Id.

стямъ должны были отзываться значительнымъ охлажденіемъ возникающія съ ними весьма серьезныя столкновенія. Впрочемъ, съ начальникомъ французской эскадры, вице-адмираломъ де-Риньи, отношенія графа Гейдена не всегда могли быть пріятными, вслѣдствіе высказывающейся въ прилагаемыхъ письмахъ французскаго адмирала причудливости его нрава, а иногда и завзятой враждебности къ Грекамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что де-Риньи, какъ и большая часть офицеровъ его эскадры, долженъ былъ соображаться съ извѣстною ему политической программой французскаго правительства... Такъ въ ладъ воззрѣнію своего кабинета, адмиралъ де-Риньи, подъ предлогомъ увеличенія „независимости“ возражающейся Греціи, не разъ настаивалъ въ своихъ письмахъ на уменьшеніи испрашиваемой Греками территоріи, такъ какъ съ ея увеличеніемъ умножатся де вассальныя отношенія Греціи къ Портѣ. Въ другомъ письмѣ де-Риньи просто отрицалъ самое существованіе Греціи, восклицая: „боюсь, что намъ самимъ придется создавать эту Грецію, ибо гдѣ она—не вижу.... *)

Понятно, что при первой встрѣчѣ Гейдена и де-Риньи, и тонъ и образъ мыслей послѣдняго должны были удалить отъ него командира русской эскадры. Какъ видно изъ *Приложеній* къ настоящей книгѣ, взаимное нерасположеніе этихъ двухъ начальниковъ доходило до того, что Кодрингтонъ серьезно задавалъ себѣ вопросъ: до какой степени, въ случаѣ битвы, онъ можетъ полагаться на совокупное дѣйствіе обоихъ своихъ союзниковъ, и не воспользуются ли они огнемъ, чтобы сдѣлаться другъ съ другомъ....

Съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ исчезли всѣ сомнѣнія Кодрингтона. Отъ адмираловъ до послѣдняго матроса, оба союзники его соперничали между собой только своимъ самоотверженіемъ, своей неустрашимостью. Суда русской и французской эскадры не разъ выручали другъ друга какъ самые лучшіе друзья. Послѣ Наваринскаго

*) Приложенія.

сраженія, между начальниками русской и Французской эскадры, вопреки противоположности политических взглядовъ, состоялось безъ всякихъ формальныхъ примиреній совершенно естественное, чистосердечное сближеніе, принявшее со временемъ характеръ искренней дружбы. При всемъ томъ, причудливыя выходки словоохотливаго Француза, вопреки господствующему въ его письмахъ къ Гейдену тону шутиливой фамиллярности и вопреки всей кротости характера графа, вызывали со стороны послѣдняго, даже и долго послѣ Наварина, нѣкоторое неудовольствіе,—что видно изъ писемъ къ нему Кодрингтона, уговаривавшаго его не принимать къ сердцу „странностей“ французскаго адмирала. *) Между тѣмъ самъ Кодрингтонъ очевидно не питалъ сначала большаго довѣрія къ французскому адмиралу, такъ какъ въ отвѣтѣ генераль-адмирала англійскаго флота, герцога Кларенскаго, отъ 3 октября 1827 года, на выраженное ему мнѣніе сэръ Эдуарда сказано: „Адмиралъ де-Риньи дѣйствительно таковъ, какимъ вы его описываете, поэтому будьте осторожны, тверды и мягки“.... О русскомъ командирѣ, какъ видно, Кодрингтонъ еще не сообщалъ тогда своего мнѣнія. При всемъ томъ, изъ того же письма герцога Кларенскаго видно, что Гейденъ прекрасными качествами своего ума и сердца уже тогда успѣлъ расположить въ свою пользу даже такого завзятаго туркофила, каковъ будущій лордъ Страдфордтъ Радклифъ: „Мистеръ Страдфордтъ сказано въ цитуемомъ письмѣ, всегда отзывался о немъ хорошо: не сомнѣваюсь, что какъ по служебному долгу, такъ и по личной склонности, вы можете отнести къ нему пріязненно“.

Греки съ самаго начала замѣтили недоброжелательство къ нимъ Французовъ. Съ эллинскими населеніями ладили отлично Русскіе,

*) Всѣ эти подробности о куріозномъ характерѣ взаимныхъ отношеній между Гейденомъ и де-Риньи весьма рельефно характеризуются помѣщенными въ *Приложеніяхъ* письмами послѣдняго къ начальнику русской эскадры, а также выдержками изъ посмертной книги Кодрингтона.

затѣмъ Англичане, въ качествѣ друзей Русскихъ, ибо экипажи обѣихъ эскадръ жили въ лучшихъ отношеніяхъ. Иное дѣло экипажи французской эскадры: даже русскіе матросы отворачивались отъ нихъ, а Греки видимо не довѣряли имъ. *Что же касается французскаго правительства, то недовѣріе къ нему греческихъ временныхъ правителей было такъ сильно, что главнокомандующій эскадрами Кодрингтонъ, очевидно въ опроверженіе заявленныхъ ему сомнѣній, счелъ нужнымъ, въ письмѣ отъ 30 августа къ членамъ греческаго временнаго правительства, оправдывать предъ ними парижскій кабинетъ, доказывая, „что искренность французскаго правительства видна ужъ изъ того, что оно-то главнымъ образомъ и настояло на уменьшеніи даннаго оттоманскому правительству срока для отвѣта до двухъ недѣль вмѣсто мѣсяца. *)*

Конечно, никто не могъ сказать того же о четвертой великой державѣ, которой флотилія также находилась въ то время въ Архипелагѣ. Эта держава—Австрія. Ея эскадра, подѣ начальствомъ графа Дандоло, очевидно руководствовалась инструкціями діаметрально противоположными тѣмъ, которыхъ держались командиры трехъ союзныхъ эскадръ, то-есть явно держала сторону Турокъ противъ Грековъ, не смотря на то, что въ Вѣнѣ и дворъ, и все правительство высказывали относительно русскаго Царя и петербургскаго кабинета самыя пріязненныя чувства, самую преданную дружбу. Между тѣмъ, въ уже цитованномъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Гейдена, было сказано: „кромѣ вышерѣченныхъ двухъ эскадръ... находятся въ Архипелагѣ морскіе отряды нѣкоторыхъ другихъ державъ, въ томъ числѣ и австрійская эскадра. Поведеніе ваше противъ нихъ должно вообще быть основано на добромъ согласіи, въ особенности же противъ эскадры австрійской. Хотя Австрія и не приступила къ трактату, нынѣ заключаемому по дѣламъ Греціи, не менѣе того вы не оставите оказать

*) Книга Кодрингтона, т. I. стр. 433.

морскимъ силамъ сей державы пріязненное привѣтствіе и расположеніе, сообразныя съ дружественными связями, между обоими императорскими дворами существующими“...

До какой степени Гейдену было трудно согласовать съ этою задачей другія данныя ему въ томъ же Высочайшемъ повелѣніи инструкціи, объ этомъ конечно могли судить только люди, близко стоявшіе и почти ежедневно присутствовавшіе при продѣлкахъ пресловутой „общей политики“ князя Меттерниха на практикѣ. Такъ, уже 4 октября 1827 года, сэръ Э. Кодрингтонъ доносилъ изъ Занте своему адмиралтейству: „Я желалъ бы, чтобы было доведено до свѣдѣнія его высочества, лорда генераль-адмирала, что въ числѣ египетскаго флота находится здѣсь семь австрійскихъ коммерческихъ судовъ, нагруженныхъ военными припасами, и что австрійскій корветъ *Каролина* и одна если не двѣ австрійскія военныя шхуны часто бывали въ Наваринѣ и, согласно частному дознанію адмирала де-Риньи, служили постоянными развозчиками турецкихъ денегъ. Два изъ этихъ транспортовъ заблагодарсудили не поднимать своихъ флаговъ въ то время, когда турецкія суда ихъ поднимали, пока съ корабля *Азія* не было дано по нимъ выстрѣла; я успѣлъ отобрать ихъ бумаги, которыя могутъ служить доказательствомъ австрійскихъ интригъ“. *)

Прямодушный и энергическій адмиралъ не имѣлъ и не хотѣлъ имѣть понятія о дипломатическомъ двуличіи и даже двуязычій. Чтò говорилъ онъ за глаза, то повторялъ и въ глаза. Изъ письма его, отъ 19 сентября 1827 г., къ командиру австрійскихъ военныхъ судовъ Наваринскаго залива видно, что, въ виду враждебнаго расположенія Австрійцевъ къ Греціи, вице-адмиралу пришлось предупредить ихъ о необходимости, въ которую онъ можетъ быть поставленъ, — „не дѣлать никакого различія между австрійскими судами и турецкими“. Вскорѣ за тѣмъ, такимъ же образомъ при-

*) Книга Кодрингтона, стр. 33.

нужденъ былъ поступить относительно командира австрійской эскадры, графа Дандоло, и русскій герой Наварина, Гейденъ. И Бодрингтонъ и Гейденъ одинаково понимали, что гдѣ идетъ рѣчь о чести знамени и о крови соотечественниковъ, тамъ у честнаго человѣка нѣтъ и не должно быть мѣста для малодушныхъ дипломатическихъ кривляній...

Между тѣмъ, господствовавшія въ послѣднее время предыдущаго царствованія дипломатическія вліянія иностранныхъ государственныхъ людей уже приносили свои естественные плоды. Ободренная, подзадоренная безконечнымъ долготерпѣніемъ русскаго правительства до Николая Павловича, и принимая его терпѣливость за признакъ слабости и военной неспособности Россіи, за сознаніе самого правительства что Россія не полагается ни на свою армію, ни даже на свой народъ, Порты серьезно отдалась упованію въ возможность разомъ отплатить Россіи за понесенныя отъ нея безчисленныя пораженія. Она стала готовиться къ войнѣ. Мало того, она безусловно отвергала всѣ предложенія посредничества европейскихъ державъ для прекращенія ея борьбы съ Греками, хоть и понимала очень хорошо, что рано или поздно эта борьба неминуемо навлечетъ на нее войну съ Россіей. Угрозамъ же державъ, даже весьма серьезнымъ военнымъ демонстраціямъ ихъ, она не придавала ни значенія, ни даже вѣры. По слухамъ того времени, въ такомъ пренебреженіи къ угрозамъ Франціи и Англіи поддерживала Турцію австрійская дипломатія, которую въ послѣдствіи и русская дипломатія не разъ укоряла въ подстреканіи Порты. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что не обращая никакого вниманія на присутствіе англійскаго и французскаго флотовъ въ Архипелагѣ, Порты какъ будто съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстія именно о началѣ военныхъ дѣйствій.

Ознакомившись съ главными актерами и компарсами предстоящей потрясающей кровавой драмы, не безынтересно взглянуть на состояніе того изъ трехъ грозныхъ факторовъ Наваринскаго побо-

ища, который одинъ близокъ нашему сердцу: на ввѣренную контръ-адмиралу графу Гейдену русскую эскадру. Знатокъ дѣла Кодрингтонъ писалъ о ней слѣдующее: „13 (1-го) октября утромъ сошлись мы съ русскою эскадрою, а за тѣмъ съ французскою. Вечеромъ французская эскадра пошла къ Занте, а мы, вмѣстѣ съ Русскими, продолжали свой путь къ Наварину... Русскія суда всѣ такія чистенькія и, думаю, въ весьма хорошемъ порядкѣ. Многіе изъ русскихъ офицеровъ хорошо говорятъ по-англійски, нѣкоторые изъ нихъ служили волонтерами въ англійскомъ флотѣ во время войны... Всѣ русскія суда кажется совершенно новы, и такъ какъ мѣдная обшивка ихъ съ иглочки, то и имѣетъ прелестный темно-розовый цвѣтъ, что много содѣйствуетъ красивой внѣшности судовъ“. Женѣ своей Кодрингтонъ, въ письмѣ отъ 15 (3) октября, передавалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ заключенія, выводимыя имъ изъ болѣе обстоятельнаго осмотра эскадры Гейдена: „Русскій флотъ повидимому находится въ хорошемъ боевомъ состояніи, хорошо управляемъ и расположенъ охотно идти съ нами рука въ руку повсюду. Графъ Гейденъ точно изъ нашихъ: скромнень, искренень и радъ дѣйствовать подъ моимъ начальствомъ“. *) Не менѣе лестно отзывался о русской эскадрѣ, даже по прибытіи ея въ Неаполь послѣ многолѣтняго плаванія, жестокой битвы и опасныхъ крейсерствъ, — другой извѣстный знатокъ дѣла, адмиралъ Колингвудъ, который считалъ просто *невозможностью* блестящимъ образомъ исполненную контръ-адмираломъ Рикордомъ *зимнюю* блокаду Дарданельскаго пролива. Съ своей стороны русскій посолъ графъ Рибоньеръ, въ письмѣ Гейдену отъ 6 апрѣля 1829 года, отзывался: „Ваши всѣ офицеры, и даже ихъ экипажи держали себя здѣсь превосходно: считаю долгомъ засвидѣтельствовать это вашему превосходительству“. „Я забылъ сообщить вамъ“, приписывалъ г. де-Рибоньеръ въ письмѣ Гейдену изъ Неаполя, отъ 7/19 января, „что,

*) Кляга Кодрингтона, т. II, стр. 52.

отплывъ изъ Пароса *двумя сутками* позднѣе Гильемино *) и *одними сутками* позднѣе Страдфордтъ Каннинга, я опередилъ ихъ обоихъ. Да здравствуетъ эскадра вашего сіятельства!“ **).

Всего замѣчательнѣе впечатлѣніе, которое, по словамъ Гарри Кодрингтона, сына знаменитаго адмирала, производила русская эскадра на Турокъ за три дня до Наваринской битвы. „Любопытно было наблюдать“, писалъ 15 (3) октября своей матери Гарри, „какъ Турки удалялись отъ русскихъ судовъ и держались нашей подвѣтренной стороны. Когда русскіе суда приближались къ нимъ, они тотчасъ же сторонились и бѣжали на нашу сторону: что-то зловѣщее видѣлось имъ въ русскихъ судахъ“.

Зловѣщее предчувствіе не обмануло Турокъ. Пять дней спустя, Наваринская побѣда оправдала и безсознательный страхъ, внушаемый имъ русскою эскадрой, и лестное какъ для всего русскаго флота, такъ и для тогдашняго русскаго морскаго министра адмирала Моллера, мнѣніе о ней имѣвшихъ съ нею дѣло и даже такого знатока, какъ Кодрингтонъ...

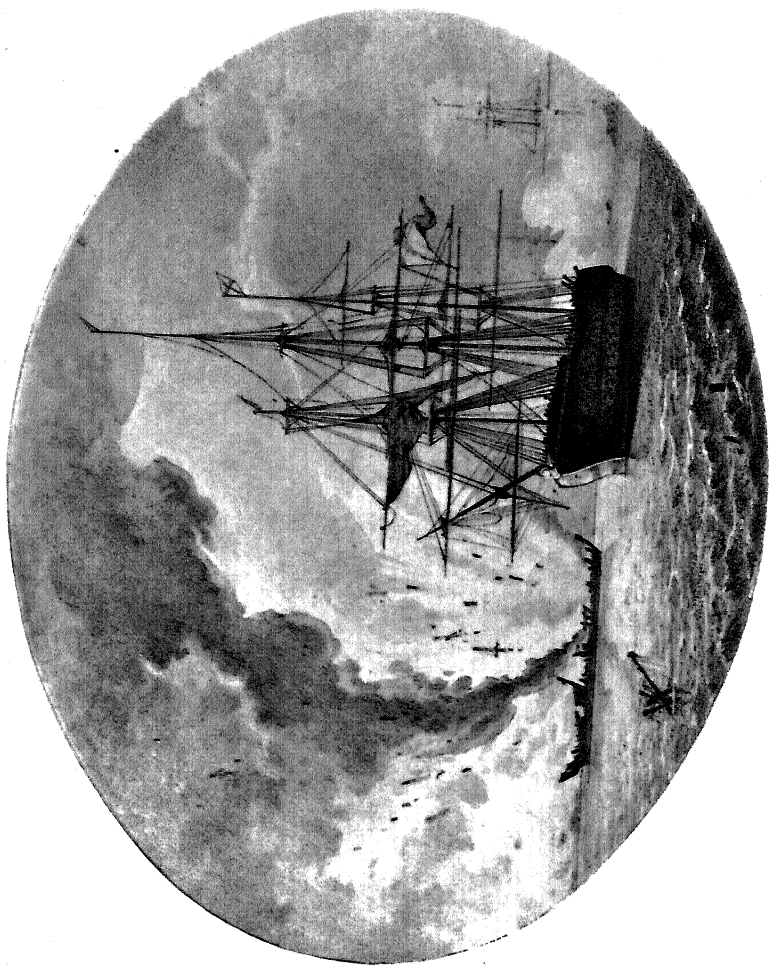
Такова, въ общихъ чертахъ, политическая и военная обстановка нашей эскадры по соединеніи ея съ союзниками 13-го (1-го) октября 1827 года. Взаимныя отношенія трехъ союзныхъ эскадръ съ одной стороны, турецко-египетской съ другой, австрійской между этими двумя главными факторами съ третьей—были самыя напряженныя, даже самыя ненормальныя. Державы, которымъ принадлежали всѣ пять эскадръ, состояли между собою въ мирѣ; въ Англіи, во Франціи и въ Австріи правительства были увѣрены, что дѣло и такъ обойдется безъ кровопролитія; весьма вѣроятно, что въ Петербургѣ на этотъ вопросъ смотрѣли болѣе серьезно, хотя все еще не теряли надежды на мирный исходъ: въ одномъ Констан-

*) Французскій посолъ въ Константинополѣ.

**) Изъ подлинниковъ, сохранившихся у наслѣдниковъ наваринскаго героя. См. Приложенія.

тинополѣ, какъ уже сказано, твердо и рѣшительно рассчитывали на неминуемое, близкое и счастливое для Турціи кровавое разрѣшеніе цѣлыхъ шесть лѣтъ тяготящей надъ ней ожесточенной борьбы не только съ Греками, но и съ болѣею частью пограничныхъ христіанскихъ населеній имперіи. И такъ—первая аномалія: изъ пяти великихъ державъ, которыхъ флаги развѣвались въ Эгейскомъ и Іоническомъ моряхъ, именно та одна рассчитывала на войну какъ на счастливое событіе, которая болѣе всѣхъ должна была ее опасаться. Но еще рельефнѣе выступаетъ другая аномалія: пока всѣ эти державы состояли между собою повидимому въ наилучшихъ отношеніяхъ, пока послы ихъ преспокойно, дружественно сходились въ Константинополѣ, англійская, русская и французская эскадры заявляли турецкой настоящіе *ультиматумы*, австрійская эскадра дерзко-вызывательнымъ образомъ дѣйствій назойливо перѣчила всѣмъ инструкціямъ союзниковъ, ежедневно на ихъ глазахъ нарушая законы нейтралитета оказываемыми ею Туркамъ услугами: а главнокомандующій союзною эскадрой отвѣчалъ на все это Австрійцамъ такимъ же *ультиматумомъ*, съ какимъ обращался и къ Туркамъ....

Какъ и слѣдовало ожидать, черезчуръ натянутые дипломатіей струны рано или поздно должны были лопнуть, и лопнуть со взрывомъ. И вотъ, ровно черезъ недѣлю по соединеніи союзныхъ флотовъ, 8 (20) октября 1827 года, словно тысячами громовыхъ ударовъ на цѣлые четыре часа Наваринская бухта превратилась въ адъ....

КОРАВЛЬ „АЗОВЪ“ № 0КТ.1827Г.

Великобританскій корабль „Напитанъ“ (англ. „Nantican“) въ флотѣ Контр-Адмирала
Графа Бендена.

ГЛАВА III

Наваринской разгромъ

Начальникъ русской эскадры, графъ Л. П. Гейденъ, въ донесеніи своемъ о Наваринскомъ боѣ, описываетъ знаменитое сраженіе 8/20 октября 1827 года слѣдующимъ образомъ:¹

„При первомъ свиданіи съ вице-адмираломъ Кодрингтономъ, я съ удивленіемъ узналъ, какимъ вѣроломнымъ образомъ Ибрагимъ-паша, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, нарушилъ данное имъ обязательство *) наблюдать перемиріе до полученія отъ своего пра-

*) Для разъясненія обстоятельствъ, на которыя ссылается начальникъ русской эскадры, приводимъ изъ «Memoir of the life of admiral Sir E. Codrington» слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Во время конференціи, происходившей въ Наваринѣ 25 сентября 1827 г. между Кодрингтономъ, де-Риньи и Ибрагимомъ, адмиралы, послѣ обычныхъ восточныхъ привѣтствій, объяснили намъ, что по трактату подписанному Англіею, Франціею и Россіею, становится настоятельно необходимымъ прекратить всякій подвозъ подкрѣпленій въ людяхъ, лошадяхъ и т. д., назначенныхъ для дѣйствій противъ Греціи и подходящихъ изъ Турціи или Африки; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать прямоту на которомъ адмиралы желали бы установить свои отношенія съ нашею, они прочли ему *in extenso* тѣ части своихъ инструкцій, которыя относились до предмета конференціи. Ибрагимъ отвѣчалъ: адмираламъ должно быть извѣстно, что онъ солдатъ какъ они, и что повиноваться получаемымъ приказаніямъ его неуклонный долгъ; что ему предписано атаковать Гидру и что онъ долженъ исполнить это повелѣніе; что его роль — дѣйствовать, а не вести переговоры, и потому онъ предлагаетъ адмираламъ обратиться къ великому визирю для дипломатическихъ сношеній по настоящему дѣлу. Адмиралы отвѣчали, что имъ извѣстно, каковы должны быть чувства храбраго чловека въ подобныхъ обстоятельствахъ и что они рады возможности поздравить его съ тѣмъ, что предъ нимъ стоитъ сила, которой невозможно сопротивляться. Они напомнили ему, что если онъ двинется въ море — они должны будутъ привести данныя имъ инструкціи въ исполненіе, если же онъ будетъ противиться силою, то послѣдуетъ полное истребленіе его флота. Паша наконецъ согласился пріестановить, на свой

вительства предписаній, — обязательство, въ уваженіе коего союзные адмиралы не только сняли блокаду Наварина, но и общались препятствовать покушенію греческаго флота сдѣлать замышляемую высадку на берегахъ Албаніи.

„Такой поступокъ египетскаго генерала и мѣры, кои съ самаго обнародованія Лондонскаго договора принималъ онъ для обращенія Мореи въ настоящую пустыню, принудили насъ соединить предъ Навариномъ наши силы и послать къ Ибрагиму новое и сильное отношеніе. *)

„Чиновники паши объявили нашему парламентару, что Ибрагимъ въ отсутствіи, что имъ неизвѣстно, гдѣ онъ находится и когда возвратится, и что они не могутъ принять на себя доставленія къ нему письма союзныхъ адмираловъ.

„Такой странный и дерзкій отвѣтъ доказалъ еще болѣе, что

страхъ, всѣ операціи морскихъ и сухопутныхъ силъ египетской экспедиціи, до тѣхъ поръ пока не получить отвѣтныхъ денешъ изъ Константинополя и Александріи на запросы, которые онъ немедленно же туда отпирать; до тѣхъ же поръ экспедиція будетъ стоять у Наварина. Онъ въ тоже время просилъ дозволенія стравить два пакетбота: одинъ въ Александрію, другой въ Превизу, на что адмиралы тотчасъ согласились. Сынъ сэра Э. Кодрингтона, служившій подъ командою отца мичманомъ, Гарри Кодрингтонъ, рассказывая въ письмѣ къ своей сестрѣ Джани, отъ 25 сентября, о той же конференціи адмираловъ съ Ибрагимъ-пашою, на которой и онъ находился въ свѣтѣ отца, прибавляетъ (стр. 16): «Насилу, наконецъ, удалось уломать Ибрагима, онъ не разъ подтрунивалъ и выразился напоследокъ такъ: «*Nous n'avons d'autres marchandises à bord de nos vaisseaux que les balles et la poudre à canon*», на что де-Риньи съ нѣкоторою живостью отвѣчалъ: «*Et nous les avons aussi: пожалуй, можемъ нѣкоторыми помѣняться, да еще дать вамъ добрую придачу!*»

*) Приводимъ изъ «*Memoir of the life of Admiral Sir E. Codrington*» текстъ ультиматума, посланнаго адмиралами турецкому главнокомандующему.

Его свѣтлости Ибрагиму-пашѣ.

Ваша свѣтлость, доходящая до насъ со всѣхъ сторонъ самая точная свѣдѣнія извѣщаютъ насъ, что многочисленные отряды вашей арміи разсѣяны по всей западной Морей, что они повсюду опустошаютъ, разрушаютъ, жгутъ, вырываютъ съ корнемъ деревья, истребляютъ виноградники и всѣ растительныя произведенія земли, словомъ — спѣшатъ обратить этотъ край въ настоящую пустыню.

Къ тому же мы узнаемъ, что готовится экспедиція противъ округовъ Майна, и что войска уже двигаются по этому направленію.

средства убѣжденія и даже угрозы будутъ отнынѣ бесполезны, и что безъ сильной и скорой мѣры Лондонскій договоръ не только не исполнить желаній человѣчества и благихъ намѣреній державъ, оный заключившихъ, но сдѣлаетъ еще люте и губительнѣе борьбу, которую хотѣли остановить.

„По здоровомъ разсужденіи и вслѣдствіе протокола, состоявшагося 7-го октября, мы рѣшились войти со всѣми нашими кораблями въ самую гавань Наваринскую, стать на якорь подлѣ турецкаго флота и, присутствіемъ и положеніемъ нашихъ эскадръ, принудить Ибрагима сосредоточить свои силы на семъ пунктѣ и отказать отъ всякаго новаго предпріятія противъ береговъ Морен и острововъ Греціи.

„Военныя распоряженія, планъ вступленія и главное начальство въ случаѣ дѣйствія предоставлены были г. вице-адмиралу Кодрингтону, какъ старшему въ чинѣ. Дарованія, поступки, отличное служеніе сего адмирала внушили общую къ нему довѣренность, которую происшествіе 8-го октября столь разительно оправдало предъ его сподвижниками и предъ всею Европою.

Всѣ эти акты чрезмѣрнаго насилія происходятъ такъ-сказать предъ вашими глазами, въ нарушение перемирія, которое ваше свѣтлость честнымъ словомъ обязалась свято соблюдать до возвращенія своихъ гонцовъ и благодаря лишь которому и было допущено, 26-го минувшаго сентября, возвращеніе вашего флота въ Наваринъ.

Нижеподписавшіеся находятся въ тяжелой необходимости объявить вамъ нынѣ, что такой образъ дѣйствій съ вашей стороны, столь странное нарушеніе вашихъ обязательствъ, поставляютъ васъ, милостивый государь, внѣ международнаго права и существующихъ между ихъ дворами и Оттоманскою Портою договоровъ.

Болѣе того, нижеподписавшіеся считаютъ совершаемыя въ настоящую минуту по вашему приказанію опустошенія прямо противными пользамъ вашего государя, который можетъ лишиться изъ-за нихъ существенныхъ выгодъ, предоставляемыхъ ему Лондонскимъ трактатомъ въ Греціи.

Нижеподписавшіеся требуютъ отъ вашей свѣтлости категорическаго и скорого отвѣта на настоящую нотификацію, предоставляя вамъ обдумать немедленные послѣдствія отказа или проволочки.

Вице-адмиралъ Эдуардъ Кодрингтонъ.

Контръ-адмиралъ графъ фонъ-Гейденъ.

Контръ-адмиралъ де-Риньи.

„Соединенный флотъ явился у входа въ гавань Наваринскую въ часъ по-полудни, въ двухъ колоннахъ; одна состояла изъ кораблей англійскихъ и французскихъ, а другая изъ россійской эскадры. Адмиралы Кондрингтонъ и Риньи, которые, по предварительнымъ распоряженіямъ, находились на вѣтрѣ, миновали уже крѣпостныя батареи и только что легли на якорь, какъ россійская колонна, имѣя впереди адмиральскій корабль „Азовъ“, приблизилась ко входу въ гавань; въ сіе самое время съ одного изъ турецкихъ брандеровъ произошла весьма сильная ружейная пальба, отъ которой убитъ былъ англійскій лейтенантъ Фицъ-Рой, посланный, въ качествѣ парламентаря, для склоненія командира сего брандера къ удаленію отъ близости съ союзными кораблями; вскорѣ съ египетскаго корвета послѣдовалъ первый пушечный выстрѣлъ противъ французскаго фрегата.

„Азовъ“ находился въ сіе время между батареями Наваринской крѣпости и батареями острова Сфактеріи, съ которыхъ тотчасъ направленъ былъ перекрестный огонь противъ адмиральскаго корабля и, мало по малу, противъ прочихъ кораблей, по мѣрѣ приближенія ихъ ко входу. Не взирая на сей сильный огонь и на огонь съ тройной линіи судовъ, составлявшихъ правый флангъ турецкаго флота, „Азовъ“ продолжалъ свой путь, не сдѣлавъ ни одного пушечнаго выстрѣла, и сталъ на якорь на мѣстѣ, для него назначенномъ; „Гангутъ“, „Іезекіилъ“, „Александръ Невскій“ и четыре шедшіе за ними фрегата, совершили такое же движеніе и, осыпаясь ядрами, стали въ предписанную имъ позицію.

„Мы еще надѣялись, и вмѣстѣ съ нами англійскій и французскій адмиралы, что турецкіе начальники пресѣкутъ огонь, какъ скоро усмотрятъ спокойное положеніе союзниковъ, и что они не желаютъ дать сигнала къ сраженію; но, ободряемые симъ самымъ спокойствіемъ, Турки усугубили свою дерзость, и второй парламентарь, посланный сэромъ Кондрингтономъ къ египетскому адмиралу Мухаремъ-Бею, имѣлъ ту же участь, какъ и лейтенантъ Фицъ-Рой.

Тогда не оставалось намъ инаго средства, какъ отражать силу силою; эскадры открыли огонь, и дѣйствіе онаго, направленное съ удивительною неустрашимостью противъ флота числомъ въ пять-шесть разъ сильнѣе союзныхъ эскадръ, въ четыре часа истребило до шестидесяти разной величины судовъ; въ томъ числѣ и корабли турецкихъ предводителей, Тагиръ-паши, Капитана-Бея и Мухаремъ-Бея, были потоплены, сожжены или сбиты къ берегу на мель; двадцать же другихъ сожжены Турками послѣ сраженія.

„Въ продолженіи сей достопамятной битвы, три союзные флота соревновали одинъ другому въ храбрости. Никогда не видно было столь искреннаго единодушія между различными націями. Взаимныя пособія доставались съ неописанною дѣятельностью; при Наваринѣ слава англійскаго флота явилась въ новомъ блескѣ, а на французской эскадрѣ, начиная отъ адмирала Риньи, всѣ офицеры и служители явили рѣдкіе примѣры мужества и неустрашимости.

„Капитаны и прочіе офицеры російской эскадры исполняли долгъ свой съ примѣрнымъ рвеніемъ, мужествомъ и презрѣніемъ всѣхъ опасностей; нижніе чины отличались храбростію и повиновеніемъ, которыя достойны подражанія.

„Неустрашимый капитанъ 1-го ранга Лазаревъ 2-й управлялъ движеніями „Азова“ съ хладнокровіемъ, искусствомъ и мужествомъ примѣрнымъ; капитаны Авиновъ, Хрущевъ, Богдановичъ и Свинкинъ равно отличились. Сей послѣдній, хотя при началѣ дѣла былъ тяжело раненъ картечью, но продолжалъ командовать во все сраженіе, держась около четырехъ часовъ за канатъ и на колѣняхъ на палубѣ своего корабля. Капитанъ „Гангута“ Авиновъ явилъ также примѣръ рѣдкаго присутствія духа; турецкій фрегатъ, обращенный въ брандеръ, пробрался ночью между симъ кораблемъ и адмиральскимъ бугспритомъ, уже сцѣпился съ „Гангутомъ“, капитанъ Авиновъ велѣлъ братъ сей фрегатъ на abordажъ, и человекъ, готовившійся оный зажечь, убить съ фитилемъ въ рукахъ.

„Одинъ изъ турецкихъ фрегатъ, сражавшихся противъ корабля „*Александра Невскаго*“, сдался и спустилъ флагъ, который взяли; Турки на другой день отправлены на берегъ, а фрегатъ потонулъ.

„Корабля „*Азова*“ лейтенанту Буреневу раздробило ядромъ руку; не смотря на чрезмѣрную боль, онъ оставался при своемъ мѣстѣ, у батареи, бывшей въ его распоряженіи, и надлежало ему приказать отойти отъ его пушекъ. У него отняли руку по плечо, но въ ту же самую минуту услыша, что турецкій адмиральскій корабль, сражавшійся съ „*Азовомъ*“, истребленъ, нашъ раненый, желая участвовать въ общей радости, почти вырвался изъ рукъ у бывшихъ при немъ.

„На другой день послѣ сраженія послано было къ египетскимъ и турецкимъ начальникамъ, отъ союзныхъ Адмираловъ объявленіе, чтобы предупредить ихъ о послѣдствіяхъ, какія навлечетъ всякое новое съ ихъ стороны непріятельское дѣйствіе. Въ слѣдъ за симъ объявленіемъ Тагиръ-паша, который уже по утру пріѣзжалъ для переговоровъ на корабль адмирала Кондрингтона, поспѣшилъ опять явиться къ нему съ формальнымъ объясненіемъ, что ни онъ, ни товарищи его не будутъ болѣе предпринимать никакихъ непріязненныхъ покушеній.

„Соединенныя эскадры оставались въ Наваринской гавани до 14/26 октября, не были ни мало тревожимы и занимались исправленіемъ поврежденій. На другой день сраженія всѣ плѣнные, взятые во время дѣла, отпущены.

„*Азовъ*“ „*Гангутъ*“ и „*Иезекииль*“ много потерѣли, и русская эскадра, вмѣстѣ съ англійскою, отправилась и прибыла въ Мальту для починокъ. Наша эскадра въ скоромъ времени вступить опять въ море, для совокупнаго дѣйствованія съ морскими силами союзныхъ державъ“.

Во второмъ своемъ донесеніи о боѣ, контръ-адмиралъ графъ Гейденъ писалъ: „Единодушіе, съ которымъ дѣйствовали корабли соединенныхъ эскадръ, превосходить вѣроятіе: казалось, что мысли всѣхъ обращены были къ одной и той же цѣли, и что эскадры сіи принадлежали къ одной и той же націи; напримѣръ капитанъ ла-Бретоньеръ, командиръ французскаго корабля „Бреславля“, принявъ выгодную при началѣ сраженія позицію и усмотрѣвъ, что корабль „Азовъ“ весьма много терпитъ отъ непріятеля, сражаясь въ одно время противъ пяти военныхъ судовъ, и почти не наноситъ имъ никакого вреда, немедленно отрубилъ свой канатъ и занялъ мѣсто между „Азовомъ“, и англійскимъ мораблемъ „Албиономъ“, черезъ что нѣкоторымъ образомъ облегчилъ наше положеніе. Корабль „Азовъ“, съ своей стороны, тогда какъ самъ окруженъ былъ Турками, много помогъ англійскому адмиралу, который сражался съ 80-ти пушечнымъ кораблемъ, подъ флагомъ Мухаремъ-Бей, и когда сей послѣдній, по причинѣ перебитаго у него шпринга, повернулся къ „Азову“ кормою, то 14 орудій на лѣвой сторонѣ немедленно отдѣлены для дѣйствія противу сего корабля, и дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что черезъ полчаса разбили ему всю корму и когда въ констапельской каютѣ сдѣлался пожаръ, и употребляли всѣ усилія, чтобъ погасить возгорѣніе, сильный картечный огонь съ „Азова“ сему воспрепятствовалъ, турецкій корабль вскорѣ обнялся пламенемъ и наконецъ взорванъ на воздухъ. Между тѣмъ одинъ изъ англійскихъ бриговъ, который много въ сраженіи потерпѣлъ и потерялъ всѣ якоря, взять на бакштовъ капитаномъ Хрущевымъ, командиромъ фрегата „Константина“, и чрезъ то въ продолженіи цѣлой ночи сохраненъ ото всякаго вреда.

„Въ семь сраженій, три адмиральскіе корабля болѣе всѣхъ потерпѣли, какъ въ убитыхъ и раненыхъ, такъ въ поврежденіи корпуса, рангоута и такелажа. Англійскій и французскій адмиралы, кромѣ другихъ многихъ поврежденій, потеряли бизань-мачты; у

„Азова“ всѣ мачты столько пробиты, что при фальшивомъ вооруженіи съ трудомъ можно нести на оныхъ паруса; кромѣ сего, въ одномъ корпусѣ корабля насчитано 153 пробоины, въ томъ числѣ 7 подводныхъ.

„При семъ случаѣ не могу я не вспомнить тѣхъ достопамятныхъ словъ, которыя Его Императорскому Величеству угодно было сказать при послѣднемъ оставленіи корабля „Азова“: *„Надѣюсь, что въ случаѣ какихъ либо военныхъ дѣйствій, поступлено будетъ съ непріателемъ по русски“*. Слова сіи исполнены совершенно. Чистосердечное признаніе Англичанъ, чрезвычайно ласковый и отличный приѣмъ, сдѣланный эскадрѣ нашей въ Мальтѣ, служить тому пріятнымъ подтвержденіемъ.

„Къ чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневное ученіе по пушкамъ и порядокъ, въ коемъ служители всегда содержались, были причиной, что корабль „Азовъ“ дѣйствовалъ съ толикимъ успѣхомъ въ пораженіи и истребленіи непріателя. Онъ сильнымъ своимъ огнемъ потопилъ два огромные фрегата и корветъ, сбилъ 80 пушечный корабль, который брошенъ на мель и напослѣдокъ былъ взорванъ, истребилъ двухъ-дечный фрегатъ, на коемъ главнокомандующій турецкаго флота Тагиръ-паша имѣлъ свой флагъ; фрегатъ сгорѣлъ по признанію самого паши; въ сраженіи изъ 600-ти человекъ было до 500-тъ убитыхъ и раненыхъ.—По достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, оказалось, что изъ 60 военныхъ судовъ, турецко-египетскій флотъ составлявшихъ, остался только одинъ фрегатъ и до 15 мелкихъ судовъ, но и тѣ въ такомъ положеніи, что едва-ли могутъ быть въ морѣ. Сіи оставшіяся суда легко бы также истребить не болѣе какъ въ два часа времени, но оставлены непріателю въ доказательство, что *дѣйствіе съ нашей стороны было не наступательное, а оборонительное*. Въ продолженіи кровопролитнаго сего сраженія взорвало между судами соединенныхъ эскадръ 13-ть турецкихъ большихъ судовъ и на другой день еще 18 разной вели-

чины; вообще, потеря на турецко-египетскомъ флотѣ должна быть чрезвычайная, и можно полагать, что погибло отъ 6-ти до 7-ми тысячъ человѣкъ. Корветъ „*Гремящій*“ въ самомъ сраженіи не участвовалъ, онъ былъ отряженъ для крейсированія при входѣ Наварина и наблюденія со стороны моря“.

Придавая особенное значеніе такому неоспоримо-важному историческому матеріалу, какъ *подлинныя* донесенія главнаго героя битвы, начальника русской эскадры, мы сочли нужнымъ напечатать *дословно* текстъ донесеній графа Л. П. Гейдена. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы помѣщаемъ точный снимокъ плана сраженія съ оригинала, подписаннаго графомъ. Эти драгоцѣнные матеріалы, а также помѣщенные въ *Приложеніяхъ* къ нашей книгѣ приказъ Кюдринтона, поздравляющаго эскадры съ побѣдой, его многочисленныя письма и отрывки изъ изданной посмертной книги о немъ, представляютъ въ совокупности, со словъ самихъ дѣйствующихъ лицъ кровавой драмы, такую полную картину какъ самой битвы, такъ и предшествовавшихъ ей и немедленно послѣдовавшихъ за нею военныхъ событій, что по истеченіи полвѣка едва ли возможно прибавить къ ней что либо иное, кромѣ пустозвонныхъ и ничего не выясняющихъ фразъ... Подвиги Гейдена, подвиги командира флагманскаго корабля „*Азовъ*“, незабвеннаго для всякаго русскаго, но особенно для Черноморскаго флота Лазарева, подвиги всей нашей эскадры, отъ ея командира до послѣдняго матроса, слишкомъ громко говорить за себя, и слишкомъ рельефно выступаютъ сами собою изъ собранныхъ нами и напечатанныхъ въ *Приложеніяхъ* болѣею частью неизданныхъ документовъ, чтобы нуждаться въ комментаріяхъ... Боролась русская эскадра не противъ одного огромнаго численнаго превосходства непріятельской артиллеріи, но также противъ брандеровъ, грозившихъ ей совершеннымъ истребленіемъ. Командиромъ „*Гангута*“, Авиновымъ, пущенъ ко дну одинъ

изъ нихъ, но едва погрузился онъ въ воду, какъ на поверхности ея, словно знаменіе побѣды Креста надъ нечестивыми, всплылъ образъ Богородицы Одигитріи, за которымъ въ самомъ разгарѣ боя пустился вѣлавъ одинъ изъ матросовъ „Гангута“: относительно Наварина, какъ впрочемъ и всякаго сраженія, *истинное краснорѣчіе выражается не фразами, а фактами...*

Не говоря ужъ о примѣрномъ безстрашіи и отвагѣ, о распорядительности и знаніи дѣла всѣхъ чиновъ союзныхъ эскадръ, самыя выдающіеся въ Наваринскомъ сраженіи факты: съ одной стороны—это безпримѣрное единство и взаимное, дружное, самоотверженное содѣйствіе трехъ разноплеменныхъ эскадръ, едва только познакомившихся одна съ другою; съ другой стороны—это гнусное, измѣнническое вѣроломство Ибрагимъ-паши и бессмысленная дерзость, обуявшая Турокъ при величавомъ молчаніи, которымъ вступавшія въ Наваринскую гавань русскія суда, съ безстрашнымъ Лазаревымъ во главѣ, на кораблѣ „Азовъ“, подъ флагомъ Гейдена, отвѣчали на убійственный огонь, безъ всякаго повода, даже безъ объявленія войны открытій непріателемъ съ самаго появленія ихъ въ гавани по нимъ, и даже по отправленнымъ ими парламентарамъ...

Остается вопросъ: въ какой мѣрѣ справедливы упреки, будто Турки были вовлечены въ Наваринскую битву совершенно для нихъ неожиданно? Нѣкоторые турколюбцы позволяли себѣ даже утверждать, будто сраженіе ⁸/₂₀ октября 1827 года было *измѣнническимъ* нападеніемъ на Турокъ со стороны союзниковъ...

Собранные нами матеріалы даютъ превосходный ключъ къ разрѣшенію этихъ мнимыхъ недоумѣній. Матеріалы эти несомнѣнно доказываютъ, что, не обращая никакого вниманія на присутствіе англійскаго и французскаго флотовъ въ Архипелагѣ, Порты какъ будто съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій, даже и не думая отвратить или отсрочить столкновеніе, для чего ей стоило лишь предписать главнокомандующему турецко-егип-

петскими военными силами въ Морѣѣ, сыну знаменитаго Мегметъ-Али египетскаго, Ибрагимъ-пашѣ, избѣгать встрѣчи съ союзниками. Порта видимо ожидала и *даже желала* противнаго. Ибрагимъ *искалъ* *встрѣчи съ союзными эскадрами*. Изъ записки сэръ Э. Кондрингтона, представленной имъ совѣту министровъ, видно что Ибрагимъ-паша заранѣе изготавился къ сопротивленію союзнымъ эскадрамъ силою, и потому съ искусною помощью *французскаго морскаго офицера* г. Летеллье сдѣлалъ всѣ приготовленія къ враждебной встрѣчѣ союзныхъ флотовъ, полагая, что онъ въ силахъ будетъ совершенно уничтожить ихъ. Въ теченіи трехъ дней 8—10 октября новаго стилиа, египетско-турецкій флотъ былъ разставляемъ въ заливѣ въ боевой порядокъ въ видѣ подковы. Окончательно боевая линія его была устроена 14 и 15 октября. Это обстоятельство подтверждаетъ журналъ Бонпара, *отставнаго лейтенанта французской службы*, командовавшаго египетскимъ фрегатомъ „L'Egyptienne“ *).

Вотъ что писалъ еще объ этомъ предметѣ герцогу Кларенскому сэръ Э. Кондрингтонъ изъ Мальты 6 марта 1828 года **): „Въ

*) Книга Кондрингтона, т. II, стр. 592.

Пользуясь книгою Кондрингтона, приводимъ заявленіе де-Риньи, также служащее подтвержденіемъ, что союзные адмиралы *предваряли* начальство турецкаго флота о предстоявшемъ сраженіи.

Господамъ Летеллье, Бонпару и прочимъ французскимъ офицерамъ на турецкомъ флотѣ.

Господа,

Положеніе, въ которомъ, какъ вы видите, находятся оттоманскія морскія силы, блокируемыя въ Наваринскомъ портѣ, измѣна своему слову его свѣтлости Ибрагимъ-паши, который обязался временнымъ прекращеніемъ непріязненныхъ дѣйствій, — все это указываетъ вамъ, что впередъ вы можете встрѣтиться съ своимъ роднымъ флагомъ. Вы знаете, чѣмъ рискуете. Требуя, чтобы вы покинули турецкую службу въ минуту, когда оттоманскій флотъ поставилъ себя во враждебное положеніе, котораго онъ долженъ нести послѣдствія, я даю предостереженіе, которымъ вамъ не слѣдуетъ пренебрегать если вы остались Французами.

Имѣю честь, и прочее

Де-Риньи.

**) Книга Кондрингтона, стр. 210.

моихъ рукахъ имѣются документы, доказывающіе что Порта давно ожидала боя и была вполне къ нему приготовлена. Эти-то приготовления, отчасти и надежда *застать насъ врасплохъ, внушили ей уверенность въ успехъ*. Вотъ какъ выразился объ этомъ Кіайя-бей, одинъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ дивана, въ разговорѣ съ однимъ своимъ пріятелемъ: „Nous aurons la guerre, vous le croyez et je le crois de même, à l'heure qu'il est elle est peut être déjà commencée *). Этотъ разговоръ происходилъ 20 (8-го) октября, *въ самый день Наваринскаго боя*. Конецъ его особенно интересенъ, какъ доbazательство *заранѣе принятаго Турками рѣшенія*“.

Очевидно, Порта полагалась на значительное—даже въ случаѣ боя со всѣми тремя союзными эскадрами—численное превосходство своихъ морскихъ силъ **)...

Въ предостереженіяхъ, въ видѣ ультиматумовъ посланныхъ Ибрагиму предъ самой битвой, какъ мы видѣли, тоже не было недостатка. И вдругъ, послѣ всего этого, не только сами Турки, но и туркофилы Англичане имѣли дерзость утверждать, и въ печати, и въ англійскомъ парламентѣ, будто союзныя эскадры „*измѣннически* напали на Турокъ *врасплохъ*“, и только этому обязаны Наваринскою побѣдой!!...

Нѣтъ!... Наваринская битва дѣйствительно началась „измѣнническимъ нападеніемъ“ — со стороны самихъ Турокъ. Ихъ и постигло за то жестокое наказаніе. И вопреки всѣмъ клеветамъ многосложной турецкой интриги въ большей части Европы, безпристрастное судилище исторіи безъ сомнѣнія подтвердить произнесенный и приведенный въ тотъ день союзными адмиралами въ исполненіе смертный приговоръ надъ турецко-египетскимъ флотомъ...

*) Будетъ война, вы увѣрены въ этомъ, и я тоже. *Въ настоящую минуту она можетъ быть и началась уже.*

**) См. исчисленіе силъ обѣихъ сторонъ въ Наваринской битвѣ, приложенное при планѣ.

ПЛАНЪ

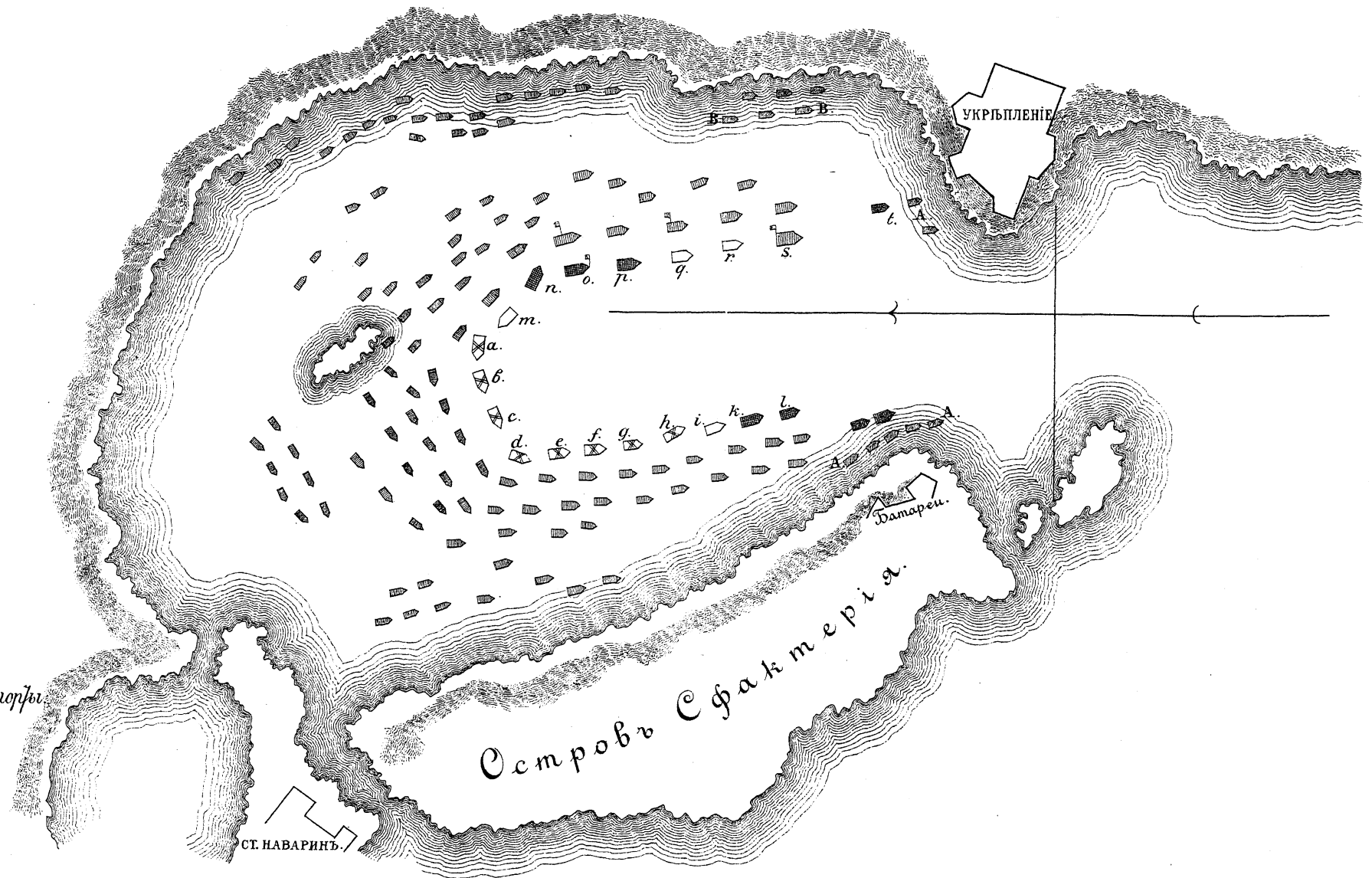
Сраженія въ Наваринской губѣ, Октября 8го дня 1827 года.

- а.) Корабль Азовъ.
 в. ————— Гангутъ.
 с. ————— Іезекіель.
 д. ————— Александръ Невскій.
 е. Фрегатъ Елена.
 ф. ————— Проворный.
 г. ————— Константинъ.
 н. ————— Касторъ.
 і. ————— Армида.
 к. ————— Глазгау.
 л. ————— Камбріанъ.
 т. Корабль Бреславъ.
 п. ————— Альбіонъ.
 о. ————— Азія.
 р. ————— Генуа.
 q. ————— Тридентъ.
 г. ————— Сципіонъ.
 з. Фрегатъ Сирена.
 т. ————— Дартмутъ.

Подъ литерою А. Брандеры.
 ————— В. Австрійскіе транспорты.

ЗНАЧЕНІЕ	
	Россійскіе.
	Англійскіе.
	Французскіе.
	Турецкіе.

Лит. Т. Пересадько.

Масштабъ

100. 50. 0. 100. 200. 300. 400. 500. Сажень.

Подлинный подписание Комтуръ Адмиралъ Графъ Гейденъ.

СИЛЫ

обоихъ флотовъ въ наваринскомъ сраженіи.

СОЮЗНЫЙ ФЛОТЪ.	ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКИЙ ФЛОТЪ *)
Русская эскадра.	
Судовъ . . . 8. Орудій . . 490	Линейн. корабл. 5. Орудій. . 564
Флагманскій корабль <i>Азовъ</i> . Капитанъ <i>Лазаревъ</i> .	Фрегатовъ. . . 15. Орудій. . 735
	Корветовъ. . . 26. Орудій. . 598
Англійская эскадра.	Бриговъ.. . . 11. Орудій. . 209
Судовъ . . . 12 Орудій . . 456	Брандеровъ. . 5.
Флагманскій корабль <i>Азія</i> . Капитанъ <i>Курсонъ</i> .	
Французская эскадра.	
Судовъ . . . 7. Орудій . . 352	
Флагманскій корабль <i>Тридептъ</i> . Капитанъ <i>Рене-Роберъ</i> .	
Итого. Судовъ 28. Орудій . . 1298.	Судовъ. . . 65. Орудій. 2106
	Сверхъ того, множество орудій на береговыхъ батареяхъ и въ крѣпости.

ЭКИПАЖИ.

На союзномъ флотѣ 17,500	} приблизительно.
На турецко-египетскомъ . . 21,960	

*) Приблизительно.

ГЛАВА IV

Наваринъ и дипломатія

„Г. вице-адмиралъ Кодрингтонъ“, писалъ изъ С.-Петербурга, 3 ноября 1827 года, Императоръ Николай Павловичъ, „вы одержали побѣду, за которую цивилизованная Европа должна быть вамъ вдвойнѣ признательна. Достопамятная Наваринская битва и предшествовавшіе ей смѣлые маневры, являютъ вселенной не одну лишь мѣру ревности трехъ великихъ державъ о дѣлѣ, коего благородство еще увеличивается его безкорыстіемъ: она доказываетъ также, что въ состояніи совершить твердость—противу числа, искусно руководимое мужество—противъ слѣпой отваги, на какія бы силы послѣднія ни опиралась. Отнынѣ имя ваше принадлежитъ потомству. Похвалы лишь ослабили бы окружающую его славу, но Я испытываю потребность предложить вамъ блистательный знакъ внушаемыхъ вами Россіи признательности и уваженія. Въ этихъ видахъ, посылаю вамъ прилагаемый военный орденъ св. Георгія. Русскій флотъ почтенъ полученнымъ отъ васъ подѣ Навариномъ одобреніемъ, Мнѣ же особенно пріятно завѣрить васъ въ чувствахъ питаемаго Мною къ вамъ уваженія“. *)

Эти знаменательныя строки незабвеннаго Монарха служили вѣрнымъ выраженіемъ восторга, единодушно овладѣвшаго всѣмъ русскимъ народомъ при полученіи извѣстія о Наваринской побѣдѣ. Россія предчувствовала что послѣ вѣковой борьбы со свирѣпымъ

*) Книга Кодрингтона, т. II, стр. 147.

угнетателемъ ея единовѣрныхъ братьевъ, наконецъ открывается эра ихъ дѣйствительнаго освобожденія, и въ упоеніи восторга она переносила свои братскія чувства и на Англію, непощадившую своей крови для оказанія Россіи содѣйствія въ геройскомъ совершеніи святаго дѣла. Тѣ же чувства воодушевляли и все восточное христіанство. Увлеченное признательностью, отъ береговъ Савы до мыса Матапана все христіанство Балканскаго полуострова отозвалось восторженными благодарственными привѣтами, безразлично обращавшимися къ тремъ націямъ освободительницамъ; и впечатлѣніе это было такъ сильно, такъ глубоко, что вопреки прискорбной перемѣнѣ воззрѣній, принциповъ и образа дѣйствій, по несчастію совершившейся съ тѣхъ поръ въ политикѣ западныхъ кабинетовъ и затормозившей начатое ими вмѣстѣ съ Россіей великое дѣло, — нѣсколько лѣтъ спустя, 17 іюня 1831 года, по полученіи извѣстія о кончинѣ адмирала Кодрингтона, палата представителей освобожденной Греціи единодушнымъ возгласомъ постановила слѣдующую резолюцію: „выразивъ глубочайшую скорбь о кончинѣ знаменитаго филэллина Эдуарда Кодрингтона, въ знакъ вѣчной признательности греческой націи къ нему, де-Риньи и Гейдену, имена ихъ, съ лавровымъ надъ ними вѣнкомъ, вырѣзать на особыхъ скрижаляхъ, имѣющихъ быть поставленными въ палатѣ...“ *).

Къ чему стремится съ тѣхъ поръ завистливая относительно Россіи политика западной Европы, какъ не къ тому чтобы оспорить у Россіи ея естественное вліяніе на христіанскій Востокъ? Съ этой цѣлью и Англія и Франція жертвовали не разъ, съ тѣхъ поръ, неповинною кровью тысячъ своихъ безстрашныхъ сыновъ и милліардами ихъ трудовыхъ сбереженій; съ этой же цѣлью позорятъ онѣ цивилизованную Европу, упрямо обрекая на вѣчное рабство несправимо-дикой магометанской ордѣ или на вѣчную отчаянную борьбу съ ея громадными силами сбѣгающими изъ пѣдръ Азіи и Афри-

*) Courrier d'Athènes, отъ 28 іюня 1831 г.

ки,—на нескончаемыя ея звѣрства и повальныя избіенія—кого?.. одноплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ Европейцевъ и христіанъ, наравнѣ съ ними надѣленныхъ и потребностью и способностью къ духовному, умственному и матеріальному развитію! Не проще ли, не легче ли, не благороднѣйшими ли путями была бы достигнута таже самая цѣль если бы Англія и Франція продолжали слѣдовать той геніальной политикѣ, на стезю которой поставилъ ихъ Каннингъ, подъ вліяніемъ обаятельной энергіи русскаго Царя?.. И какъ сильно должно быть въ современной Англіи непостижимое ослѣпленіе туркофилства, если при существующемъ въ ней образѣ правленія, гдѣ вліянію общественнаго мнѣнія на правительство предоставляется такой широкій просторъ,—вопреки настойчивымъ требованіямъ партіи оставшейся вѣрной политикѣ Каннинга, вопреки добросовѣстному покаянію нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей, подобно лорду Страдфордту Редклифу на закатѣ жизни убѣдившихся въ ошибочности рутинныхъ воззрѣній, побуждавшихъ ихъ поддерживать Турцію, наконецъ, вопреки уже два года превосходящимъ всякую мѣру возмутительнымъ турецкимъ звѣрствамъ и попранію Турціей всѣхъ правъ человѣчества и торжественно принятыхъ ею международныхъ обязательствъ,—если до сихъ поръ Дарби и Биконсфильды, Элліоты и Леарды управляютъ судьбами великой націи въ вопросѣ, которымъ заинтересованы ея честь, ея обаяніе, и въ исторіи ко-ей Наваринская битва, предъ судомъ благодарнаго потомства, займетъ конечно болѣе славное мѣсто чѣмъ даже Ватерлоо!

Восторженный пріемъ встрѣтившій въ Мальтѣ возвращавшіяся туда для исправленія вынесенныхъ изъ Наваринской битвы поврежденій англійскую и русскую эскадру *) свидѣтельствуетъ о чувствахъ братской солидарности и чистосердечной дружбы, установившихся между военными и морскими ратниками обѣихъ державъ подъ наптіемъ взаимнаго уваженія и взаимныхъ наваринскихъ

*) См. Приложение.

услугъ. Иное дѣло въ самой Англіи. Уже при Каннингѣ, извѣстіе о безсмертной Наваринской побѣдѣ вызвало въ ней отзвѣвы самаго противорѣчиваго свойства. Правительство было ими озадачено. Лордъ Инджестръ, отъ 20 ноября 1827 года, писалъ Кодрингтону: „Извѣстіе это вызвало, повидимому, величайшее удивленіе и ни въ комъ не возбудило оно его въ такой степени, какъ въ министрахъ ея Величества. Мнѣ говорили, что все это имъ не нравится, что вы поторопились“ *)...

Нѣтъ сомнѣнія что самъ Каннингъ былъ почти увѣренъ въ мирномъ исходѣ дѣла. Онъ не предполагалъ чтобы Порта своимъ неисправимымъ упорствомъ рѣшилась принудить союзниковъ къ необходимости употребить силу. Дѣйствительно, къ предупрежденію столкновенія были приняты всѣ мѣры. Но Порта, очевидно, домогалась противнаго. Она оказалась единственною виновницей Наваринскаго погрома. По мнѣнію знатока Турокъ, Кодрингтона, въ письмѣ Гейдену отъ 16 ноября 1828 года, „разъ уже состоялся Лондонскій трактатъ, цѣль союзниковъ должна была состоять въ томъ, чтобы немедленно же *вынудить* его исполненіе, *нравится ли то султану или нѣтъ*. Имѣя подъ рукою, для врученія ему управленія Греціей, такого способнаго человѣка какъ графа Каподистрію, надобно было опредѣлить какая именно часть Греціи должна подчиниться его правленію и снабдить его широкими средствами для утвержденія своей власти на основаніяхъ, принятыхъ союзными державами, какъ всего болѣе соотвѣтствующими ихъ видамъ“. Эти слова заключали въ себѣ цѣлую политическую программу. Такъ какъ Лондонскій трактатъ рѣшительно не „*попирался*“ султану, то первый шагъ этой программы долженъ былъ сказаться битвой. Не даромъ писалъ Кодрингтонъ что онъ считаетъ Наваринъ „первымъ шагомъ къ освобожденію Греціи“. Наваринъ не только могъ, но и долженъ бы былъ явиться и пер-

*) Книга Кодрингтона, т. II, стр. 139.

вымъ шагомъ къ освобожденію всѣхъ христіанъ Балканскаго полуострова. Въ этомъ смыслѣ поняли его и вся Россія, и всѣ злополучныя населенія себялюбивою завистью Европы обрекаемыя на роковое, подавляющее ихъ умственное и матеріальное развитіе рабство. Съ этой же точки зрѣнія взирали на него и въ Англіи люди стоящіе на высотѣ гениальной политики Каннинга. „Я рѣшительно того мнѣнія“, торжественно заявилъ нѣсколько времени спустя лордъ Джонъ Россель, „что эта блистательная побѣда была *необходимымъ результатомъ Лондонскаго договора*; кромѣ того, я полагаю что это была одна изъ самыхъ *честныхъ* побѣдъ, одержанныхъ оружіемъ какой либо державы отъ начала міра“.

Того же мнѣнія, повидимому, держался и Каннингъ, хотя онъ конечно и надѣялся, и предпочелъ бы обойтись безъ этой „честной“ побѣды. При извѣстномъ ему своекорыстно-миролюбивомъ настроеніи англійскаго общества, онъ предвидѣлъ что за эту „честную“ побѣду поплатится своимъ портфелемъ, которымъ дорожилъ какъ средствомъ проводить свою политическую систему, которая, по его убѣжденію, была единою исполнѣ согласною и съ честью, и съ интересами Англіи. Вліяніемъ его, не только доблестный проводникъ его политики, Кодрингтонъ, но и графъ Гейденъ и де-Рикьи, были почтены орденомъ Бани. Что это свидѣтельство признательности Великобританіи къ тремъ героямъ Наварина стоило Каннингу не мало труда, можно судить уже по первому возгласу короля при полученіи извѣстія о „честной“ побѣдѣ: „какое неожиданное событіе!“ Если въ англійскомъ обществѣ преобладала и тогда узкосердая корысть и близорукая зависть къ Россіи, то въ высшихъ правительственныхъ сферахъ ея господствовали рутинныя убѣжденія въ весьма нелестную для Англіи „тождественность“ интересовъ Великобританіи съ ея „исконнымъ союзникомъ“, Турціей. „Изъ мѣръ принятыхъ для осуществленія договора“, писали Кодрингтону въ официальномъ предостереженіи, „совершенною неожиданностью для его величества было столкновеніе въ Наваринѣ“

скомъ портѣ между флотами договорившихся державъ и Оттоманской Порты. Не взирая на доблесть обнаруженную соединеннымъ флотомъ, его величеству прискорбно, что суждено было случиться такому столкновенію съ морскою силою *исконнаго союзника Англій*; но его величество все же довѣрчиво уповаетъ, что это *нежелательное событіе* не будетъ сопровождено *дальнѣйшими враждебными дѣйствіями* и не помѣшаетъ несогласіямъ между Портою и Греціею уладиться *миролюбиво*“...

Въ этихъ строкахъ, очевидно, уже выказывалась политическая программа діаметрально противоположная той, какую проводилъ Каннингъ. Такъ думалъ и Кюдрингтонъ. „Когда Англія, Франція и Россія“, писалъ онъ въ своей книгѣ, *) „не смотря на различіе своихъ интересовъ, соединились въ іюльскомъ договорѣ, тогда охранять ихъ взаимныя выгоды могло—согласіе, вредить имъ—разобщеніе. *Первою сошла съ общаго пути Англія*, когда король ея, въ своей рѣчи, назвалъ Наваринскую битву „неожиданностью“ (unotward event). *Въ этихъ словахъ звучало уже уклоненіе.* Они породили *недовѣріе къ Россіи, подозрѣнія ко Франціи и подстрекнули Турцію къ сопротивленію*“. Справедливость этихъ воззрѣній доказывается дальнѣйшими событіями подтвердившими предчувствія Каннинга. „Честная“ побѣда вызвала министерскій кризисъ. По понятіямъ того времени, политика Каннинга, какъ противорѣчащая традиціямъ Англіи въ ея исконныхъ отношеніяхъ къ Портѣ, считалась просто *революціонною*. Съ паденіемъ министерства *виговъ* явилось у кормила правленія министерство *тори*, съ герцогомъ Веллингтономъ во главѣ. Вскорѣ за тѣмъ, 29 января 1828 года, эпитетъ „неожиданность“ поднялъ цѣлую бурю въ обѣихъ палатахъ англійскаго парламента. Въ верхней палатѣ, лордъ Морпетъ энергически возставаая противъ него сказалъ: „министры могли бы выбрать какое нибудь другое выраженіе отно-

*) Стр. 367.

сительно побѣды, исполнившей радостью сердце каждаго приверженца свободы. Слово неожиданность невѣрно и несправедливо, это одинъ изъ самыхъ оскорбительныхъ эпитетовъ, какимъ только могли снабдить министровъ ихъ поиски въ словарь англійскаго языка“. „Могу лишь скорбѣть“, присовокупилъ другой защитникъ Каннинга и Кодрингтона, лордъ Голландъ, „объ употребленіи слова *неожиданность* по поводу Наваринской битвы. Если этимъ выраженіемъ хотѣли сказать, что Наваринскій бой послужить помѣхой независимости Грековъ, то не могу сказать чтобы оно было употреблено кстати и справедливо; я думаю, напротивъ, что эта битва содѣйствуетъ освобожденію Греціи и ускорить его, что она также шагъ—и великій шагъ—къ *умиротворенію Европы*“.

Лордъ Голландъ говорилъ правду. Если бы Англія и Франція продолжали идти объ руку съ Россіей также чистосердно, какъ шли съ нею эскадры ихъ въ Наваринской бухтѣ въ незабвенный день 8 октября 1827 года, то нѣтъ сомнѣнія что проученная въ этотъ день по заслугамъ, испуганная и упавшая духомъ Порты и не думала бы болѣе ни о какомъ сопротивленіи. Въ этомъ былъ убѣжденъ и Кодрингтонъ, какъ видно изъ его письма къ генералъ-адмиралу, герцогу Кларенскому, отъ 28 февраля 1828 года, въ которомъ сказано, что если онъ и „ошибся въ своемъ ожиданіи будто Порты покорится послѣ Наваринской битвы“, то единственно потому, что онъ „разсчитывалъ что *будутъ приняты и мѣры побужденія ея къ тому*. Г. Страдфордтъ Каннингъ говорилъ капитану Гамильтону, что битва эта не имѣла никакого вліянія: напротивъ, *никогда къ замѣчаніямъ пословъ не были такъ внимательны въ Константинополѣ, какъ именно по полученіи извѣстій о ней*“.

Убѣжденіе Кодрингтона вполне раздѣлялъ и петербургскій кабинетъ: единственное средство сломить исконную строптивость Порты находилъ онъ въ томъ, чтобы немедленно воспользоваться подавляющимъ впечатлѣніемъ Наваринскаго погрома, и продолжать от-

носительно Порты тотъ энергическій образъ дѣйствія, котораго первый починъ увѣнчался во вѣки неувядаемыми лаврами Наварина. Но замѣчательны при этомъ иллюзіи и нашей дипломатіи. „Вы можете быть *увѣрены (!)*“, писалъ графъ Нессельроде, 7 (19) января 1828 года, Гейдену, „что ни одинъ изъ трехъ дворовъ не уступитъ предъ послѣдствіями разрыва съ Портой, что ни одинъ изъ нихъ не поколеблется придать своимъ дѣйствіямъ энергическій характеръ.“ На основаніи этого куріознаго убѣжденія, свидѣтельствующаго о томъ, до какой степени наша дипломатія и тогда все видѣла въ розовомъ свѣтѣ, тѣмъ же документомъ предписывалось Гейдену „считать отношенія Россіи съ Портой окончательно прерванными безъ объявленія, однако, открытой войны между обоими государствами“, идти въ Архипелагъ со всѣми судами которыми онъ могъ располагать, и принять въ руководство, что „эскадра, по прежнему, назначена на основаніи добавочныхъ протоколовъ къ лондонскому договору, для воспрепятствованія всякому прибытію войскъ, кораблей, военныхъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ на острова и берега Архипелага... Турецкія и нейтральныя суда, не обращающія вниманія на представленный имъ ультиматумъ, должны быть отражаемы силой... Намъ кажется полезнымъ предложить Ибрагимъ-пашѣ средства къ возвращенію въ Египетъ подъ конвоемъ соединенныхъ флотовъ... Вы должны увѣщаніями склонять Грековъ къ единодушію и внушать имъ сознаніе въ необходимость центральной власти... Если въ сообщаемыхъ вамъ княземъ Ливеномъ инструкціяхъ, условленныхъ между этимъ посломъ и уполномоченными Англіи и Франціи, будетъ *немедленная блокада Дарданеллъ*... то вы должны исполнять всѣ желанія сэра Кодрингтона“... Въ заключеніе этихъ наставленій, графъ Нессельроде *конфиденціально* сообщалъ Гейдену: „всѣ получаемыя изъ Лондона и Парижа свѣдѣнія, а также отправленныя сэру Кодрингтону подтвержденія заставляютъ насъ полагать, что Англія будетъ дѣйствовать *настойчиво* и что, можетъ быть,

сэръ Кодрингтонъ получилъ приказаніе *силою пробиться чрезъ Дарданеллы и подойти къ стѣнамъ серая, дабы принудить султана подписать миръ*“... Само собою разумѣется, что Гейдену, въ такомъ случаѣ, предписывалось „сѣдовать за Кодрингтономъ въ этой опасной экспедиціи“, съ тѣмъ чтобы „нѣсколько судовъ императорской эскадры проникли съ англійскимъ флотомъ, *во что бы то ни стало* (подчеркнуто въ подлинникѣ), до самой столицы Оттоманской имперіи“...

Но какъ въ 1876 году, въ Кремлѣ, по возвращеніи Государя Императора изъ Ливадіи, такъ и въ цитованной депешѣ 1828 года, единымъ царственнымъ словомъ исправились всѣ нескончаемыя ошибки, всѣ наивныя предположенія и несбыточныя надежды дипломатіи. „Каковъ бы ни былъ въ Лондонѣ и Парижѣ приемъ нашимъ „предложеніямъ“, присовокуплялъ въ концѣ депеши графъ Нессельроде, „Государь рѣшилъ принять мѣры требуемыя для исполненія трактата отъ 6 іюня, и прибѣгнуть для этого къ силѣ оружія“. Вопреки фальшивымъ свѣдѣніямъ и убѣжденіямъ дипломатіи, Государь обладалъ полнымъ сознаніемъ истины, и если Англія и Франція могли находить согласнымъ со своими интересами предаваться относительно Наварина настоящей пенелопиной работѣ и напрягать всѣ силы дабы уничтожить плоды геройства своихъ сыновъ, то русскій Царь не находилъ согласнымъ ни съ честью, ни съ интересами Россіи, чтобы пролитая въ Наваринѣ русская кровь осталась безплодной. Дѣйствительно, если на Англію нечего было рассчитывать послѣ Наваринской битвы, то и на Францію Россія также не могла съ тѣхъ поръ возлагать никакихъ надеждъ. Правда, общественное мнѣніе Франціи отозвалось съ неудержимымъ восторгомъ на побѣду; съ другой стороны, само правительство успѣшило прислать и Кодрингтону, и Гейдену, и де-Риньи орденъ Св. Лудовика большаго креста. Но хоть и нельзя отрицать нѣкоторой искренности восторженныхъ заявленій французской публики, при всемъ томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ основаніи той торжествен-

ности, какою были обстановлены всё эти заявленія, значительную роль играло собственное Французамъ оппозиціонное фронтдерство, такъ какъ публикѣ чужлось, что эти манифестаціи приходятся далеко не по вкусу правительству. Подъ вліяніемъ такого *предчувствія*, оппозиція поспѣшила сдѣлать изъ „греческаго вопроса“ орудіе парламентской агитаціи. Она потребовала особаго кредита для вспоможенія Грекамъ: послѣ нѣкоторыхъ колебаній министерство уступило ей 500,000 франковъ, „*pour faire la part du feu*“, какъ выражался де-Риньи, подтрунивая надъ этой уступкой.

Дѣйствительно, судя по всѣмъ дѣйствіямъ де-Риньи со времени Наваринской побѣды, надо полагать что онъ получилъ тогда инструкціи, давшія ему полное право считать эту уступку парижскаго кабинета въ пользу Грековъ безусловно противорѣчащею дѣйствительнымъ стремленіямъ французскаго правительства. По несчастію, сами Греки подали адмиралу поводъ къ заявленію его туркофильства. Послѣ шестилѣтней отчаянной борьбы, возстаніе ихъ впало въ совершенное безначаліе. Выбранное ими центральное правительство было слишкомъ слабо чтобы внушить къ себѣ уваженіе. Каждый отдѣльный партизанъ считалъ себя независимымъ и присвоивалъ себѣ права верховной власти. Особенно пагубно высказалось это безначаліе въ морской войнѣ. Не имѣя возможности вести ее правильнымъ образомъ противъ грознаго турецко-египетскаго флота, Греки перенесли и на море партизанскую войну, и она вскорѣ подавала тутъ поводъ просто къ морскимъ разбоямъ. Но и въ этомъ отношеніи начальникамъ союзныхъ эскадръ, при исполненіи возложеннаго на нихъ *второстепеннаго* порученія, состоявшаго въ преслѣдованіи пиратства, необходимо было поступать съ большою осмотрительностью. Были случаи что греческіе корсары, нападая на турецкія или египетскія суда, захватывали товаръ принадлежавшій французскимъ или англійскимъ подданнымъ; жители Ионическихъ острововъ, хоть и Греки, но помогали Ибрагимъ-пашѣ въ продовольствіи его арміи и безпрестанно нару-

шали блокаду, установленную со времени Наваринскаго сраженія по Ионическому побережю Морей. Греческіе корсары не щадили этихъ контрабандистовъ, между тѣмъ Ионическіе острова принадлежали Великобританіи; англійскій губернаторъ ихъ былъ явный врагъ возстанія. Но греческіе пираты нападали и на суда союзныхъ державъ и награбленный товаръ сбывали въ греческихъ гаваняхъ. Эти преступныя дѣйствія *частныхъ* лицъ чрезвычайно усложняли положеніе начальниковъ союзныхъ эскадръ, которымъ Лондонскій протоколъ предписывалъ обращаться съ Греками какъ съ *друзьями*. Вопреки безусловной невозможности временнаго греческаго *правительства*, за совершеннымъ отсутствіемъ средствъ водворить порядокъ, де-Риньи и дѣйствовавшіе отдѣльно командиры судовъ его эскадры, за всѣ эти дѣйствія необузданнаго произвола *частныхъ* лицъ, немедленно послѣ Наваринской побѣды стали возлагать отвѣтственность на греческое *правительство*, а между тѣмъ своимъ грубымъ, насильственнымъ обращеніемъ съ нимъ, французскіе офицеры конечно лишь еще болѣе роняли значеніе и обаяніе его въ глазахъ населеній и безъ того уже не оказывавшихъ ему никакого почтенія. Какъ графъ Гейденъ, такъ и сэръ Кодрингтонъ дѣйствовали въ противномъ смыслѣ, стараясь всячески внушить возставшимъ Грекамъ уваженіе центральной власти; пріѣздъ (15) января 1828 года избраннаго представителемъ этой власти графа Каподистріи, чловѣка во всѣхъ отношеніяхъ высокодаровитаго и благонамѣреннаго, оказалъ ихъ усиліямъ значительную помощь. Въ самый день своего прибытія на почву Эллады, Каподистрія имѣлъ счастье помирить двухъ греческихъ вождей, Колокотрони и Гриваса, готовившихся взяться за оружіе другъ противъ друга. Но предстоявшія Каподистріи неимовѣрныя внутреннія затрудненія еще усложнялись, вмѣсто того чтобы облегчаться, его дипломатическимъ положеніемъ. Какъ трудно было это положеніе въ виду *тяжелаго покровительства*, оказываемаго Греціи Англіей и Франціей, объ этомъ можно судить уже изъ

того, что хотя болѣе всего ввѣренное Каподистріи правительство нуждалось въ деньгахъ, тѣмъ не менѣе, чтобы не возбудить неудовольствія назначенныхъ къ нему агентовъ этихъ двухъ державъ, особенно англійскаго, мистеръ Доукинса, Каподистрія счелъ своимъ долгомъ не принимать присланныхъ ему русскимъ правительствомъ 1.500,000 франковъ, и согласился на принятіе ихъ лишь по настояніямъ Нессельроде и Гейдена.

Между тѣмъ борьба съ Турками шла по прежнему. На уцѣлѣвшихъ отъ Наваринскаго погрома *трехъ* египетскихъ судахъ, Ибрагимъ-паша отправилъ въ Александрію всѣхъ состоящихъ при его арміи лишнихъ людей, *гаремы* и лишнія тягости. Самъ же остался онъ въ Мореѣ съ 12,000 низама, 4,000 иррегулярной пѣхоты и 2,000 всадниками, держась строго оборонительнаго положенія, что не мѣшало ему однако свирѣпствовать со свойственнымъ ему звѣрствомъ надъ населеніемъ, подвергавшимся опустошительнымъ набѣгамъ его войска. Греки поспѣшили воспользоваться отсутствіемъ турецко-египетскаго флота, чтобы сдѣлать сильную высадку въ Кандіи; возстаніе быстро расширялось за границы Пелопонеса, на Аттику. Въ виду истиннаго, вполне самоотверженнаго геройства оказываемаго всею массою эллинскаго населенія какъ по всему побережью Эгейскаго моря такъ и на островахъ Архипелага, отдѣльные случаи морскихъ разбоевъ, производимыхъ нѣкоторыми частными лицами, конечно, не должны были бы производить никакого вліянія на *официально* заявленныя великими державами сочувствія къ дѣлу Эллиновъ. По несчастію, этого взгляда держались одно русское правительство и начальникъ англійской эскадры, сэръ Э. Кюдрингтонъ. Что касается англійскаго и французскаго правительствъ и огромнаго большинства офицеровъ ихъ эскадръ въ Архипелагѣ, особенно же де-Риньи, то вскорѣ послѣ Наваринской битвы, ихъ систематическое обобщеніе дѣла эллинскаго возстанія съ преступными дѣйствіями нѣкоторыхъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго, греческихъ морскихъ разбойниковъ дошло до того,

что Портъ невозможно было не угадать въ этомъ фактѣ вліянія правительства, вопреки всѣмъ officialнымъ ихъ завѣреніямъ, въ сущности благопріятствовавшимъ не грекамъ, а Турціи. „Дѣйствія де-Риньи“, писалъ Гейденъ отъ 28 февраля (ст. ст.) 1828 года графу Нессельроде „*ограничиваются преслѣдованіемъ пиратовъ*“. Между тѣмъ чтобы имѣть предлогъ не исполнять своего настоящаго назначенія, французскій адмиралъ, какъ видно изъ донесенія русскаго агента въ Смирнѣ, Фродинга, отъ 3 (15) марта того же года, *самъ внушалъ* проживавшимъ въ Смирнѣ Французамъ подавать ему адреса, умолявшіе его не препятствовать ни въ чемъ турецкимъ водолазамъ, дабы не подвергать де опасности его соотечественниковъ. По всему видно было что пресловутые морскіе разбой служили тутъ *только предлогомъ*. Вліяніе этихъ фактовъ, при помощи дипломатическихъ напештываній и намековъ, несомнѣнно происходившихъ тогда въ Константинополь со стороны представителей Англіи и Франціи, сэръ Страдфордтъ Каннинга и генерала Гильемино, не замедлило отзываться на отношенія Порты къ Россіи. Немедленно послѣ Наварина, сэръ Страдфордтъ поспѣшилъ сообщить своему правительству будто Наваринская побѣда не произвела никакого вліянія на Порту. Сообщение это, очевидно, было просто намекомъ на то, что и дальнѣйшія принудительныя мѣры не произведутъ никакого вліянія на турецкое правительство. Между тѣмъ Кондрингтонъ имѣлъ положительныя свѣдѣнія, что со времени полученія извѣстія о Наваринскомъ погромѣ, въ положеніи Порты относительно великихъ державъ вдругъ оказалась весьма замѣтная перемѣна. Изъ вызывательно-надменнаго, это положеніе вдругъ превратилось въ самое обходительное и стоворчивое. Въ этомъ же смыслѣ отзывалась о вліяніи Наварина не только русская, но и австрійская дипломатія. Но этотъ благопріятный поворотъ продолжался недолго. Съ одной стороны Порты, повидимому безъ всякаго повода, вдругъ возвратилась къ своему первоначальному, безцеремонному обращенію съ державами, особен-

но съ Россіей, съ другой стороны она съ усугубленною дѣятельностью возобновила свои, мгновенно прерванныя Наваринскимъ погромомъ, вооруженія, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ.

Между тѣмъ, уже въ концѣ октября 1827 года, князь Ливенъ, въ исполненіе предписаній министерства, заявилъ Лондонской конференціи объ очевидной недостаточности предписанныхъ іюльскимъ договоромъ понудительныхъ мѣръ: единственнымъ результатомъ этого заявленія было отозваніе пословъ, въ случаѣ не принятія Портой еще разъ предъявляемаго ей ультиматума. Само собою разумѣется, этотъ ультиматумъ былъ отвергнутъ. Послы трехъ соединенныхъ державъ заявили Портѣ, что если она и послѣ Наварина не приметъ предложеній, формулированныхъ на Лондонской конференціи, то они оставятъ Константинополь. Декларация эта произвела въ 1827 году совершенно то же дѣйствіе, какое произвело заявленіе этого рода и въ 1877 году, по закрытіи пресловутой Константинопольской конференціи. Господамъ посламъ Порты преспокойно пожелала добраго пути. Изъ перехваченныхъ Греками писемъ изъ Константинополя въ Египетъ оказалось, что къ офиціальному заявленію своему представители Англіи и Франціи присовокупили, что оставляя Константинополь, они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ „присковъ Россіи“, но что аккредитующія ихъ державы, „ни въ какомъ случаѣ, не объявятъ *Портѣ войны*“. Ничего болѣе, впрочемъ, и ожидать нельзя было послѣ всего происходившаго въ вышешихъ лондонскихъ правительственныхъ сферахъ по полученіи извѣстія о „неожиданномъ событіи“, такъ прискорбно поразившемъ „исконнаго союзника“ Англіи. Само собою разумѣется, что объ обстоятельномъ выясненіи значенія всѣхъ этихъ фактовъ въ Константинополѣ, конечно озаботились въ-время пребывающіе тамъ представители *новыхъ* союзниковъ Россіи. До какой степени былъ силенъ поворотъ, совершившійся въ то время въ англійской дипломатіи, на это указываетъ фактъ сообщенный 28 февраля 1828 года, Гейденомъ графу Нессельроде, что на приглашеніе Кодринг-

тона заѣхать для совѣщанія съ нимъ въ Мальту, обыкновенную стоянку всѣхъ англійскихъ судовъ на пути между ихъ отечествомъ и Лепантомъ, возвращавшійся на родину Страдфордтъ Каннингъ не отвѣтилъ даже письменно и, минуя Мальту, прямо отправился въ Лондонъ, гдѣ прибытіе его не замедлило отозваться замѣтнымъ усугубленіемъ туркофильства тамошнихъ официальныхъ сферъ.

Между тѣмъ въ Константинополь оказались и инныя дипломатическія вліянія, которыя съ назойливымъ усердіемъ продолжали дѣйствовать въ направленіи данномъ при отъѣздѣ представителями Англіи и Франціи. Извѣстіе о Наваринскомъ погромѣ произвело на вѣнскій кабинетъ впечатлѣніе досады и раздраженіе едва ли не болѣе еще сильное чѣмъ то, какое вызвало оно въ Лондонѣ. Лондонскій трактатъ былъ истолкованъ княземъ Меттернихомъ какъ признакъ освобожденія Европы изъ подъ его вліянія. Извѣстіе о Наваринской битвѣ разсѣяло всѣ успокоительныя завѣренія которыми, съ разныхъ точекъ зрѣнія, представители трехъ союзныхъ державъ старались умѣрить раздраженіе сердитаго руководителя политики Габсбургской монархіи. Онъ счелъ себя обойденнымъ, обманутымъ. Если и въ этомъ случаѣ аккредитованные въ Вѣнѣ представители Англіи и Франціи, со свойственнымъ ихъ кабинетамъ двуличіемъ, легко успѣли успокоить гнѣвъ австрійскаго канцлера противъ ихъ правительствъ, то понятно, что эта задача была далеко не такъ легка для представителя Россіи, Татищева, такъ какъ правительство его не считало согласнымъ со своимъ достоинствомъ отрицать свои сочувствія къ Грекамъ. Одного этого,—какъ признака, что Россія не подчиняется болѣе пресловутымъ соображеніямъ „общей политики“, то-есть въ сущности тѣхъ принциповъ которые Меттернихъ считалъ неотъемлемымъ условіемъ существованія австрійской монархіи, — одного этого было достаточно, чтобы побудить его къ подпольной игрѣ, стремившейся отплатить Россіи на Востокъ за ея попытку освободиться отъ гнета вѣнской политики. „Какъ видно“, писалъ 24 января (5 февраля) 1828 года Гейденъ Код-

рингтону, „вѣнскій кабинетъ всѣми силами старается убѣдить Турокъ *быть настойчивѣе*, завѣряя ихъ, что Англія и Франція *ни въ какомъ случаѣ не обяжутъ имъ войны*. Съ другой стороны кабинетъ этотъ стремится внушить державамъ, подписавшимъ Лондонскій договоръ, *недовѣріе къ Россіи*, которой онъ приписываетъ завоевательныя стремленія“. Вполнѣ согласно съ этой враждебностью вѣнской политики относительно Россіи и Грековъ дѣйствовала и австрійская эскадра въ Архипелагѣ, доставляя Ибрагиму всякую военную контрабанду. Болѣе всего нуждался онъ въ деньгахъ. Между тѣмъ де-Риньи увѣдомлялъ Кодрингтона, отъ 19 мая 1828, что два раза задержанный французскимъ кораблемъ *Тридентъ* и англійскимъ *Уерспайтъ* турецкій военный корветъ, пробравшись въ Суду *), передалъ тамъ 40,000 таларисовъ австрійской военной гоэлетѣ, доставившей ихъ Ибрагиму. „Вы видите“, писалъ въ заключеніе французскій адмиралъ, „господа Австрійцы продолжаютъ свое. Напишу Дандоло. Гейденъ сказалъ мнѣ, что онъ *силою* воспротивится входу австрійскихъ *военныхъ* судовъ въ Модонъ“. Многочисленные факты этого рода были изобличены не только русскою, но и французскою и англійскою эскадрами, о чемъ свидѣтельствуютъ и помѣщенные въ *Приложенія*хъ письма Гейдена, де-Риньи, Кодрингтона и Каподистріи. Особенно возмутителенъ фактъ приведенный послѣднимъ въ письмѣ Гейдену отъ 12 (24) декабря 1828 г. **) Австрійскія военныя суда тутъ уже не только нарушаютъ блокаду установленную греко-русскими эскадрами, но сами исполняютъ въ пользу Турокъ, надъ греческими судами, обязанности блокирующихъ: арестуютъ мѣшающій имъ греческій военный бригъ и мелкія суда, нагруженные провіантомъ для Грековъ.

Понятно что всѣ эти поблажки и возбужденія не могли остаться

*) Гавань на южномъ берегу Кандіи.

**) Смотри. въ Приложеніяхъ—письма Каподистріи, и прочее.

безъ дѣйствія на Оттоманскую Порту. Разочаровавшись при Наваринѣ въ своей надеждѣ справиться съ тремя державами, и не только успокоившись на счетъ двухъ изъ нихъ, но и получивъ увѣренность въ доброжелательности къ ней какъ Англіи и Франціи, такъ и Австріи, Порты увлеклась надеждой выместить хоть на одной Россіи свои потери при Наваринѣ. „Мнѣ кажется, султанъ Могамедъ непремѣнно хочетъ испробовать войска свои противъ Россіи“, писалъ де-Риньи Кодрингтону 16 февраля 1828 года...

„Султанъ только и думаетъ о военныхъ приготовленіяхъ“, доносилъ офиціально де-Риньи своему правительству 6 (18) января. Впрочемъ, о внезапныхъ и усиленныхъ приготовленіяхъ Порты къ войнѣ вслѣдъ за полнѣйшимъ уныніемъ причиненнымъ ей Наваринскимъ погромомъ, упоминаютъ многія изъ помѣщенныхъ въ *Приложеніяхъ* письма къ Гейдену. Первою заботой Порты оказалось сложить на Россію отвѣтственность за предстоящую войну, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать попытку отдѣлаться отъ греческаго возстанія. Съ этими цѣлями Порты заявила что она готова даровать Грекамъ миръ на основаніи полной амнистіи, но также и безусловнаго возвращенія Грековъ подъ власть Порты; для обсужденія же этой милости, Порты даровала де Грекамъ перемиріе и принимая посредничество Англіи и Франціи, отвергла безусловно посредничество Россіи. Ревностнымъ проводникомъ этой политики Турціи явился де-Риньи, всѣми силами уговаривавшій Каподистрію сдаться на „примирительныя стремленія“ Турціи. Достойнымъ сотрудникомъ ему въ усердіи къ этому дѣлу оказался и мистеръ Доукинсъ. Русская дипломатія, также какъ и Гейденъ, по справедливости не сочла совмѣстнымъ съ достоинствомъ и интересами Россіи поддерживать эти явно противъ нея направленные настоянія. Каподистрія и весь греческій народъ съ негодованіемъ отвергли предложенія Порты. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что успѣху ихъ много содѣйствовало благоразумное отношеніе къ этому дѣлу Россіи. Содѣйствіемъ же Греціи, увлекшимъ за собою и большую

часть Албаніи, Россіи была оказана не малая услуга въ продолженіи ея войны съ Турціей въ 1828—1829 годахъ.

Полвѣка спустя, Порты, рѣшившись на войну съ Россіей, дѣйствовала по той же программѣ относительно будущихъ естественныхъ и самыхъ полезныхъ союзниковъ послѣдней, — тѣхъ самыхъ союзниковъ, изъ-за которыхъ Россія готовилась объявить Турціи войну. Но въ этотъ разъ сама русская дипломатія соперничала съ англійскою и австрійскою чтобы побудить именно *самого полезнаго* своего естественнаго союзника, Сербію, заключить съ Турціей отдѣльный миръ почти наканунѣ объявленія ей войны...

Въ 1828 году Россія не находила нужнымъ отвергать услуги возставшихъ противъ Турціи христіанъ. Война была объявлена 14 апрѣля. Но уже 21 марта, считая ее неизбѣжною, графъ Нессельроде писалъ Гейдену: „Что касается Грековъ, то съ объявленіемъ войны Турціи, Россія можетъ считать ихъ своими *естественными союзниками*. По этому вы доставите имъ всякое пособіе снабжая припасами ихъ крѣпости и доставляя имъ оружіе и снаряды... Наше положеніе воюющей державы даетъ намъ право считать Грековъ нашими союзниками и помогать имъ всѣми силами, тѣмъ болѣе что Государь считаетъ необходимымъ чтобы въ день заключенія мира съ Турціей Греція находилась въ положеніи, которое дало бы намъ право и возможность, *вопреки видамъ Англій, Франціи и Австріи*, постановить для нея основанія ея возрожденія и границы ея владѣній...“ Въ другой депешѣ, отъ 14 августа того же года, графъ Нессельроде указываетъ на необходимость образовать изъ Греціи государство „могущее держаться собственными силами, развѣ только захотятъ сдѣлать изъ этой страны *отличный предлогъ раздоровъ и войнъ съ Турціей*“, неотъемлемымъ же условіемъ такого греческаго государства графъ Нессельроде считалъ присоединеніе къ нему Кандіи и Эвбеи (Негропонта) съ большею частью острововъ Архипелага. Но уже 24-февраля того же года, въ депешѣ князю Ливену, русскому послу въ Лондонѣ, графъ Нес-

сельроде доказывалъ что такъ какъ Лондонскимъ договоромъ было постановлено что территоріальныя границы будущей Греціи должны быть опредѣлены соглашеніемъ между великими державами и *воюющими сторонами*, то хотя Англія, съ согласія Франціи, и предлагаетъ ограничить территорію Греціи *одной Мореей*, петербургскій кабинетъ напоминаетъ имъ что „Лондонскій трактатъ налагаетъ на три державы“ обязанность условиться по этому предмету съ Греками, какъ принявшими условія этого трактата, а потому, на основаніи его же, „пользующимися всѣми правами отъ него проистекающими. Отъ однѣхъ великихъ державъ“, присовокупляла въ заключеніе цитуемая депеша, „уже не зависить объявить что этими правами будетъ пользоваться *одна Морея*“!!.

И такъ еще за два мѣсяца до объявленія войны, Россія рѣшительно сливала свое дѣло съ дѣломъ Греціи. Конечно это приводило въ негодованіе князя Меттерниха, во имя пресловутыхъ принциповъ „общей политики“ пославшаго было, на Веронскомъ конгрессѣ, Россію воевать съ италіянскими карбонарами *) чтобы обезнечить въ Италіи австрійское иго, но не допускавшаго чтобы по дѣлу, неразлучно связанному съ самыми существенными условіями политическаго значенія Россіи, послѣдняя имѣла право обнажать свой мечъ противъ Турціи...

Рѣшительный тонъ, принятый русскимъ правительствомъ относительно Греціи съ половины января 1828 года, очевидно указывалъ на близость почти неминуемаго столкновенія. Дѣйствительно со дня на день становилось яснѣе, съ одной стороны что Англія и Франція, испуганныя собственнымъ геройствомъ при Наваринѣ, всѣми силами уклоняются отъ исполненія принятыхъ ими по Лондонскому трактату обязательствъ относительно понужденія Порты къ принятію условій его, а съ другой стороны что сама Порта, ободренная увѣренностью что отъ двухъ западныхъ державъ ей на-

*) Русскія войска, подъ начальствомъ Ермолова, уже выступили было съ этой цѣлью и дошли до Вильны. (*Изъ разсказовъ очевидцевъ*).

вѣрное *опасаться нечего*, рѣшилась сдѣлать все возможное чтобы вызвать войну съ Россіей. Съ этой цѣлью запретила она русскимъ купеческимъ судамъ входить въ Босфоръ, изгнала русскихъ подданныхъ, объявила что не считаетъ себя связанною Аккерманскимъ трактатомъ и проч. Къ тому же, уже 25 декабря 1827 года, графъ Паскевичъ извѣщалъ что ванскій паша провозглашалъ открытіе „священной“ войны противъ Россіи и призывалъ всѣхъ „правовѣрныхъ“ подъ знамя пророка...

И вотъ разразилась грозой давно надвигавшаяся туча. Какъ уже сказано, 14 апрѣля состоялся манифестъ объ объявленіи войны Турціи. Манифестъ торжественно заявилъ, что Россія не ищетъ завоеваній и не домогается низверженія Оттоманской имперіи. По первоначальному плану, сообщенному Гейдену еще депешей графа Нессельроде отъ 21 марта, имѣлось въ виду вести войну „съ значительными силами, съ большою быстротою движеній и съ твердымъ намѣреніемъ нанести рѣшительный ударъ до образованія *серьезнаго сопротивленія въ другихъ странахъ Европы*“; депеша не скрывала „что Россія вѣроятно не будетъ оставлена одна въ своей войнѣ съ Турціей, и что, быть можетъ, ей придется *имѣть дѣло съ коалиціей*“.

Такъ выражался графъ Нессельроде 21 марта. Если припомнить съ какою увѣренностью онъ отзывался о союзникахъ Россіи 7 января, то понятно, что между этими эпохами совершилась въ воззрѣніяхъ русскаго канцлера огромная перемѣна. Въ январѣ онъ выражалъ увѣренность, что англійская эскадра будетъ форсировать Дарданеллы и бомбардировать Константинополь; о русской эскадрѣ только и была тогда одна забота: не отстала бы она отъ англійской. Въ мартѣ уже нѣтъ рѣчи о совокупномъ дѣйствіи. Исчезли всякія опасныя иллюзіи. На состояніе дѣла смотреть здраво, трезво—но рѣшительно. Россія останется де одна. Эскадрѣ ея въ Архипелагѣ, на всякій случай, не мѣшаетъ де терять изъ виду и возможности имѣть дѣло съ *коалиціей*. Новое сходство тогдаш-

ного похода съ настоящимъ: при началѣ обѣихъ войнъ, Россію страшатъ коалиціей. Но въ 1828 году въ Европѣ не было той могучей уравнивающей силы, какую представляетъ въ 1877 году объединенная Германія, заинтересованная въ сохраненіи мира. Напротивъ, Германіей управлялъ тогда князь Меттернихъ, нѣкогда взиравшій на Россію, какъ на послушное орудіе своей политики и не прощавшій ей притязанія дѣйствовать самостоятельно на Востокѣ. Меттернихъ, конечно, провозглашалъ петербургскій кабинетъ пособникомъ революціи, отпавшимъ отъ Священнаго союза. Въ этомъ же смыслѣ отзываются и нынѣ наши враги о самостоятельномъ дѣйствіи Россіи на Востокѣ. Они и нынѣ провозглашаютъ Россію отпавшею отъ Тройственнаго союза пособницей революціи. Но теперь эти упреки идутъ лишь отъ туркофильской печати, тогда же они шли отъ правительства, благодаря нашимъ же ошибкамъ имѣвшаго въ Европѣ рѣшающее значеніе. Мало того, чтобы придать этимъ упрекамъ болѣе силы, въ Архипелагѣ Австрійцы приняли, относительно Россіи, положеніе явно вызывательное, враждебное. Даже на своей русской границѣ, Австрія, въ продолженіи войны, выставила армію....

А коалиціи все-таки не было. Австрія — не смотря на свое тогдашнее великое значеніе—посердилась да и перестала. Между тѣмъ она была не одна. За нею стояла Германія; къ тому же, не много менѣе ея, грозно относилась къ Россіи и Англія. Съ образованіемъ министерства тори, съ герцогомъ Веллингтономъ во главѣ, Англію и Австрію сблизила тождественность политическихъ воззрѣній. Дѣйствительно всѣ дѣйствія Англіи стали принимать съ тѣхъ поръ, относительно Россіи и Греціи, характеръ явнаго недоброжелательства. А роль Англіи въ то время, съ ея громаднымъ флотомъ и съ Гибралтаромъ и Мальтой въ ея власти, въ виду присутствія нашей эскадры въ Архипелагѣ, должна была имѣть для Россіи совсѣмъ иное значеніе какъ нынѣ. Конечно присутствие Кодрингтона во главѣ англійской эскадры,—при всѣмъ

извѣстныхъ сочувствіяхъ его не только къ Греціи но и къ Россіи, должно была, до нѣкоторой степени, служить Гейдену ручательствомъ за неизмѣнность если не *союзныхъ*, то хоть только *миролюбивыхъ* отношеній лондонскаго кабинета къ петербургскому. Но именно въ этомъ отношеніи обстоятельства съ каждымъ днемъ наводили на Гейдена сомнѣніе въ долговѣчность этихъ отношеній. Къ Кодрингтону, вмѣсто ожидаемыхъ имъ дополнительныхъ инструкцій, по его собственному свидѣтельству то и дѣло сыпались отъ министерства по поводу Наваринской битвы настоящіе „вопросные пункты“, словно къ подсудимому. Министерство не скрывало неудовольствія внушаемаго ему „самой честной побѣдой въ мірѣ“. Герой Ватерлоо обвинялъ героя Наварина въ неисполненіи данныхъ ему инструкцій. Кодрингтонъ, напротивъ, былъ убѣжденъ что министерство недовольно именно тѣмъ, что онъ „слишкомъ хорошо исполнилъ эти инструкціи“, и что „Веллингтону нуженъ *миръ* *предлогъ*“ чтобы освободиться отъ обязательствъ, возложенныхъ на Англію Лондонскимъ договоромъ. „По моимъ парижскимъ извѣстіямъ“, писалъ Кодрингтону де-Риньи, отъ 5 мая 1828 года, „*Меттернихъ* *обрабатываетъ* въ Англіи *вашихъ* *министровъ*, *вложая* къ *уничтоженію* *договора*. Лондонскій и парижскій кабинеты повидимому не одиѣхъ мыслей въ этомъ отношеніи. Вопросъ, нарушила ли его Россія, предъявивъ *частныя* претензіи къ Турціи,—у васъ склонны рѣшать утвердительно; у насъ же говорятъ, что пока Россія не оставила какого-либо изъ условій договора безъ исполненія,—*заранѣе* *обвинять* *ее* *нельзя*. Лично я полагаю, что *лорду* *Веллингтону* *нуженъ* *предлогъ*, *чтобы* *избавиться* *отъ* *наследства* *Камнина*. Инструкціи же мои отсылаютъ меня къ прежнимъ инструкціямъ, то-есть я долженъ, *не вступая* *въ* *военныя* *дѣйствія*, препятствовать доставленію турецкихъ подкрѣпленій въ Морею. Въ Парижѣ все-таки убѣждены, что министры рѣшаютъ держаться договора.“

На дѣлѣ, договоръ существовалъ тогда лишь по имени. Уже

въ депешѣ князю Ливену отъ 25 декабря 1827 года, графъ Нессельроде настаивалъ на необходимости принять относительно Порты болѣе рѣшительныя, чѣмъ постановленныя іюльскимъ договоромъ, понудительныя мѣры *). Полученный въ отвѣтъ на эту депешу англійскій меморандумъ не оставлялъ никакого сомнѣнія на счетъ расположенія торійскаго кабинета къ освобожденію себя отъ всякихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Англіей по апрѣльскому и іюльскому трактатамъ. Мало того, по своему тону и по придиричивости своей полемики возлагавшей на одну Россію всю отвѣтственность за Наваринъ и за всѣ принятые Англіей относительно Турціи яко бы *несправедливыя*, понудительныя мѣры, англійскій меморандумъ оказался въ 1828 году не менѣе проникнутымъ самымъ завзятымъ туркофильствомъ, чѣмъ меморандумъ которымъ лондонскій кабинетъ и въ 1877 году отозвался на сообщеніе ему объявленія Россіей войны Турціи. Депешей отъ 14 февраля 1828 года графъ Нессельроде сообщилъ князю Ливену, что въ виду явной враждебности Порты и принятыхъ ею мѣръ, наносящихъ значительный вредъ русской торговлѣ и явно грозившихъ Россіи военными дѣйствіями, Императорское правительство принуждено будетъ отвѣчать на войну войной. „Россія будетъ добиваться лишь средствъ къ обезпеченію нуждъ христіанскихъ населеній“, сказано было въ этомъ знаменательномъ документѣ, прозванномъ въ Европѣ *русскимъ манифестомъ*, „населеній отданныхъ трактатами подъ покровительство Его Императорскаго Величества, спокойствія и свободы своей торговли, возобновленія силы нарушенныхъ трактатовъ и вознагражденія убытковъ своихъ подданныхъ и расходовъ на войну, которой она избѣгала всѣми силами“. Союзникамъ же депеша предлагаетъ исполнить тѣ мѣры, какія они сами подтвердили договорами отъ 4 апрѣля и отъ 6 іюля, такъ какъ Россія считаетъ де своимъ долгомъ ускорить

*) То-есть: освобожденіе Нелопонеса отъ турецкаго занятія, заявленіе Турціи ультиматума, оказаніе Грекамъ пособій, тѣсная блокада Дарданеллъ и прочее.

исполненіе Лондонскаго договора. Если союзники примутъ предложеніе Россіи, то этимъ де ускорять они исполненіе ея задачи, быть можетъ даже побудятъ они Турцію смириться. „Прекращая борьбу — облегчитъ Порта себѣ ея послѣдствія“, присовокупляла депеша, „продолжая ее — она *отяготитъ ихъ*“. Если союзники отвергнутъ всѣ предложенія Россіи, то она силою приведетъ и одна въ исполненіе Лондонскій трактатъ. „Но предоставленная самой себѣ и не получая никакой поддержки“, гласилъ въ заключеніе русскій манифестъ, „Россія, при выборѣ способовъ къ исполненію этого трактата, должна будетъ *соображаться единственно со своими интересами и достоинствомъ*“....

Такимъ образомъ объясняется тотъ поворотъ, который высказался въ воззрѣніяхъ и инструкціяхъ графа Нессельроде въ промежутокъ между началомъ января и концомъ марта. Нѣтъ сомнѣнія что графъ Гейденъ немедленно сообразилъ на основаніи этой депеши до какой степени могли оказаться опасными для его эскадры послѣдствія разрыва между Россіей и Англіей. Между тѣмъ Россія такъ и осталась „предоставленная самой себѣ“, безъ всякой иностранной поддержки. Само провидѣніе вело ее на путь не паллятивныхъ мѣръ, а рѣшительнаго освобожденія Греціи. Если бы Англія и Франція исполнили добросовѣстно всѣ принятые ими, въ надеждѣ „вести за руку“ Россію, обязательства, то послѣ Наваринскаго погрома Порты, конечно, просто приняла бы коллективный ультиматумъ трехъ державъ. Войны бы не было, но не было бы и дѣйствительнаго освобожденія Греціи и значительныхъ льготъ „дарованныхъ“ Турціей Сербіи, по *требованію* Россіи, при заключеніи адрианопольскаго мира. Все дѣло кончилось бы просто установленіемъ въ одной Моревѣ, вмѣсто полного подданства — вассальныхъ отношеній, по образцу Дунайскихъ княжествъ. *Чѣмъ дороже достается побѣда, тѣмъ дороже долженъ платиться за нее побѣжденный*, — таковъ великій принципъ, которымъ въ сущности резюмировалось все заключеніе знаменательной депеши

отъ 14 февраля 1828 года. Провидѣніе видимо руководило Россіей, противъ воли направляя ее на кровавый, но славный путь ея историческаго призванія. И орудіемъ Божественному Промыслу служили именно самые заклятые противники этого призванія....

„Предстоящая война будетъ ведена значительными силами съ большой быстротой движеній и съ твердымъ намѣреніемъ нанести рѣшительные удары“, предсказывалъ графъ Нессельроде Гейдену въ мартѣ 1828 года. Увы! этому блестящему предвѣщанію не суждено было осуществиться. Необыкновенный въ томъ году разливъ Дуная допустилъ переправу только въ іюнь. Въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ Турки оказали неожиданную стойкость. Вопреки всѣмъ упованіямъ и расчетамъ, въ первый годъ компаніи Русскіе даже не дошли до Балкановъ. Пришлось зимовать. Война затянулась. Заликовали не столько Турки, съ первыхъ ударовъ вынесшіе убѣжденіе въ неизбежности своего пораженія, какъ западные друзья ихъ. Въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ посыпались на Россію зловѣщія предсказанія. По мнѣнію однихъ, войнѣ предстояло затянуться *на тридцать лѣтъ* (sic). По мнѣнію другихъ, не миновать было Русскимъ рѣшительнаго погрома и во второмъ походѣ... Посыпались и злорадственныя насмѣшки надъ позорнымъ уныніемъ, будто бы овладѣвшимъ, кѣмъ?.... родиною Минина, Петра Великаго и Кутузова...

Всею виною была въ дѣйствительности роковая малочисленность русской арміи. „Съ рыцарской отвагой“, объясняетъ знаменитый историкъ этой войны, графъ Мольтке *), „поднялъ Императоръ Николай дерзко брошенную султаномъ перчатку. Но великая умѣренность, не менѣе самой рѣшительной твердости отличав-

*) Moltke's, Der Russisch-Türkischer Feldzug 1828—1829.

пая всякій шагъ юнаго Монарха, побудила его ограничить самыми тѣсными размѣрами бѣдствія войны. Чѣмъ могущественнѣе были бы средства нападенія, тѣмъ сильнѣе было бы и сопротивленіе Порты, *тѣмъ сильнѣе оказались бы и тревоги сосѣднихъ державъ*... „Спокойствіе Европы“, возражалъ на русскій манифестъ англійскій меморандумъ предъ началомъ войны, „можетъ быть нарушено движеніемъ *значительнаго числа войскъ*; вслѣдствіе этого, война можетъ вызвать сильныя потрясенія и оказаться началомъ длиннаго ряда столкновеній“!...

Такова въ общихъ чертахъ характеристика нашего похода 1828 года. Читая эти строки можно однако подумать, что въ нихъ рѣчь не о 1828, а о 1877 годѣ. Тѣ же причины породили тѣ же послѣдствія.

Съ Божьей помощью одинаковый починъ приведетъ и къ одинаковому побѣдоносному исходу!...

Открытіе военныхъ дѣйствій конечно отозвалось и на русской эскадрѣ въ Архипелагѣ значительнымъ усложненіемъ ея и безъ того труднаго положенія. Единственнымъ надежнымъ союзникомъ ея вопреки англійскому правительству оказывался сэръ Эдуардъ Кодрингтонъ. На бѣду, 21 іюня, этотъ единственный и искренній другъ Русскихъ и Грековъ получилъ извѣщеніе о своемъ отозваніи. Вскорѣ затѣмъ онъ сдалъ команду сэръ Мэлькольму, извѣстному приверженцу исконной туркофильской политики торійскихъ кабинетовъ. Помѣщенные въ *Приложеніяхъ* письма Гейдена выражаютъ ту глубокую скорбь какую нанесло ему удаленіе его друга. Для всѣхъ Русскихъ, также какъ и для Грековъ, удаленіе Кодрингтона было чрезвычайно чувствительнымъ, почти невыносимымъ ударомъ: на начальника русской эскадры оно естественно должно было произвести не одно лишь впечатлѣніе скорби о разлукѣ съ высокочтимымъ другомъ. Съ рѣдкою проникательностью, Гейденъ предвидѣлъ уже давно не только что отозваніе Кодрингтона неизбежно, но что оно послужитъ и признакомъ совершаю-

щагося въ Лондонѣ поворота, котораго послѣдствія могутъ тяжко отозваться на нашей эскадрѣ въ Архипелагѣ. Въ виду этого поворота политики лондонскаго кабинета относительно Россіи, положеніе Гейдена оказывалось тѣмъ болѣе труднымъ, что всѣ склады и запасы его эскадры находились на Мальтѣ въ рукахъ Англичанъ. Поэтому, уже вскорѣ по полученіи депеши отъ 21 марта, Гейденъ призналъ необходимымъ заблаговременно озаботиться отысканіемъ другаго складочнаго мѣста и даже укрѣпленіемъ входа въ нѣкоторыя гавани Архипелага. Для складочнаго мѣста выборъ его палъ на островъ Паросъ, для устройства укрѣпленныхъ убѣжищъ—на Кандію и Родосъ. Эти предосторожности были одобрены правительствомъ. Но чтобы отнять у этихъ мѣръ всякій характеръ недовѣрія къ Англіи, графъ Рибопьеръ вошелъ въ сношеніе съ Поццо ди-Ворго, русскимъ посломъ въ Парижѣ, дабы побудить французское правительство также устроить въ Паросѣ складочное мѣсто для его эскадры.

Какъ видно изъ помѣщеннаго въ *Приложеніяхъ* письма Поццо ди-Ворго, французское правительство уклонилось отъ русскаго предложенія подъ административными предлогами, но изъявило полную готовность поддержать справедливость мѣры задуманной Гейденомъ. Вообще французское правительство держало себя въ то время, какъ и нынѣ, крайне осторожно, хотя повидимому и весьма пріязненно относительно Россіи. Чтобы дать Россіи новое доказательство своей готовности не щадить никакихъ мѣръ для выполненія Лондонскаго трактата, оно рѣшило высадить въ Морѣ довольно значительный отрядъ генерала Мэзона, съ цѣлью принудить Ибрагимъ-пашу оставить наконецъ эту совершенно разоренную имъ страну. Вотъ что писалъ, однако, по этому поводу Кюдрингтонъ Гейдену: „Вы не должны забывать, что Россія большое пугало, которое такъ тревожитъ значительную часть Французовъ и Англичанъ, что они боятся какъ бы вашъ добрый Императоръ не поглотилъ всю Турцію живьемъ, съ костями и мясомъ. И я подозреваю,

что здѣсь именно ключъ загадки—почему наше правительство согласилось на занятіе Морей такою значительною французскою арміею. Рибопьеру сдана такимъ образомъ трудная игра!..“

Дѣйствительно, въ Англіи смотрѣли на эту столь рѣшительную мѣру французскаго правительства какъ на мѣру предосторожности на случай вмѣшательства западныхъ державъ въ войну, съ цѣлью положить предѣлъ „завоеваніямъ“ Россіи. Изъ упомянутого уже письма Поццо ди-Борго видно, однако, что инициатива этой мѣры принадлежала самой Россіи.

И въ самомъ дѣлѣ, русское правительство приняло ее съ благодарностью. Не имѣя никакихъ „завоевательныхъ“ замысловъ и торжественно отказавшись отъ нихъ уже въ депешѣ князю Ливену отъ 14-го февраля, русское правительство не имѣло и повода за-подозривать въ этой мѣрѣ какой нибудь недоброжелательный умыселъ, и привѣтствовало ее съ радостью какъ вѣрное ручательство за скорое избавленіе несчастной Морей. Событія оправдали благородную довѣрчивость русскаго правительства. Уже 28 августа Ибрагимъ оставилъ Морею, а экспедиція генерала Мэзона послужила лишь къ упроченію развивавшихся тогда дружественныхъ отношеній между Россіей и Франціей.

Совсѣмъ инаго свойства оказывались въ то время отношенія между Россіей и Англіей. Объявленіе войны вызвало въ послѣдней настоящей взрывъ противъ Россіи. Тяжело отзывалось это настроеніе Англіи Гейдену, особенно при завязаніи туркофильствѣ новаго начальника англійской эскадры. Не менѣе натянутыми оказались и отношенія его къ командиру австрійской эскадры, графу Дандоло. Въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ громко провозглашали что предписаніемъ Гейдену пользоваться правами „воюющаго“ Россія не только нарушила Лондонскій протоколъ, но даже насильственно расторгла всѣ установленные имъ узы между тремя договаривавшимися державами. Какъ видно изъ цитованнаго выше письма де-Ривьи, Франція и въ этомъ отношеніи держала сторону Россіи.

Но сдаваясь назойливой придирчивости нескончаемой дипломатической переписки, петербургскій кабинет отмѣнилъ первоначальное рѣшеніе и извѣстилъ Гейдена, что Россія, въ Архипелагѣ, отказывается отъ правъ „воюющей державы“.

Обстоятельство это значительно усложнило положеніе начальника русской эскадры. Съ тѣхъ поръ собственно военная дѣятельность Гейдена уступила мѣсто усиленной, всесторонней и чрезвычайно сложной дипломатической борьбѣ, безъ краткой характеристики которой невозможно получить полное понятіе о всѣхъ неоцѣнимыхъ заслугахъ самаго доблестнаго изъ нашихъ многочисленныхъ Наваринскихъ героевъ.

Пока графъ Гейденъ въ тайнѣ принималъ мѣры предосторожности на случай разрыва между Россіей и Англіей, силою обстоятельствъ возникли два новые факта, которыхъ вліяніемъ вдругъ было доведено до крайности раздраженіе лондонскаго и вѣнскаго кабинетовъ, а положеніе начальника русской эскадры до-пелъзя затруднено... Первымъ изъ этихъ фактовъ оказалась предписанная Гейдену блокада Дарданеллъ, одновременно съ блокадой Босфора Черноморскою эскадрою подъ начальствомъ адмирала Грейга. Сдвоенная между этими двумя достославными эскадрами, — Грейгъ успѣлъ не только увѣнчать себя безсмертными лаврами блистательной морской атаки Варны, но доставить русской арміи въ Болгаріи прочный базисъ на Черномъ морѣ, — столица султана въ скоромъ времени, голодомъ была бы принуждена къ капитуляціи, что, конечно, ускорило бы развязку кровавой драмы и сберегло бы не мало русской крови.

Но противъ этой мѣры гнѣвно возстали оба недоброжелательные Россіи кабинета. Австрійское правительство настойчиво потребовало, чтобы къ дѣйствительной блокадѣ было приступлено не ранѣе какъ по истеченіи *шести мѣсяцевъ*, со дня ея провозглашенія. Разумѣется, исполненіе этого требованія самую мѣру, столь мудро задуманную русскимъ правительствомъ, дѣлало бы бесполезною. Въ

продолженіе этихъ льготныхъ шести мѣсяцевъ, Константинополь, при помощи англійскихъ, австрійскихъ и турецко-египетскихъ судовъ, былъ бы съ избыткомъ снабженъ продовольствіемъ на цѣлый годъ, и даже болѣе. Это соображеніе съ замѣчательною ясностью и твердостью, но вмѣстѣ и самымъ доброжелательнымъ тономъ было развито Гейденомъ въ его отказѣ требованіямъ начальниковъ англійской и австрійской эскадры. Вопреки грозному тону депешъ обоихъ кабинетовъ, русское правительство рѣшительно не уступило ни единой пяди въ этомъ вопросѣ, какъ въ дѣлѣ недопускающемъ никакой сговорчивости: цѣлью было сбереженіе священной для русскаго правительства русской крови. Желая однако дать нейтральнымъ державамъ, особенно Австріи, знакъ своего доброжелательства, петербургскій кабинетъ предписалъ Гейдену пропускать въ Дарданеллы суда, нагруженные не военною контрабандой, включая въ эту категорію грузовъ и все предметы продовольствія; что же касается австрійскихъ судовъ, то для пропуска ихъ, безъ всякаго осмотра, предписано было *довольствоваться честнымъ словомъ графа Дандоло*.

Нашъ Гейденъ буквально руководствовался этой инструкціей, какъ вдругъ съ самаго начала блокады оказалось, что, вопреки честному слову командира австрійской эскадры, купеческія суда этой націи провозить въ Константинополь изъ Египта именно предметы продовольствія! Легко представить себѣ какъ напряженны стали съ того времени отношенія Гейдена къ Дандоло, и нельзя не подивиться замѣчательному такту и дипломатическому таланту, съ какимъ Гейденъ нашелъ возможность настоять на исполненіи блокады, не вызывая тѣмъ явнаго разрыва съ Австріей. Между тѣмъ изъ помѣщеннаго въ *Приложеніяхъ* письма австрійскаго посла въ Константинополь, барона Прохешъ-Остена, видно что австрійцамъ дѣйствительно не удавалось болѣе провозить провіанта въ Константинополь, такъ какъ посолъ именно просилъ о пропускѣ „зероваго хлѣба“, довольно запутанно намекая на возможность войны

между Россіей и Австріей: предметъ этой просьбы принадлежитъ де „къ числу такихъ... которые возбуждаютъ *неудовольствіе*, если въ нихъ откажутъ“.... Приписанный на этомъ письмѣ рукою Гейдена черновой отвѣтъ доказываетъ какъ здравый и проникательный умъ его умѣлъ оцѣнить подобныя угрозы и находить средство отказывать просьбѣ посла самымъ категорическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ любезнымъ образомъ, какъ будто не замѣчая угрозъ.

Но австрійскія суда нашли иное средство доставлять въ Константинополь провіантъ. Разставшись съ надеждой на провозъ этой главной контрабанды чрезъ Дарданеллы, они ухитрились выгружать ее на румелійскомъ берегу Эгейскаго моря, съ тѣмъ, чтобы оттуда сами Турки доставляли ее по назначенію. И этотъ изворотъ не ускользнулъ отъ бдительности блокировавшаго Дарданеллы контръ-адмирала Рикорда. По полученіи отъ него донесенія о новой продѣлкѣ, Гейденъ поспѣшилъ предупредить ее. Блокада была нѣсколько растянута къ западу, по берегу Македоніи; въ перепискѣ, возникшей по этому поводу между Гейденомъ и графомъ Дандоло, русскій адмиралъ, со свойственными ему твердостью воли и сдержанностью формъ, сумѣлъ настоять на неприкосновенности блокады. А въ Петербургѣ вдругъ было рѣшено ограничить блокаду одними Дарданеллами....

Англія, повидимому, поручила это дѣло Австріи. Лондонскій кабинетъ очевидно полагался на формальное завѣреніе знатока Средиземнаго моря, адмирала Колингвуда, что въ зимнее время блокада Дарданеллъ, при постоянно дующихъ тамъ въ это время года порывистыхъ сѣверныхъ вѣтрахъ и даже весьма частыхъ буряхъ, дѣло безусловно *невозможное* ни для какихъ судовъ въ мірѣ. Но лондонскій кабинетъ сосредоточилъ все свои усилія чтобы воспрепятствовать исполненію другой мѣры, на принятіе которой вызвали Гейдена настоянія графа Каподистрии и собственное возмущенное чувство человеколюбія. Эта мѣра была—

блокада Кандіи. Первоначально она была предпринята тремя союзными эскадрами въ исполненіе Лондонскаго договора постановившаго, что главная задача эскадръ—противиться доставленію Ибрагимъ-пашѣ, въ Морею, всякихъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ и войскъ. Между тѣмъ именно Кандія, по своему рѣшающему стратегическому положенію, была избрана Ибрагимомъ для склада въ ней всевозможныхъ запасовъ. Къ несчастію, именно Кандія же, вопреки настойчивымъ протестамъ не только Грековъ, но особенно *Россіи*, не была включена Лондонскою конференціей въ составъ владѣній будущаго греческаго государства. Въ вызванной этимъ обстоятельствомъ дипломатической борьбѣ, на сторонѣ Грековъ оказалась одна *Россія*, имѣя противъ себя не только Англію и Францію, но и Австрію,—какъ видно изъ упрековъ послѣдней графа Нессельроде въ его депешѣ къ Татищеву, отъ 24 февраля 1829 года *). Между тѣмъ, немедленно по принятіи конференціей окончательной резолюціи объ отторженіи отъ Греціи самаго геройскаго, самаго настойчиваго защитника правъ эллинской національности, было постановлено и снятіе блокады Кандіи, какъ владѣнія турецкаго, которымъ Порты имѣла де полное право распоряжаться по своему усмотрѣнію. Геройская первоначальница всѣхъ взрывовъ эллинскаго національнаго созванія, обогрѣнная кровью Кандія оказалась брошенной на мстительный произволъ алчущаго крови ея дикаго звѣря!

Эту страшную будущность предсказалъ графъ Каподистрія, и едва было вымолвлено прорицаніе, какъ оно уже подтвердилось. Де-Риньи сообщилъ Гейдену, съ какою поспѣшностью Египтяне

*) «Мы не можемъ быть довольны», сказано въ этой депешѣ, «тѣмъ смысломъ, въ какомъ высказался князь Меттернихъ на счетъ будущихъ предѣловъ Греціи, такъ какъ онъ стремится ограничить ее одною Морейю и Цикладами... Онъ противоѣдствуетъ въ Лондонѣ нашимъ усиліямъ... вразумить нашихъ союзниковъ въ необходимости надѣлать новое Греческое государство болѣе обширною территоріей»...

поспѣшили воспользоваться отѣной блокады Кандіи. Прибывшій въ Суду Сулейманъ-паша немедленно сталъ расправляться по-турецки съ злополучною Кандіей, злобно подтрунивая при этомъ надъ вѣрой всѣхъ турецкихъ христіанъ въ спасительную помощь единовѣрной съ ними Европы. Произошли страшныя избіенія. Сдаваясь отвергнутымъ и Малькольмомъ и де-Риньи просьбамъ Каподистріи, Гейденъ взялъ на себя отправить два судна для крейсера между Кандіей и Бурдрумомъ. Вскорѣ русскими крейсерами были захвачены двое египетскихъ судовъ. Блокада стала дѣйствительною. Эта мѣра спасла Кандію, но она вызвала въ Англіи настоящую бурю. Графъ Гейденъ былъ обвиненъ въ превышеніи власти, въ нарушеніи подписаннаго и его правительствомъ приговора державъ, русское же правительство—въ вѣроломныхъ секретныхъ инструкціяхъ, противорѣчащихъ его официальнымъ заявленіямъ. Гейдена предупредили, что лондонскій кабинетъ предложилъ своимъ купеческимъ судамъ въ Египтѣ не обращать вниманія на блокаду Кандіи, ручаясь имъ въ полученіи за всѣ претерпѣнные ими за нарушеніе блокады убытки полного вознагражденія отъ Россіи. Несмотря на всѣ угрозы Англіи, на требованія ея чтобы немедленно была снята блокада, графъ Нессельроде, въ заключеніи депеши къ князю Ливену, отъ 8 апрѣля 1829, привелъ слѣдующее благородное, хоть и простое соображеніе: „Государь предписываетъ вамъ обратить вниманіе англійскаго правительства на слѣдующій фактъ. Въ трактатѣ не сказано что островъ Кандія составляетъ часть Греціи. *Но слѣдуетъ ли изъ этого, что на глазахъ соединенныхъ силъ трехъ первыхъ державъ въ мірѣ жители этого острова должны быть преданы мести и зверству Турокъ?*“...

Этимъ рѣшающимъ доводомъ была прекращена переписка о блокадѣ Кандіи. Благодаря рѣшительности Гейдена злополучный островъ избавился на время войны отъ грозившей ему страшной участи. Но, по окончаніи войны, вопреки торжественнымъ протестамъ

стамъ Россіи, Кандія снова была предана Европой въ когти не-
исправимаго дикаго звѣря...

И вотъ — свершились опредѣленія неисповѣдимыхъ судебъ. Во-
преки всѣмъ препятствіямъ и угрозамъ, вопреки всѣмъ зловѣщимъ
предсказаніямъ, громовой ударъ Наварина оказался первымъ ша-
гомъ Россіи на многотрудномъ но славномъ поприщѣ, три года
спустя завершеномъ въ Адрианополѣ.

Придетъ время когда и въ западной Европѣ потомство съ
гордостью будетъ вспоминать безсмертныя имена Гейдена, Лаза-
рева, Грейга и столькихъ другихъ русскихъ моряковъ, своей неу-
страшимостью, своимъ сознательнымъ и просвѣщеннымъ самоотвер-
женіемъ содѣйствовавшихъ торжеству великаго дѣла. Въ настоящее
время вся Россія съ признательностью поминаетъ полувѣковую годов-
щину ихъ безсмертныхъ подвиговъ, не разлучая въ этой благодарст-
венной тризнѣ русскихъ героевъ съ ихъ доблестными товарищами
англійской и французской эскадръ. Съ особенной признательностью
будетъ Россія помянуть съ именами Гейденовъ и Лазаревыхъ бла-
городную историческую личность Эдуарда Кодрингтона. На этотъ
путь уже направилъ насъ незабвенный въ Вѣзѣ почившій Государь.
По возвращеніи съ достославнаго похода, Эдуардъ Кодрингтонъ на-
шелъ въ правительствѣ своего отечества одну неблагодарность. Но
стоитъ сличить оскорбительный пріемъ, встрѣченный имъ отъ герцога
Веллингтона, съ радушнымъ пріемомъ, Всемилостивѣйше оказаннымъ
ему русскимъ Царемъ, чтобы понять тѣ чувства восторга, съ ка-
кими Эдуардъ Кодрингтонъ до самой кончины отзывался объ Им-
ператорѣ Николаѣ Павловичѣ и объ „одномъ изъ самыхъ хоро-
шенькихъ двѣнадцатилѣтнихъ юношей, какихъ только я когда
либо видѣлъ“, говоря его собственными словами *).

*) См. въ Приложеніяхъ письмо Кодрингтона изъ Петербурга, отъ 24 сентября
1830 года.

благословеніемъ Господнимъ этотъ миловидный юноша возмужалъ; пошелъ по слѣдамъ Петра Великаго въ дѣлѣ преобразованія Богомъ вѣренной Ему страны, и великодушно выступаетъ нынѣ на путь открытый Ему безсмертнымъ отцомъ, взявъ въ Свою мощную десницу святое дѣло начатое незабвеннымъ родителемъ... Воодушевленные Его примѣромъ современные моряки наши, Дубасовы и Шестаковы, также геройски идутъ по слѣдамъ своихъ безсмертныхъ предковъ русской морской семьи, оказываясь вполне достойными преемниками Наваринскихъ героевъ.

Въ настоящей брошюрѣ не разъ указывалось на факты, устанавливающіе между войной 1827—1829 годовъ и теперешнюю разительное сходство. Но въ общей характеристикѣ великихъ событій, ознаменовавшихъ обѣ эти кровавыя години, громовому удару Наварина особенно соотвѣтствуютъ во многихъ отношеніяхъ столь блистательно открывшіе настоящій походъ громовые удары нашихъ переправъ черезъ Дунай въ виду ожидавшаго ихъ непріятеля, разрывъ центра непріятельскаго операціоннаго фронта, столь же отважный какъ и искусный захватъ переваловъ чрезъ Балканы, и движеніе въ забалканскую Болгарію. Не менѣе разительно сходство между событіями послѣдовавшими за этими громовыми ударами. Въ обоихъ случаяхъ выступаетъ неизбежное, но всегда прискорбное вліяніе дипломатическихъ соображеній на военные дѣйствія. И въ 1828 году, и нынѣ, не говоря о другихъ проявленіяхъ этихъ вліяній, на первомъ планѣ оказывается роковая малочисленность нашихъ армій, затянувшая военные дѣйствія на срокъ гораздо болѣе отдаленный, чѣмъ первоначально ожидалось. Благодареніе Богу, — въ настоящее время дипломатическая обстановка несравненно благоприятнѣе для насъ, чѣмъ была она въ продолженіи кроваваго періода 1827—1829... Если уже минувшіе факты указываютъ на сходство настоящаго похода съ великими событіями первой турецкой войны предъидущаго царствованія, то никто въ Европѣ, не исключая и самой Турціи, не сомнѣвается въ тож-

дественности грядущаго исхода настоящей войны съ побѣдоноснымъ исходомъ войны 1829 года... Все дѣло въ терпѣніи, въ выносливости. И въ этомъ отношеніи современная Россія не уступаетъ не только Россіи 1828, но и Россіи 1812 годовъ. Великое дѣло не обходится безъ великихъ жертвъ. Чѣмъ больше эти жертвы, тѣмъ обширнѣе и результаты.

Не волею слѣпago рока, а устроеніемъ Вожегвеннаго Промысла льется нынѣ русская кровь по долинамъ Дуная и Аракса. Какъ и въ 1828 году, само Провидѣніе ведетъ нынѣ Россію не къ полумѣрамъ, а къ совершенію рѣшительнаго поворота въ судьбахъ Востока. Въ Наваринѣ, въ самомъ разгарѣ огненнаго урагана, за погружившимся въ волны магометанскимъ судномъ, всплылъ образъ Богородицы Многомилостивой. То было знаменіе грядущаго торжества честнаго Креста надъ агарянскимъ полумѣсяцемъ! Да будетъ же и нынѣ такимъ же знаменіемъ совпаденіе полувѣковой годовщины этого чудеснаго явленія съ тяжелою годиною настоящаго похода! Да сплотятся тѣснѣе этой достославной тризной узы родства между Россіей и *ею одною* освобожденною Греціей, и *ею одною* же освобождаемыми нынѣ прочими страждущими подъ агарянскимъ игомъ братьями по честному Кресту! Милосердіемъ Господнимъ и для этихъ несчастныхъ близокъ нынѣ часъ освобожденія. Временными неудачами нашими, дорого купленною нами побѣдой лишь упрочится и расширится это святое дѣло на прославленіе безсмертнаго имени Царя-Освободителя, на вразумленіе нечестивыхъ въ суетности ихъ противодѣйствія... Вѣдь **наша сила—честный Крестъ** яко съ нами **Богъ!**...

АДМИРАЛЪ

МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ЛАЗАРЕВЪ.

Графъ Гейденъ и Лазаревъ.

Начальникъ русской эскадры подъ Навариномъ, графъ Логинъ Петровичъ Гейденъ, былъ родомъ Голландецъ. Онъ родился въ Гагъ 25 августа 1772 года и уже на одиннадцатомъ году отъ роду бороздилъ океанъ подъ руководствомъ извѣстнаго адмирала Кингсбергена. Бурно протекала молодость будущаго героя, и политическія тревоженія не разъ заставляли задумываться молодаго челоѣка, при имени котораго впоследствии задумывался супостатъ на волнахъ стихіи, не менѣе прихотливой, чѣмъ и политика... По возвращеніи изъ продолжительнаго плаванія въ Остъ-Индіи, лейтенантъ графъ Гейденъ нашелъ важныя перемѣны въ отечествѣ вслѣдствіе извѣстныхъ смутъ и политическихъ раздоровъ. Въ виду неудержимаго вторженія Французовъ, наслѣдный штатгальтеръ, вмѣстѣ съ принцами и своимъ семействомъ, былъ вынужденъ искать пріюта на чужбинѣ. Потомки знаменитаго Вильгельма, принца Оранскаго, были спасены графомъ Гейденомъ. Какъ всегда пренебрегая опасностью, этотъ вѣрный служитель монархическаго начала и приверженецъ дома Оранскаго, вмѣстѣ съ адмираломъ Вайландомъ, перевезъ въ Англію именитыхъ странниковъ на 19 рыбацкихъ лодкахъ...

Продолжать-ли рассказывать до сихъ поръ еще свѣжія въ памяти событія 1795 года?—Вернувшись изъ Англіи въ Голландію, графъ Гейденъ былъ вскорѣ арестованъ партіею мнимыхъ патріотовъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ пробылъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Трудно сказать, что ожидало бы его, если бы графъ не рѣшился оставить свое отечество, уже не представлявшее ему ничего

отраднаго. Переодѣтый въ крестьянское платье, чтобы избѣжать преслѣдованій „патріотовъ“, графъ перешелъ границу Голландіи, прибылъ въ Петербургъ и поступилъ на службу Великой Екатерины капитанъ-лейтенантомъ Черноморскаго гребнаго флота.

Въ предыдущихъ главахъ, а также въ *Приложеніяхъ*, помѣщены подробныя отзывы о графѣ со стороны многихъ лицъ, съ которыми ему прихотилось быть въ сношеніяхъ. Прибавлять къ этимъ отзывамъ нечего: они ясно характеризуютъ свѣтлую личность покойнаго героя, его глубокій, многосторонне образованный умъ и прекрасныя качества его сердца; услуги же, имъ оказанныя Россіи, до сихъ поръ еще у всѣхъ на виду и не нуждаются въ напоминаніяхъ.

Русское подданство графъ принялъ въ 1810 году, по полученіи извѣстія что Голландія вошла въ составъ французской имперіи; переходя въ новое подданство, покойный съ Высочайшаго соизволенія сохранилъ графское достоинство Римской имперіи, издавна принадлежавшее знаменитой фамиліи Гейденовъ. Въ новомъ отечествѣ своемъ, графъ Гейденъ подружился съ товарищемъ по флоту, будущимъ морскимъ министромъ А. В. Моллеромъ, только что возвратившимся изъ похода противъ Французовъ въ Голландію, въ продолженіи коего имъ былъ взятъ на абордажъ состоявшій во французскомъ флотѣ голландскій линейный корабль „*Беишель-редъ*“. Послѣдніе шестнадцать лѣтъ жизни графъ провелъ въ Ревелѣ, въ должности военнаго губернатора и главнаго командира Ревельскаго порта. 5-го октября 1850 года, весь Ревель, отъ мала до велика, оплакивалъ кончину графа Логина Петровича, а 8-го октября, въ годовщину знаменитаго разгрома, прахъ усопшаго героя Наварина былъ внесенъ въ Вышгородскую лютеранскую церковь....

Ближайшимъ сподвижникомъ графа Л. П. Гейдена въ Наваринскомъ сраженіи, какъ извѣстно изъ предшествовавшихъ главъ, былъ начальникъ штаба русской эскадры и командиръ адмираль-

скаго корабля „Азовъ“, Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. Россія и Черноморскій флотъ не забудутъ этого имени, и память о немъ сохранится на вѣки вѣчные на страницахъ нашей исторіи отъ Наваринскаго разгрома до знаменитой Севастопольской обороны... Лазаревъ воспитывался въ Англіи и, по возвращеніи въ Россію, вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе двукратнымъ плаваніемъ вокругъ свѣта; въ первый разъ—на кораблѣ „Суворовъ“ отъ руссійско-американской компаніи, а затѣмъ на шлюпѣ „Мирный“ въ экспедиціи къ южному полюсу. Еще болѣе знаменитымъ считается его кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Крейсеръ“ въ 1822—1825 годахъ въ званіи начальника экспедиціи. Плаваніе „Крейсера“ признается первымъ дальнимъ походомъ специально устроеннаго военнаго судна; по отзывамъ же моряковъ, сооруженіе этого фрегата и порядки, на немъ введенные, послужили впослѣдствіи образцами для всего вообще Черноморскаго флота. Подъ командою Лазарева на фрегатѣ „Крейсеръ“ въ то время проходили практическую школу морскаго дѣла: будущій герой Синопа и Севастополя Нахимовъ, будущій адмиралъ, посланникъ и министръ Путятинъ, извѣстные впослѣдствіи Бутеневъ (одинъ изъ героевъ Наварина), Купріяновъ и нѣкоторые другіа лица.

Два года спустя Лазаревъ записываетъ свое имя въ исторію какъ командиръ корабля „Азовъ“ подъ флагомъ начальника русской эскадры въ Наваринскомъ сраженіи. Донесеніе графа Л. П. Гейдена о командирѣ „Азовъ“ уже извѣстно; остается прибавить, что отзывъ начальника эскадры о командирѣ адмиральскаго корабля былъ выраженіемъ мнѣній всѣхъ очевидцевъ великаго событія, какъ русскихъ, такъ и чужеземныхъ....

Мы долго не кончили бы, если бы занялись перечисленіемъ дальнѣйшихъ подвиговъ безстрашнаго героя Наварина, впослѣдствіи главнаго командира Черноморскаго флота. Въ эту важную должность Лазаревъ вступилъ въ 1833 году послѣ адмирала Грейга. Трудно высказать немногими словами—чѣмъ былъ Лазаревъ для

Черноморскаго флота. Онъ былъ *всѣмъ*: энергическимъ преобразователемъ флота на лучшихъ современныхъ основаніяхъ, мудрымъ его руководителемъ, горячимъ защитникомъ его интересовъ, его *душею* въ высшемъ значеніи слова... Лазаревъ трудился не только для флота, находившагося подъ его начальствомъ, но и для флота *будущаго*: онъ создалъ блестящую плеяду знаменитыхъ моряковъ и, сходя подъ мирную сѣнь тихой могилы, могъ бы сказать, что для Черноморцевъ онъ не умираетъ. И это была бы правда. Покидая насъ, Лазаревъ завѣщалъ намъ Корнилова, Нахимова, Новосильскаго, Истоминыхъ, Метлина, Лесовскаго, Посьета, Бутаковыхъ, Унковскаго, Попова, Аркаса, Перелешинныхъ, Керна и другихъ; какъ предсмертное завѣщаніе онъ оставилъ намъ *традицію*, и пока память о Лазаревѣ будетъ дорога русскому моряку,—у насъ всегда найдутся Дубасовы, Шестаковы, Барановы, Скрыдловы, Новиковы...

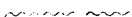

Фото-Литография Шергга, Навгольцъ и К^о въ Москвѣ.

АДМИРАЛЪ

АЛЕКСѢЙ САМУИЛОВИЧЪ ГРЕЙГЪ.

„Устроитель“ Черноморскаго флота

«Отличное рвеніе ваше къ пользѣмъ Имперіи и неусыпные труды по **устройству** Черноморскаго флота нынѣ ознаменованы блистательнымъ успѣхомъ. Сей флотъ, **вами сооруженный** и управляемый, покорилъ Анапу: онъ же особенно содѣйствовалъ, подъ личнымъ предводительствомъ вашимъ, къ завоеванію Варны, доселѣ еще не знавшей силы **россійскаго оружія**». (Изъ Всемилоствѣннаго рескрипта адмиралу Алексѣю Самуиловичу Грейгу).

Провидѣніе, уготовивъ вѣнецъ изъ безсмертныхъ наваринскихъ лавровъ Балтійской эскадрѣ адмирала графа Л. П. Гейдена, предоставило Черноморскому флоту другіе, не менѣ славные лавры морскихъ кампаній 1828 и 1829 годовъ. Наваринской разгромъ имѣеть тѣсную связь съ военными событіями двухъ послѣдующихъ лѣтъ: наряду съ богатырями 8 (20-го) октября 1827 года, нельзя не упомянуть и главнаго командира Черноморскаго флота въ войну, исходомъ которой былъ Адрианополь.

20 октября 1775, герой Чесменскаго боя, вице-адмиралъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ, былъ осчастливленъ особою монаршею милостью: онъ получилъ извѣщеніе, что его *новорожденный* сынъ, крестникъ Великой Екатерины, зачисленъ мичманомъ **россійскаго флота**. Этому-то „мичману въ колыбели“, Алексѣю Самуиловичу Грейгу, устроеніемъ всеумдраго Промысла и суждено было въполнѣнствіи вписать свое имя въ безсмертныя лѣтописи нашего Черноморскаго флота...

Десяти лѣтъ отъ роду А. С. былъ произведенъ въ лейтенантъ съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ въ штабъ своего отца. Даровитый мальчикъ могъ не краснѣя носить славный мундиръ русскаго морскаго офицера: лейтенантъ, въ годъ своего производства, онъ былъ уже въ заграничномъ плаваніи, а три года спустя, на кораблѣ „*Мстиславъ*“, участвовалъ въ сраженіи съ французскимъ корсаромъ.

Изученіемъ морскихъ наукъ и многосторонней практики флотскаго дѣла молодой офицеръ неутомимо занимался въ Англіи и во время своихъ продолжительныхъ заграничныхъ плаваній. Его блестящія природныя способности, пріобрѣтенныя познанія, неуклонное исполненіе долга и неустанная энергія на служебномъ поприщѣ скоро обратили на себя общее вниманіе, поэтому на четырнадцатомъ году отъ роду лейтенантъ Грейгъ былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Нѣсколько лѣтъ спустя, командуя кораблемъ „*Ретвизанъ*“, А. С. участвовалъ въ десантѣ при взятіи Гельдерской крѣпости и голландскаго флота, причемъ взялъ фрегатъ „*Вышек-тотъ*“; по собственному указанію Императора Александра Павловича, командиръ „*Ретвизана*“ былъ удостоенъ за этотъ подвигъ ордена св. Георгія IV степени.

Въ 1801 году, капитанъ I ранга Грейгъ много работалъ, предсѣдательствуя въ комиссіи для улучшенія Кронштадскаго порта, и вскорѣ затѣмъ поступилъ, на ряду съ заслуженными адмиралами, въ составъ Высочайше учрежденнаго „комитета для исправленія флота“. Чтобы оцѣнить важность этого назначенія, достаточно припомнить слова Императора Александра Павловича по поводу основанія комитета: учрежденіе это должно-ствовало „извлечь флотъ изъ настоящаго *мнимаго* его существованія и привести въ *подлинное* бытіе“. „Желая постановить морскія силы наши и всѣ сопряженныя съ ними части на основаніяхъ, наиболѣе сходственныхъ съ нынѣшнимъ состояніемъ первенствующихъ въ Европѣ флотовъ, сообразивъ величину

и силу нашего съ доходами и числомъ жителей, въ Россіи обитающихъ, и дабы оный, хотя важную часть защиты составляющій, не былъ бы однако же для нихъ содержаніемъ своимъ отяготителенъ, признали мы нужнымъ для достиженія сея цѣли учредить особый комитетъ“.—говорится въ Высочайшемъ рескриптѣ первоприсутствующему въ комитетѣ, графу Воронцову. Новое порученіе, возложенное на Грейга, было выполнено имъ съ тѣмъ же знаніемъ дѣла и успѣхомъ какъ и прежнія: понятно, что вскорѣ послѣ того правительство рѣшилось вѣрить молодому капитанъ-командору эскадру изъ двухъ кораблей и двухъ фрегатовъ для слѣдованія въ Корфу, куда онъ прибылъ въ началѣ 1805 года. Эта кампанія продолжалась до 1808 года. Политическій ходъ событій, какъ извѣстно, заставилъ послать въ Средиземное море большую эскадру съ подчиненіемъ сухопутныхъ войскъ ея главному начальнику, адмиралу Д. Н. Сенявину; молодой же Грейгъ сталъ первымъ помощникомъ главнокомандующаго, причемъ въ передовой колоніи шелъ на штурмъ Тенедоса, преслѣдовать турецкіе корабли у Дарданеллъ, былъ въ авангардномъ дѣлѣ близъ Аѳонской горы и принудилъ Турокъ сжечь три корабля у Монте-Санто. Въ великую годину отечественной войны, контръ-адмираломъ уже А. С. Грейгъ исполнялъ важныя дипломатическія порученія; насколько цѣнились они не только въ Россіи, но и въ Европѣ, можно видѣть изъ собственноручнаго письма неаполитанской королевы Каролины, въ которомъ она „умоляла“ адмирала помочь своимъ вліяніемъ возстановленію королевскаго дома въ отнятыхъ у него владѣніяхъ. Во время войны 1813 года адмиралъ былъ начальникомъ гребной флотиліи при блокадѣ и осадѣ Данцига и батарей, управляемыхъ флотскими офицерами и командами, а 2-го марта 1816 года назначенъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ.

Настоящій краткій очеркъ, посвященный памяти покойнаго Алексѣя Самуиловича, мы начали выдержкою изъ Всемиловѣйшаго рескрипта усоншему адмиралу. Рескриптъ этотъ въ короткихъ словахъ такъ полно и такъ рельефно характеризуетъ заслуги Грейга по управленію Черноморскимъ флотомъ, что прибавлять къ приведенной выдержкѣ нечего. Результаты преобразованій, достигнутые въ періодъ съ 1816 по 1828 годъ и наглядно проявившіеся во время русско-турецкой войны, когда флотъ служилъ главнымъ базисомъ дѣйствій, шель впереди арміи по румелійскому берегу, вырѣзывалъ суда подъ стѣнами фортовъ и исполнялъ множество другихъ боевыхъ порученій, оставляютъ за Грейгомъ несомнѣнное право считаться — какъ выражено въ указанномъ рескриптѣ — *устроителемъ* Черноморскаго флота. Съ другой стороны, самостоятельное овладѣніе Анапою справедливо считается иностранными и русскими военными писателями *знаменательнымъ событіемъ*, тѣмъ болѣе, что въ этомъ важномъ дѣлѣ черноморскіе моряки отличились не только на свойственной имъ стихіи (взятіе призовъ, охраненіе береговъ Дуная, блокада Румелии, крейсерство вдоль абхазскаго побережья и проч.), но и на сушѣ, производя осадныя работы, дѣйствуя на батареяхъ и т. д. Геройское дѣло „*Сокола*“ *) и десятки другихъ молодецкихъ подвиговъ черноморцевъ во время покоренія Анапы сохранятся на вѣки въ морскихъ лѣтописяхъ; во, какъ ни блистательны эти схватки въ открытомъ бою, военный историкъ предпочтетъ имъ распоряженія главнаго командира, глубоко обдуманная и потому оправдавшаяся, несмотря на ограниченность нашихъ боевыхъ средствъ, столь блистательными резуль-

*) 9 мая катеръ „*Соколъ*“, на которомъ было, подъ командою лейтенанта Вукотича, 25 человекъ и 10 маленькихъ пушекъ, увидѣлъ на якорѣ въ бухтѣ Суджукъ-Кале большое двухмачтовое судно. „*Соколъ*“ приблизился къ нему на пистолетный выстрѣлъ и далъ полный залпъ со всего борта; затѣмъ Вукотичъ на четверкъ съ 6-ю матросами присталъ къ непріятельскому судну, на которомъ было 300 хорошо вооруженныхъ человекъ, забралъ ихъ, взялъ судно на буксиръ и представилъ по начальству.

татами. Вспомнимъ, что съ овладѣніемъ Анапою мы уничтожили гнѣздо хищниковъ, разбойничій притонъ, гдѣ, во имя магометанства и страсти къ грабежу, Турокъ дружилъ съ Черкесомъ, чтобы наводить ужасъ на мирное населеніе....

Содѣйствіе флота, подъ личнымъ предводительствомъ адмирала Грейга, покоренію Варны составляетъ другое знаменитое дѣло исторіи Черноморскаго флота въ турецкую компанію. Вырѣзка непріятельской флотиліи изъ подъ стѣнъ Варны, покореніе Инады *), неустанные труды моряковъ на берегу въ опаснѣйшихъ

*) Дѣло при Инадѣ, по донесенію отряднаго начальника, заключалось въ слѣдующемъ: 16 августа, фрегатъ «*Постышній*», шлюпъ «*Діана*» и катеръ «*Соловей*» соединились съ фрегатомъ «*Рафаилъ*» и бригантиною «*Елизаветю*», находившимися на крейсерствѣ у Константинопольскаго пролива. Оставивъ шлюпъ «*Діана*» на высотѣ Инады, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ турецкимъ флотомъ, отрядъ со всѣми прочими судами отправился на разсвѣтъ другаго дня на рейдъ Инады. Батареи тотчасъ же открыли огонь, тѣмъ не менѣе каждое изъ судовъ заняло назначенное ему по диспозиціи мѣсто. «*Рафаилъ*» сталъ противъ главнаго редута, «*Постышній*» — на картечный выстрѣлъ между двухъ батарей, вооруженныхъ 12 орудіями большого калибра, бригантина и катеръ бросили якоря у самаго мѣста высадки. Къ 10 часамъ фрегаты заставили замолчать укрѣпленія, а другія суда очистили отъ непріятеля мѣсто для высадки. 370 человекъ, подъ личною командою начальника отряда, капитана 1 ранга Критскаго, бросились на берегъ и двинулись къ редуту, стоявшему на возвышеніи. На полдорогѣ они были встрѣчены многочисленнымъ непріателемъ; сбѣжавъ залізъ, отрядъ ударилъ въ штыки, быстро опрокинулъ непріятеля и на плечахъ его ворвался въ редутъ и овладѣлъ имъ. Укрѣпленіе это, окруженное широкимъ и глубокимъ рвомъ, оборонялось 9 пушками. Съ паденіемъ его Турки покинули и другія батареи, дѣйствовавшія противъ фрегата «*Постышній*». Не давая опомниться, Критскій бросился къ редуту, дѣйствовавшему противъ «*Рафаила*» и составлявшему главный пунктъ укрѣпленія Инады. Расположенный на весьма выгодномъ мѣстѣ, имѣя пять единороговъ большого калибра, четыре 12 фунтовыхъ единорога и внутри особое укрѣпленіе въ родѣ цитадели, редутъ могъ оказать сильное сопротивленіе и большому отряду, но рѣшительность и быстрота привели Турокъ въ такое разстройство, что онъ былъ занятъ безъ всякаго сопротивленія. Цитадель представляла шестигольную башню въ три этажа, гдѣ помѣщались порохъ, снаряды, инструменты и разные запасы. Пользуясь паникой непріятеля, Критскій снѣшилъ окончить дѣло, тѣмъ болѣе, что лазутчики увѣдомили о близости корпуса Омара-Вріоне и о томъ, что, вѣроятно, онъ извѣщенъ уже о нападеніи на Инаду. Немедленно погрузили на суда 12 мѣдныхъ орудій, заклепали всѣ прочія, сломали станки, разрушили укрѣпленія и приготовили взрывъ башни. Къ ночи отрядъ возвратился на суда, а башня взлетѣла на воздухъ....

траншеяхъ, при сооруженіяхъ и дѣйстви батарей, труды черноморцевъ на водѣ подѣ артиллерійскимъ огнемъ крѣпости, вотъ факты, которыми по праву можетъ гордиться „сооруженный“ адмираломъ Грейгомъ флотъ. Милостивое слово Царя русскаго оцѣнило участіе черноморцевъ въ дѣлѣ покоренія Варны, и исторія навсегда закрѣпила этотъ отзывъ....

А. С. Грейгъ оставался командиромъ Черноморскаго флота до 1833 года. Послѣдніе годы своей достославной государственной дѣятельности онъ служилъ родинѣ въ званіи члена государственнаго совѣта и умеръ 18 января 1845 года, на 70 году отъ рожденія.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Письма Графу Гейдену

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПОДЛИННЫХЪ РУКОПИСЕЙ).

1.

Д е - Р и н ь и.

Предъ Навариномъ, 1 сентября 1827 г.

Любезный адмираль,

Посылаю вамъ газеты до 14 августа. Вы увидите изъ нихъ, что ваши войска взяли Карсъ и уже должны быть въ Эрзерумѣ. Но, кажется, они остановлены предъ Шумлой.

Сегодня утромъ прошла здѣсь осталъная часть транспортовъ генерала Мэзона. Вчера вечеромъ всѣ войска его были высажены въ Петалиди.

Генераль Мэзонъ будетъ нѣсколько дней ожидать развязки того, что произойдетъ въ Наваринѣ. Затѣмъ онъ обратится къ Ибрагиму съ соммаціей, и выступить.

Египетскій флотъ въ виду. Сегодня утромъ насчиталъ я въ немъ 19 судовъ.

Оставшіяся снаружи суда *Эхо* и *Актеонъ* получили отъ меня приказаніе не пускать турокъ въ Модонъ для выгрузки чего бы то ни было. Надо, чтобы они всѣ очутились Наваринѣ. Не таково-ли и ваше мнѣніе?

Г. Каннингъ сообщилъ мнѣ, что графы Гильемино и де-Рибопьеръ пріѣдутъ въ Наваринъ. Если что случится, я сообщу вамъ... Мнѣ кажется, что пріѣхалъ Ибрагимъ; я замѣтилъ большое движеніе кругомъ его барака (это можетъ быть и домъ) въ Модонѣ...

2.

Strovels (?).

Подпись рѣшительно невозможная, также какъ и названіе мѣста, которымъ помѣчено письмо).

. декабря 1827 г.

Неблагодарность, любезный графъ, рѣдко совмѣстна съ доблестью и даровитостью: она, слѣдовательно, никогда не могла быть вашимъ удѣломъ; надѣюсь, что ни я, ни сынъ мой не окажемся неблагодарными вамъ. Вашей дружбѣ обязанъ онъ всѣмъ; онъ этого никогда не забудетъ, также какъ и отецъ его. Поздравляю васъ съ вашими успѣхами, поздравляю и флотъ нашъ съ тѣмъ, что онъ ввѣренъ вамъ; даже и до великаго событія, ко-его большая часть славы принадлежитъ вамъ, я говорилъ и повторялъ во всеуслышаніе, что флотъ нашъ не можетъ находиться въ лучшихъ рукахъ. Ваше имя, ваша слава перейдутъ въ потомство. Хорошо имѣть, для передачи своимъ наслѣдникамъ, такія заслуги какъ ваши...

Я видѣлъ вашего флагъ-офицера. Его рассказы, подробности, сообщенныя имъ о вашей побѣдѣ, почти одни заняли нѣсколько часовъ нашего свиданія; послѣ нихъ я болѣе ничѣмъ не могъ интересоваться. Завидую ему: ему снова предстоитъ счастье служить при своемъ доблестномъ начальникѣ и благодѣтелѣ....

3.

Де-ла-Бретоньеръ.

(Извлеченія).

Письмо съ корабля «Бреславль», на Тулонскомъ рейдѣ, отъ 25 декабря 1827 г.

„Мои офицеры, столько обласканные вами, поручаютъ мнѣ выразить вамъ ихъ всепокорнѣйшее уваженіе. Что касается самого командира *Бреславля*, то онъ никогда не забудетъ, г. адмиралъ, вашъ столь благородный образъ дѣйствій относительно его“.

30 января 1828 года.

„Благоволите, г. адмиралъ, принять выраженіе всей моей благодарности за принимаемое вами во мнѣ нѣжное участіе, и позвольте испросить для себя мѣстечко въ вашей доброй памяти. Офицеры мои, столь же признательные какъ и ихъ командиръ, почтительствуютъ вамъ свое уваженіе. Болѣе меня счастливые (де-ла-Бретоньеръ за раню покидалъ свой корабль) они будутъ имѣть счастье еще васъ видѣть, и постараются и впередъ заслужить ваше одобреніе“.

25 декабря 1827 года.

„Рана моя быстро идетъ къ исцѣленію, и я надѣюсь черезъ мѣсяць ходить свободно“.

30 августа 1828 года.

„Съ грустью извѣщаю васъ, г. адмиралъ, что по рѣшенію докторовъ рана моя не позволитъ мнѣ немедленно выйти въ море, и что для полного излѣченія нужны воды. Сообразуюсь съ этимъ рѣшеніемъ, потому что прежде всего нужно выздороветъ. Но для меня большая непріятность покинуть *Бреславль*,—тѣмъ живѣйшая, что я сгоралъ желаніемъ побывать съ вашимъ превосходительствомъ на новомъ полѣ битвы, и лишаюсь этой чести“.

4.

Д е - Р и н ь и.

Смирна, 28 января.

Любезный адмиралъ,

Сейчасъ пріѣхалъ Дандоло и передалъ мнѣ два письма отъ васъ. Очень благодаренъ вамъ за нихъ.

Я думаю, что проѣздомъ черезъ Мальту одинъ изъ нашихъ кораблей выгрузитъ тамъ кухню. Я полагаю, что именно тамъ понадобится она вамъ.

Предъ отплытіемъ въ Порросъ, я желалъ бы видѣть, какое дѣйствіе произведетъ въ Константинополѣ декларація 16 ноября. Только этого и жду. Мой экипажъ почти совсѣмъ оправился; что касается меня, то я все еще страдаю ревматизмомъ....

Здѣсь вообще утверждаютъ, что только благодаря вашему посредничеству удалось Дандоло устроить свое дѣло. Надо же было

удастся, наконецъ, хоть одному изъ предпринимаемыхъ нынѣ безчисленныхъ посредничествъ!

Хотя въ материальномъ отношеніи Смирна все лучше Порроса, но я въ ней смертельно скучаю. Признаюсь, мнѣ до-нельзя надоѣлъ Наваринъ, особенно теперь, когда приходится обратно сажать на суда всѣхъ солдатъ. Я поручилъ это дѣло адмиралу Розамелю и Леруа, котораго я далъ ему въ помощь.

Генераль Мэзонъ извѣстилъ меня, что онъ отплыветъ около 15 февраля.

Прощайте, любезный адмираль и товарищъ на вѣки; адмираль Рикордъ мнѣ не товарищъ.

5.

Д е - л а - Б р е т о н ь е р ь .

30 января 1828 г.

Господинъ адмираль, съ чувствомъ живѣйшей признательности получилъ я обязательное письмо, которымъ вы меня почтили и къ которому приложенъ орденъ св. Владиміра. Я обязанъ этою высокою милостью лишь слишкомъ лестнымъ похваламъ, съ которыми вашему превосходительству угодно было отозваться обо мнѣ въ вашемъ рапортѣ Императору. Этотъ высокій знакъ вниманія со стороны Монарха, которому удивляется вся Европа, есть драгоценнѣйшая награда, какой только можетъ удостоиться воинъ, и не безъ гордости, г. адмираль, возложу я на себя это почетное отличіе, присоединяющееся къ полученному мною отъ моего все-милостивѣйшаго государя и имѣющее непрерывно напоминать мнѣ, что я имѣлъ честь рядомъ съ вами сражаться у Наварина.

6.

Д е - Р и н ь и .

6 февраля.

Любезный адмираль.

Какъ видно изъ полученныхъ мною свѣдѣній, Порта все упорствуетъ въ своемъ отказѣ принять посредничество Россіи во все время, пока обѣ державы будутъ состоять въ войнѣ. Ей никакъ

не могутъ вразумить ту истину, что для нея какъ нельзя болѣе важно, чтобы ваши суда были не дѣйствующими лицами, а посредниками.

Не знаю, что выйдетъ изъ всего этого, такъ какъ очевидно, до полученія болѣе обстоятельныхъ извѣстій, у насъ руки связаны деклараціей.

Графъ Каподистрія сообщилъ мнѣ копію письма, съ какимъ онъ обратился къ сэру Мэлькольму, требуя помощи для Кандіи. Дѣйствительно Мегмедъ-Али не теряетъ времени: 15 января прибылъ въ Александрію бригъ, отправленный Мэйтлендомъ для сообщенія пашѣ о снятіи блокады, а уже 21 января появились въ Судѣ египетскія суда,

Я давно предвидѣлъ все это. Мнѣ кажется, что президентъ (Каподистрія) въ настоящее время не можетъ сдѣлать ничего лучшаго какъ отозвать Райко изъ Кандіи, ничего не посылать болѣе, по крайней мѣрѣ въ Ливадію, и вообще соображаться съ деклараціей, предоставляя все остальное строптивости Турокъ...

7.

Д е - Р и н ь и.

Смирна, 19 февраля.

(Извлеченіе).

По свѣдѣніямъ изъ Константинополя, отъ 14 числа, тамъ не сомнѣваются, что принцъ Леопольдъ уже *получилъ отъ всѣхъ трехъ дворовъ крещеніе* (что, очевидно, означаетъ, одобреніе предполагающаго назначенія его королемъ Эллиновъ тремя кабинетами: парижскимъ, лондонскимъ и с.-петербургскимъ), и что Мэлькольмъ находится въ Навплии, гдѣ Доукинсъ раззадорить его (*va lui monter la tête*).“

8.

Президентъ Греціи.

Въ Навплии, 17 іюля 1828 года.

Русскій флотъ уже оставилъ сіи берега, и ваше превосходительство должны послѣдовать за нимъ; Греція, привыкнуши смотрѣть на присутствіе флота и вашего превосходительства, какъ на великое

благо, обязана через свое правительство выразить вамъ, господинъ адмиралъ, чувства своей благодарности за то что вы со всѣми, состоящими подъ начальствомъ вашимъ, офицерами сдѣлали для ея возстановленія.

Усталая отъ кровавой борьбы и безначалія, она взоры свои обратила къ флотамъ союзныхъ державъ, когда три почти года тому назадъ они, соединившись, явились передъ Мессинскими берегами.

Въ достопамятный день 20 октября побѣдители увѣнчались неувядаемыми лаврами побѣды, а вашъ адмиральскій корабль, поврежденный и устланый трупами, свидѣтельствовалъ, что во время битвы опасность равнялась храбрости.

Нация поспѣшила чрезъ своихъ уполномоченныхъ выразить желаніе—увѣковѣчить память столькихъ подвиговъ и объявить свою благодарность. Національное собраніе въ Аргосѣ рѣшило воздвигнуть памятникъ и учредить орденъ Спасителя, давъ мнѣ право поднести вамъ знаки первой его степени. Вамъ не безъизвѣстны, господинъ адмиралъ, причины по которымъ я до сего времени не могъ исполнить передъ вашимъ превосходительствомъ и передъ офицерами, о которыхъ вы не замедлите увѣдомить греческое правительство, этотъ долгъ національной благодарности. И такъ я долженъ теперь съ сожалѣніемъ ограничиться тѣмъ, что я буду передъ вашимъ превосходительствомъ истолкователемъ пожеланій и благословеній, съ которыми сопровождаютъ васъ жители всѣхъ областей государства, и въ особенности тѣхъ, въ которыхъ Вы имѣли долѣе свое пребываніе.

Поросъ былъ еще недавно бѣдненькимъ мѣстечкомъ, неимѣющимъ ни дорогъ удобныхъ для ѣзды, ни другаго какого-либо народнаго учрежденія. Ваше превосходительство избрали его портъ мѣстомъ для собранія флота, и въ скорости этотъ островъ оживился: громадныя строенія, предпринятыя по повелѣнію вашего Августѣйшаго Монарха, дали средства къ честному существованію многимъ рабочимъ людямъ и многимъ бѣднымъ и неимущимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, благодаря всеобщему успокоенію жителей, городъ Поросъ принялъ благопріятный видъ проложеніемъ дорогъ, украсился площадями и вымощенными набережными, и обширное училище было въ немъ учреждено и устроено.

Но ваше превосходительство не только въ Поросѣ, но и въ Эги-

нѣ и въ Навплии пожелали оставить также неизгладимые слѣды благодѣянія, которое свойственно вашему характеру. Сиротскому дому, больницѣ и другимъ учрежденіямъ для народной пользы вы сдѣлали щедрыя приношенія;—однимъ словомъ бѣдные и несчастные лишь только прибѣгали къ вашей милости, тотчасъ находили утѣшеніе.

Въ вознагражденіе за то что вы сдѣлали для этой страны, ваше имя останется въ ней навсегда любимымъ и уважаемымъ. Когда же вы предстанете передъ Августѣйшимъ вашимъ Монархомъ, вы будете имѣть наилучшую изъ наградъ—благоволеніе Императора, который (какъ Греція надѣется) не замедлитъ принять благосклонно должное выраженіе ея благодарности вашему превосходительству, за великія услуги, которыя вы вмѣстѣ съ состоящими подъ вашимъ начальствомъ офицерами оказали ей, исполняя такимъ образомъ высокія цѣли Его Императорскаго Величества.

Съ моей стороны я повторяю, г. адмиралъ, вашему превосходительству увѣреніе въ моемъ особенномъ къ вамъ уваженіи.

9.

Р и б о п ь е р ь .

Корфу, 15 августа 1828 года.

(Секретно).

Графъ, ваше превосходительство должны понимать и, смѣю сказать, раздѣлять нетерпѣніе, съ которымъ я желаю имѣть честь сговориться съ вами; поэтому я ни мало не сомнѣвался въ вашей готовности устроить мнѣ свиданіе съ вами для бесѣды о многочисленныхъ предметахъ, ввѣренныхъ нашей общей заботѣ.

Депеша, порученная вашимъ превосходительствомъ моему секретарю Волкову, вручена мнѣ фельдъегеремъ Годафруа во время моего проѣзда черезъ Имоло. Находясь на большой дорогѣ, слѣдовательно лишенный всякой возможности снестись съ Парижемъ, я рѣшилъ отправить этотъ пакетъ нашему послу въ Вѣну, съ просьбою, черезъ того же Годафруа, послать съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ чиновниковъ вашу депешу, адресованную графу Поццо ди-Борго.

Лондонская конференція допустила употребленіе десантныхъ войскъ въ Мореѣ. Девятитысячный французскій корпусъ съ полевой артиллеріею, подъ начальствомъ генерала Мэзона, отправится туда немедленно. Эта экспедиція рѣшена, и состоится, каковы бы ни были планы Ибрагима-паши, который, по словамъ французовъ, исполнѣ расположенъ очистить Грецію.

Это предположеніе отвѣчаетъ нашимъ желаніямъ, и лучшій способъ осуществить его состоялъ бы въ томъ, чтобы высадиться въ Каламатта и двинуться прямо на границы Аркадіи. Такимъ образомъ была бы отрѣзана западная часть полуострова, содержащая въ себѣ главные силы Ибрагима, и въ тоже время были бы изолированы отъ остальной Мореи крѣпости Модонъ, Наваринъ и Коронъ, которыя, будучи блокированы съ моря и не получая никакой помощи изнутри, по необходимости пали бы сами собою.

Экспедиція эта, по своему свойству, должна привлечь къ себѣ все наше вниманіе и, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство не пощадитъ никакихъ находящихся въ вашемъ распоряженіи средствъ, чтобы слѣдить за ея ходомъ во всѣхъ его подробностяхъ.

Г. Фродингъ, служащій вашему превосходительству въ Сира, находится, увѣряютъ меня, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ адмираломъ де-Риньи. Поэтому я желалъ бы его видѣть, и если данное вами ему порученіе то позволяетъ, я желалъ бы, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ немедленно по моемъ прибытіи въ Архипелагъ.

Мы приближаемся къ минутѣ, графъ, которая рѣшитъ, наконецъ, греческое дѣло. Ваша задача, какъ и моя, поддерживать ее всею нашею властью не только противъ ея явныхъ противниковъ, но и противъ недоброжелательства, скрывающагося подъ маскою покровительства. Ни одинъ изъ нашихъ союзниковъ, сказать между нами, не заботится объ интересахъ Греціи. Единственная цѣль ихъ присоединенія къ намъ состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить наше вліяніе въ надеждѣ парализовать его. Вы слишкомъ опытны и слишкомъ хорошо знаете положеніе, чтобы нуждаться въ напominаніи что, хоть и поддерживая союзныя и дружескія отношенія съ нашими товарищами, мы должны все болѣе и болѣе сближаться съ графомъ Каподистрія, вмѣстѣ съ тѣмъ частыми и откровенными сношеніями между собою облегчить себѣ способы выполненія великодушныхъ видовъ нашего Августѣйшаго Монарха.

Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидаю вѣстей отъ васъ, любез-

ный графъ, и повторяю просьбу какъ можно скорѣе завести между Неаполемъ и Мальтою рейсы двухъ бриговъ, чтобы сношенія наши были такъ часты, какъ только возможно.

Благоволите принять, графъ, увѣреніе въ моемъ отличнѣйшемъ уваженіи и искренней преданности.

(Подписано) Рибопьеръ.

(Собственноручная приписка). Забылъ написать вамъ, что выйдя изъ Пороса двумя сутками позже Гильемино и черезъ сутки послѣ Каннинга, я опередилъ ихъ обоихъ. — Да здравствуетъ эскадра вашего превосходительства!

10.

Каподистрія.

Якорная стоянка *Елены* предъ Петалиды, $\frac{31 \text{ августа}}{12 \text{ сентября}}$ 1828 года.

...Генераль Мэзонъ, насколько отъ него будетъ зависѣть, не станетъ противорѣчить послабленіямъ, какія ваши товарищи на- ходятъ приличнымъ оказывать Ибрагиму-пашѣ. Я говорю: „на- сколько отъ него будетъ зависѣть“, потому что дальнѣйшее пре- бываніе его войскъ въ лагерѣ у Петалиды становится невозмож- нымъ, такъ какъ люди подвергаются тамъ вліянію солнца и сырыхъ ночей, въ чрезвычайно болотистой мѣстности... Ему, слѣдователь- но, безотлагательно необходимо перемѣнить мѣсто своего лагернаго расположенія; между тѣмъ было бы нелѣпо послать его въ Кала- матту или въ другое мѣсто, такъ какъ высадився онъ въ Целопо- незѣ именно для того, чтобы вытѣснить Египтянъ и Турокъ изъ городовъ Мессеніи. Если бы даже Ибрагимъ-паша единственно по- тому, что Французы приближаются къ мѣстамъ, которыя онъ дол- женъ оставить, позволилъ себѣ оскорбить адмираловъ сомнѣніемъ въ ихъ вѣрности данному слову, то неужели этого окажется доста- точнымъ, чтобы побудить адмираловъ къ выдачѣ ему—путемъ новыхъ переговоровъ и новыхъ отсрочекъ—также и новыхъ руча- тельствъ въ точномъ исполненіи своихъ обязательствъ?

Прошу васъ, господинъ адмираль, простить мнѣ это замѣчаніе. Оно внушено мнѣ чувствомъ, которое скрыть отъ васъ я не въ состоянii. Быть можетъ, я ошибаюсь, но во всемъ, что происходитъ въ Наваринѣ, я вижу стеченіе обстоятельствъ, которое какъ будто

нарочно лишь отсрочиваетъ исполненіе добраго дѣла, хотя и служащаго проявленіемъ видовъ Провидѣнія, но не согласнаго съ мелочными комбинаціями нѣкоторыхъ личностей.

Не знаю, далъ ли г. Каннингъ вамъ, какъ мнѣ, прочесть пресловутый Лондонскій протоколъ о французской экспедиціи. Надѣюсь, что съ этимъ документомъ станется тоже, что и съ остальными, исходящими изъ той же фабрики. Согласныя со справедливостью статьи его будутъ исполнены; статьи же стремящіяся къ противной цѣли, останутся, какъ будто ихъ вовсе не было...

Я обремененъ жалобами безчисленныхъ семействъ, огорченныхъ извѣстіемъ, что ихъ дѣтей и дочерей сажаютъ на суда, отплывающія въ Александрію. Еще разъ умоляю васъ, господинъ адмиралъ, употребить все ваше вліяніе, дабы не допустить подобнаго скандала. Эти жалобы не замрутъ въ Греціи: ими воспользуются газеты...

Я надѣялся посѣтить васъ въ Наваринѣ и избавить васъ отъ труда читать это длинное письмо, но такъ какъ гг. послы уже уѣхали, то я долженъ спѣшить на свой постъ самымъ прямымъ путемъ. Съ другой стороны, мое прибытіе въ Наваринъ не понравилось бы Ибрагимъ-пашѣ, и конечно не я подамъ этому господину новый поводъ къ неудовольствію...

11.

Кодрингтонъ.

18 ноября 1828 года.

Можете быть вполне увѣрены, мой добрый другъ, что мнѣ было весьма пріятно найти въ домѣ брата, гдѣ я теперь расположился вмѣстѣ съ леди Кодрингтонъ, моими тремя дочерьми и Гарри, ваше письмо и весьма любезное письмо князя Ливена. И не менѣе пріятно было что письмо изъ Наварина и пришло къ самой годовщинѣ Наваринскаго дня, когда я отъ всего сердца пилъ за ваше здоровье съ собравшимися отпраздновать годовщину друзьями. Здравствуйте многія лѣта, мой дорогой адмиралъ, и наслаждайтесь плодами того дня, который завелъ нашу дружбу; желаю чтобы такая же слава и удача сопутствовали всѣмъ вашимъ начинаніямъ!

Я желалъ бы поселить въ васъ болѣе благоприятное мнѣніе о другомъ вашемъ товарищѣ *), мелочныя странности котораго такъ много вредятъ ему. Я находилъ его столь примодушнымъ по многимъ важнымъ пунктамъ, что искренно сътую на какіе-то необъяснимые факты, бросающіе сомнѣніе на его образъ дѣйствій. Не забывайте что Россія пугало, которое тревожитъ значительную часть Французовъ и Англичанъ, что боятся какъ бы вашъ добрый Императоръ не поглотилъ всю Турцію живьемъ съ костями и мясомъ. Подозрѣваю, что здѣсь именно ключъ къ разгадкѣ почему наше правительство согласилось на занятіе Мореи такою значительною французскою арміею. Рибопьеру сдана такимъ образомъ трудная игра.....

Далѣе по поводу Лондонскаго договора сэръ Э. Кодрингтонъ пишетъ въ томъ же письмѣ:

„Разъ уже состоялся Лондонскій трактатъ, то, по моему скромному мнѣнію, цѣль союзниковъ должна была состоять въ немедленномъ принужденіи султана къ его исполненію, все равно правится ли то ему или нѣтъ. Имѣя подъ рукою для управленія греческою націею такого способнаго человѣка, какъ графъ Каподистрія, я опредѣлилъ бы, какая именно часть Греціи должна подлежать его правленію и снабдилъ бы его широкими способами упрочить свою власть на указанномъ державами основаніи. Будь это сдѣлано, Греція уже развилась бы въ коммерческомъ отношеніи, вмѣсто того чтобы оставаться просто боевымъ народомъ, и мы не были бы свидѣтелями теперешней войны между Россіею и Портою, возбуждающей неудовольствіе однихъ и зависть другихъ, и конца которой никто не можетъ предвидѣть. Но не я долженъ распространяться объѣтой сторонѣ предмета, такъ какъ затрогиваю весьма нѣжную струну. Впрочемъ, вамъ извѣстны мои чувства которыя я никогда не скрываю. Забавно читать и слушать то что говорятъ о блокадѣ Дарданеллъ послѣ обѣщанія Россіи поступиться своими правами воюющей стороны, и потомъ же видѣть, что Англія является стороною въ дѣлѣ отправленія французской арміи для насильственного вступленія въ Морею, однако онѣ не считаются „воюющими!“ Таково всегдашнее слѣдствіе уклоненія съ прямого пути въ грязные переулки! Въ политикѣ какъ и на прогулкѣ никто въ такомъ слу-

*) Де-Риньи.

чаѣ не вправѣ ожидать, что вернется домой съ незамаранными сапогами.....“

12.

Наподистрія.

Парось, ^{12/24} ноября 1828 года.

...Мы зрѣло обсудили съ г. де-Рибоньеромъ, не болѣе ли цѣлесообразно при настоящихъ обстоятельствахъ отложить до болѣе благопріятнаго времени мѣры относительно крейсерства предъ Превезой. Послѣ продолжительныхъ движеній назадъ и впередъ, генераль Черчъ, повидимому, намѣренъ снова расположиться лагеремъ въ Митигѣ. Такимъ образомъ, появленіе военнаго судна въ виду залива или вдоль береговъ Эеспотіи лишь побудитъ турокъ укрѣпиться въ позиціяхъ, изъ которыхъ мы должны были бы выбивать ихъ. Съ другой стороны, странное рѣшеніе, принятое адмираломъ де-Риньи относительно Лепанта, свобода плаванія, которую онъ рѣшился допустить въ заливѣ, и доставляемая ею съ этой стороны Туркамъ возможность возобновленія своихъ запасовъ, противорѣчитъ самой цѣли предполагаемаго крейсерства...

13.

Д е - Р и н ь и.

4 декабря (конечно, 1828).

Любезный адмиралъ. Я отослалъ 70 человекъ въ госпиталь, и у меня еще 150 больныхъ. Зелень и говядина покончатъ съ этимъ, надѣюсь.

Послы были нѣсколько недовольны мною, особенно президентъ, по поводу сообщенія, сдѣланнаго нами, генераломъ Мэзономъ и мною, лепантскому пашѣ. Здѣсь знаютъ какъ поступать, чтобы всѣмъ угодить.

Мнѣ пишутъ, что форты и батареи Мальты вооружаются. Что бы это могло значить?

Графъ Поццо ди-Борго.

Парижъ, 2го декабря 1828 года.

(Собственноручно).

Ваше сіятельство,

Получивъ приказаніе сообщить непосредственно вашему сіятельству о результатѣ моихъ ходатайствъ предъ французскимъ правительствомъ съ цѣлью побудить его воспользоваться островомъ, избраннымъ вами для главной станціи ввѣренной вамъ эскадры, дабы устроить въ немъ склады продовольствія и морскихъ припасовъ, я рѣшился отправить вамъ настоящаго курьера, какъ самое вѣрное средство исполнить возложенную на меня обязанность.

Вы увидите изъ моей депеши, что королевскій министръ не призналъ возможнымъ наше предположеніе для Франціи потому что этимъ нововведеніемъ вся эта служба оказалась бы и дороже и менѣе дѣйствительна, чѣмъ оказывается она въ Тулонѣ, гдѣ все уже приспособлено къ данной цѣли. Но, отклоняя наше предложеніе на основаніи административныхъ соображеній, французское правительство не обинуясь высказало, что избраніе какой бы то ни было гавани для учрежденія въ ней стоянки нашей императорской эскадры, а также предполагаемое нами устройство въ этой гавани складовъ не могутъ ни затронуть права, ни возбудить щекотливости кого бы ни было, и что оно готово поддержать это воззрѣніе, если въ томъ встрѣтится надобность.

Въ случаѣ, если вы пожелаете выписать что либо изъ Тулона, я попрошу васъ предварить меня о томъ. Хотя я и не получилъ обѣщанія касательно выдачи всего, что вы потребуете,—я и не былъ уполномоченъ обращаться съ такого рода просьбой,—но я надѣюсь найти средство уладить это дѣло. Въ такомъ случаѣ надо было бы озаботиться и о средствахъ перевозки, которыя намъ хорошо было бы взять на себя.

Французская экспедиція въ Мореѣ обезпечила ея освобожденіе, а также, надѣюсь, и независимость. Осторожныя обязательства, принятія Англичанами, а также и энерія, оказанная ими съ цѣлью не допустить распространенія военныхъ дѣйствій за предѣлы пере-

шейка, ограничили послѣднія этими предѣлами. Съ сочувствіемъ узнаю, что Греки спѣшатъ снова заселить свое отечество; они нуждаются въ порядкѣ и сдержанности; но послѣ шестилѣтняго возстанія и непрерываемыхъ во все это время повальныхъ избіеній, трудно привыкнуть и къ тому, и къ другому. Именно мое убѣжденіе въ ихъ слабости и побудило меня ходатайствовать объ отправленіи вооруженной силы въ Морею, дабы достигнуть освобожденія этой страны. Дѣло это совершенно, и уже прибыло начало высланной силы. Остальное зависитъ отъ обстоятельствъ, на счетъ которыхъ нынѣ нѣтъ надобности пускаться въ предположенія.

Заслуживъ одобреніе вашего сіятельства, г. Толстой только оправдалъ мое мнѣніе о немъ, а также совѣты, данные мною ему при его отъѣздѣ. Участіе, какое вы благоволите оказывать ему, еще значительно увеличить то, какое я уже питалъ къ нему. Примите и проч.

15.

Каподистрія.

Эгина, 12/24 декабря 1828 года.

Въ то самое время, когда я отправлялъ вашему превосходительству при официальномъ письмѣ заявленіе греческаго правительства касательно заарестованія контръ-адмираломъ Дандоло военнаго брига капитана Никодимо (*Камбрианъ*), австрійскій фрегатъ, на которомъ, по слухамъ, находился самъ адмиралъ, задержалъ въ Эгинской гавани, на глазахъ самаго правительства, нѣсколько мелкихъ судовъ, нагруженныхъ провіантомъ для греческой арміи.

Я обремененъ такимъ огромнымъ числомъ непріятныхъ дѣлъ, что просилъ графа Бульгари извѣстить васъ со всевозможными подробностями объ этомъ скандальномъ происшествіи...

К а т а н а з и.

Мальта, 6/18 января 1829 года.

(Извлечение).

...Троица пословъ имѣла въ Мальтѣ лишь кратковременное пребываніе. Въ настоящую минуту они конечно уже пріѣхали въ Неаполь. Какъ слышно, г. Каннингъ раскаивается, что подписалъ пароссіе протоколы. Не можетъ же онъ пенять однако, что у него недоставало времени для размышленія. Впрочемъ, сколько тутъ ни каяться или ни противорѣчить самому себѣ, сколько ни божиться или ни пророчить, Провидѣніе все поведетъ своимъ устроеніемъ, и Его опредѣленія исполнятся такими путями, которыхъ никто изъ насъ, вѣроятно, и не предвидитъ. Быть можетъ скажете вы, графъ, что я говорю какъ мистикъ: но какъ не прибѣгнуть къ Творцу, когда Его творенія только и дѣлаютъ что дурачатъ другъ друга?

...Легко представляю себѣ, графъ, всю скуку вашего пребыванія въ Паросѣ и посылаю вамъ мои искреннія пожеланія, чтобы этотъ походъ былъ послѣднимъ, который нашъ флотъ совершаетъ въ этихъ странахъ, гдѣ только и дѣла, что утирать слезы, сдерживать страсти и преодолевать препятствія...

Р и б о п ь е р ь.

Неаполь, 7/19 января 1829 года.

Прибывъ сюда, я засталъ курьера посланнаго вамъ Императорскимъ министерствомъ, любезный графъ, и везущаго вамъ инструкціи, содержаніе которыхъ такъ согласуется съ моими къ вамъ чувствами и можетъ такъ поддержать между нами то согласіе и ту короткость, которыя требуются великими ввѣренными намъ интересами... Съ этою-то цѣлью Государь желаетъ, чтобы наши рѣшенія, равно какъ и наши дѣйствія, были совершенно тождественны. Такъ какъ эти инструкціи были составлены въ предположеніи, что я нахожусь еще въ Архипелагѣ, то со времени нашего разлученія слѣдованіе имъ не составляетъ непремѣннаго

долга; тѣмъ не менѣе, убѣжденный, что вы сознаете, любезный графъ, какъ необходимо сообразовать ваши слова и ваши операціи съ высшими соображеніями, которыя должны руководить политикою Его Императорскаго Величества въ настоящихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ, полагаю, что я лучше всего докажу одушевляющія меня къ вамъ чувства, если попрошу васъ, столько же въ вашемъ личномъ интересѣ, сколько для пользы службы, отнынѣ впредь вступать въ соглашеніе съ графомъ Каподистрія и совершенно согласоваться съ его мнѣніями. Никто, безъ сомнѣнія, не имѣетъ болѣе его возможности подать вамъ добрый совѣтъ; ему извѣстны и наши политическія отношенія къ различнымъ европейскимъ державамъ, и произносимые Государемъ обѣты. Вы можете вполне на него положиться. Я пишу ему по этому поводу; а столь счастливо уже завязавшіяся между вами и нимъ сношенія служатъ порукою удачнаго хода тѣмъ которыя я приглашаю васъ съ нимъ поддерживать.

Мнѣ дають также знать, что вы получите повелѣніе устроить въ Поросѣ вашъ провіантскій складъ и стоянку для вашей эскадры. Зная вашу осторожность, я склоненъ думать, что вы сочтете необходимымъ лишь по немногу выводить изъ Мальты ваши суда и вывозить запасы, чтобы слишкомъ поспѣшнымъ уходомъ не возбудить подозрѣнія англичанъ и ихъ обидчивость (*susceptibilité*).

18.

Д е - Р и н ь и.

26 января 1829 г. въ.... (неразборчиво).

Полагаю, что вы ужь имѣете декларацію трехъ дворовъ, отъ 16-го ноября, которую долженъ былъ доставить.... (неразборчиво) Жуберъ. Я ее не читалъ. Но говорятъ, что она выговариваетъ гарантію только для одной Морей и Цикладскихъ острововъ, не включая Кандію.

Вы знаете, что вторично приказано снять блокаду Кандіи...

Все, что могу вамъ сказать, это то, что въ Лондонѣ и Парижѣ согласіе русскаго двора на эти мѣры доставило величайшее удовольствіе, какъ доказательство искренности и умѣренности Императора Николая. Ужь на этотъ разъ если Турки не уступятъ, по-

лагаю быть гнѣву. Но, кажется, не расположены расширить границы; въ этомъ отношеніи послы утрудили себя, быть можетъ, бесполезною работою. Однако, это поворотится въ пользу политическаго положенія Мореи и сосѣдства. Что до меня, еслибъ я былъ на мѣстѣ графа Каподистріи,—мнѣ желалось бы поменьше территоріи и побольше независимости, то-есть поменьше и вассальныхъ отношеній.

19.

Каподистрія.

Эгина, $\frac{20 \text{ янв.}}{1 \text{ февр.}}$ 1829 года.

Сейчасъ получилъ я изъ Кандіи прискорбныя извѣстія, которыя уже были сообщены вашему превосходительству адмираломъ Міаулисъ. Онъ получилъ сегодня приказаніе предоставить въ распоряженіе вашего превосходительства галетъ *Евкариду*... Онъ будетъ дѣйствовать подъ руководствомъ командира *Константина*. Мнѣ кажется безотлагательно необходимымъ отправить это судно въ воды Кандіи. Одного появленія его будетъ достаточно, чтобы обратиться въ бѣгство египетскія суда, если бы даже ему не посчастливилось захватить нѣсколько изъ нихъ...

20.

Катанакзи.

Мальта, $\frac{20 \text{ января}}{1 \text{ февраля}}$ 1829 года.

(Частное).

Въ письмѣ, только что полученномъ мною отъ графа Нессельроде, онъ благоволитъ предоставить мнѣ до нѣкоторой степени выборъ между возвращеніемъ въ Россію и возвращеніемъ въ Архипелагъ, но присовокупляетъ, что послѣднее было бы болѣе согласно съ желаніемъ Государя, всемилостивѣйше взирающаго на мое присутствіе въ этихъ странахъ, какъ на обстоятельство не бесполезное для Его службы.

Конечно, ваше превосходительство раздѣляете въ этомъ случаѣ мое воззрѣніе: подобнаго рода извѣщеніе есть болѣе чѣмъ приказаніе, и какъ ни жалко состояніе моего здоровья, какъ ни страдаю я отъ морской болѣзни, и безъ колебаній долженъ возвратиться къ своему посту. Но тутъ оказываются для меня соображенія инаго свойства, о которыхъ я буду имѣть честь бесѣдовать съ вами, графъ, съ тою откровенностью, отъ которой я никогда не уклонялся какъ въ моихъ служебныхъ, такъ и въ моихъ общественныхъ сношеніяхъ съ вашимъ превосходительствомъ.

Скажу вамъ не обинуясь, господинъ адмиралъ: я опасаюсь, что вамъ будетъ непріятно мое возвращеніе на корабль *Азовъ*. Говори это, я не имѣю благодарности думать, чтобы въ ваше сердце вкралось какое-либо враждебное ко мнѣ чувство. Мои сомнѣнія относятся лишь къ прецедентамъ, коихъ исчисленіе хотя и прискорбно для меня, но на счетъ которыхъ мнѣ необходимо объясниться съ вами.

Разногласіе нашихъ мнѣній по большей части дѣлтъ, надъ которыми вы призваны постановлять здѣсь рѣшенія и въ которыхъ я долженъ принимать участіе, хотя бы только для того, чтобы имѣть возможность съ убѣжденіемъ и знаніемъ дѣла изготавлять свои рапорты министерству; нетерпѣніе, часто даже гнѣвъ, съ какими ваше превосходительство постоянно отвергали малѣйшее изъ моихъ замѣчаній; слѣпое повиновеніе и безпрекословная исполнительность, какія, какъ мнѣ казалось, вы хотѣли ввести относительно предметовъ, выходящихъ изъ области военной дисциплины и требующихъ часто зрѣлаго размышленія и спокойнаго, обдуманнаго обсужденія; то обстоятельство, что я имѣлъ несчастье быть принятымъ вами за человѣка, лишеннаго всякой опытности и всякаго такта въ дѣлахъ политическихъ; наконецъ, повидимому, усвоенное вами мнѣніе, будто во всемъ, что касается Восточнаго вопроса, я оказываюсь пристрастнымъ судьей,—всѣ эти причины, вмѣстѣ взятія, побуждаютъ васъ считать меня, чиновникомъ скорѣе докучливымъ, чѣмъ полезнымъ. Ваше превосходительство не удивитесь моему прискорбному убѣжденію на этотъ счетъ, если благоволите вспомнить о справкахъ, недавно наведенныхъ вами въ архивахъ вашей канцеляріи, для удостовѣренія, въ качествѣ чего состоялъ я при вашей эскадрѣ и былъ ли я въ правѣ высказывать вамъ какое-либо мнѣніе.

Взываю къ вашей откровенности, графъ, въ увѣренности, что

вы признаете дѣйствительность всего изложеннаго мною и не менѣе дѣйствительное затрудненіе, въ какомъ я нахожусь между опасеніемъ не понравиться министерству и опасеніемъ снова докучать вамъ своимъ присутствіемъ въ вашей эскадрѣ...

Чтобы выдти изъ этой непріятной альтернативы, г. Катакази предложилъ прибыть въ февралѣ въ Парось, съ тѣмъ, чтобы въ теченіи лѣта его отправили курьеромъ въ Петербургъ...

21.

Прокешъ.

Витѣватое домогательство и отклоненіе его Гейденомъ.

(Извлеченіе).

На Смирнскомъ рейдѣ, 2 февраля 1829 г.

Ваше превосходительство, позволяю себѣ прибавить два слова къ депешѣ адмирала: во время нашего общаго пребыванія въ Эгинѣ, ваше превосходительство высказали нѣсколько истинъ, запечатлѣвшихся въ моемъ сердцѣ; плодъ глубокаго знанія свѣта и хода житейскихъ дѣлъ, истины эти являются для каждого должностнаго лица, желающаго порядка и согласія, драгоцѣннѣйшимъ указаніемъ. Изъ нихъ вспоминаю одну: „Мы-то зачастую примиряемъ или ссоримъ государства, творимъ миръ и чинимъ войну“... Уступка, о которой адмиралъ проситъ сегодня ваше превосходительство, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя составляютъ одолженіе, если онѣ оказаны, и возбуждаютъ неудовольствіе, если въ нихъ отказано. Эта уступка не влечетъ за собою никакихъ предосудительныхъ послѣдствій: она рѣшаетъ напротивъ вопросъ, и къ тому же, по самому свойству своему, можетъ быть представлена въ особенно выгодномъ свѣтѣ, такъ что я готовъ сказать—слѣдовало бы создать поводъ къ ней, еслибъ этотъ послѣдній не представлялся самъ собою.

Пишу эти строки въ расположеніи, которымъ обязанъ вашему превосходительству: въ живѣйшемъ желаніи и впередъ имѣть удовольствіе видѣть какъ наша эскадра поспѣшитъ увѣдомить свой дворъ о полномъ согласіи и о прямодушной дружбѣ встрѣченнаго ею въ сношеніяхъ съ флотилію Е. В. Императора Всероссійскаго; наконецъ, въ смѣломъ убѣжденіи, что изъ-за внушившихъ его чувствъ ваше превосходительство проститъ мнѣ это обращеніе. . .

Съ глубокимъ уваженіемъ остаюсь вашего превосходительства покорный и послушный слуга *А. Прокешъ*, начальникъ штаба эскадры *Е. В.*

(Черновой отвѣтъ на подлинникъ).

М. Г., сейчасъ получилъ ваше любезное письмо и спѣшу отвѣчать вамъ въ то же время, какъ и адмиралу. Изъ отвѣта послѣднему вы усмотрите, что вашъ дворъ умѣетъ цѣнить дружественный и миролюбивый образъ дѣйствій графа Дандоло. Что касается до просьбы адмирала, то это, мой любезный *г. Прокешъ*, мнѣ ножъ къ горлу. Даю слово честнаго человѣка, что при всей готовности угодить адмиралу, я не могу сдѣлать этого, не нарушая моихъ инструкцій, весьма обстоятельныхъ и именующихъ сперва Англичанъ, потомъ Французовъ. Сдѣлаю, что могу, то-есть съ курьеромъ, котораго отправлю черезъ два дня, испрошу разрѣшенія. Еслибъ дѣло шло не о зерновомъ хлѣбѣ, но зерновой хлѣбъ!!!

Надѣюсь, однако адмиралъ не подосадуетъ на меня, убѣдившись, что рѣшительно внѣ моей власти взвалить подобную вещь на свои плечи.

Примите и проч.

22.

Катакази.

(Извлеченіе).

Графъ,

„*Константинъ*“ является къ вамъ раньше, чѣмъ вы его ожидали, потому что всѣ остальные находящіеся здѣсь суда не могутъ быть готовы раньше четырехъ недѣль или и болѣе. Безъ готовности и усердія *г. Баранова*, бѣдный *г. Богдановичъ* очутился бы въ большомъ затрудненіи, потому что *г. Рибоньеръ* шлетъ ему заклинанія поскорѣе отправить вамъ судно съ полученными въ Неаполѣ изъ Петербурга депешами. Впрочемъ, на ваше имя изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ нѣтъ ничего, а только изъ Морскаго.

Пріятель пишетъ мнѣ изъ Петербурга, отъ 24 декабря ст. ст.: „Новаго—ничего, развѣ лишь то, что мы дѣлаемъ большія приготовленія къ будущей кампаніи. Кажется, впрочемъ, и рѣчи нѣтъ

о разрывѣ между нами и европейскими державами. Любовь этихъ послѣднихъ къ султану не доходитъ до желанія обнажить за него саблю“.

Болѣзнь и выходъ изъ министерства де-Лаферона—событіе, надѣлавшее много шума во Франціи и изъ котораго теперешняя англійская политика, безъ сомнѣнія, постарается извлечь для себя пользу. Посмотримъ, что изъ этого выдетъ.

Примите и проч.

23.

На подистрія.

Навплія, 12/24 февраля 1829 г.

...Плохимъ знаменіемъ для нашего дѣла было бы оставленіе насъ графомъ Рибопьеромъ безъ всякихъ извѣстій, если бы съ другой стороны Императоръ всероссійскій и король французскій не вспоминали о нашемъ бѣдственномъ положеніи. Ихъ Величества не забыли о насъ, такъ какъ мы опять получили отъ нихъ нѣкоторыя пособія...

24.

На подистрія.

Навплія, 22 февр. 1829 года.
6 марта

...Всѣ наши усилія направлены нынѣ на Лепантъ. Съ этой цѣлью поручилъ я храброму и достойному Міаулисъ начальство надъ морскою блокадой, такъ какъ до него флотилія предоставляла іонійскимъ лодкамъ полную свободу, и онѣ на нѣсколько дней снабдили крѣпость провіантомъ. Такъ какъ Лепантъ тѣсно окруженъ и съ суши, то мы надѣемся принудить турокъ къ капитуляціи.

25.

Де - Р и н ь и.

Наваринъ, 8 марта (или мая, первое—вѣрнѣе) 1829.

Любезный адмиралъ,

.....
„Le Volage“ былъ встрѣченъ „Acteon“омъ, который возвращался

изъ Сюда (?). Нѣтъ никакой возможности вразумить всѣхъ этихъ дикихъ звѣрей, именуемыхъ Кандіотами, Турками или Греками.... Такой-то (имя неразборчиво) говорить, что не получалъ никакихъ приказаній отъ президента, а президентъ сказалъ мнѣ противное. Можетъ быть онъ ихъ не получилъ. Я очень желаю, чтобы приняли окончательное рѣшеніе по этому предмету.

Примите выраженіе моихъ преданнѣйшихъ чувствъ.

26.

Каподистрія.

Навплія, 5/17 марта 1829 года.

Только чрезъ два-три дня отвѣчу я официально, господинъ адмиралъ, на письмо, при которомъ вы сдѣлали мнѣ честь препроводить мнѣ пожертвованныя вами 2,000 франковъ и образъ Спасителя. Я желалъ бы сообщить вамъ и о выборѣ мѣста, гдѣ, по вашему желанію, будетъ построенъ пріютъ. У меня уже изготовляются и планы, и рисунки этого пріюта. Благоволите пока принять мои самыя сердечныя и искреннія благодаренія. Нечислительныя благодѣнія, оказываемыя вами этой несчастной странѣ. Ваше пожертвованіе вызоветъ и другія. Съ этой цѣлью прикажу я напечатать въ мѣстной газетѣ какъ ваше письмо, такъ и отвѣтъ, который буду имѣть честь адресовать вамъ.

27.

Графъ Рибопьеръ.

Навплія, 5/17 марта.

Чтобы дать вамъ понятіе, графъ, о *внимательной недовѣрчивости*, съ какою англичане слѣдятъ за всѣми вашими движеніями, скажу вамъ, что г. Каннингъ тщательно развѣдывалъ у меня о причинахъ, побуждающихъ васъ укрѣплять каналъ, служащій входомъ въ Паросскую гавань. Подробности, въ какія онъ входилъ при томъ, доказываютъ, что онъ *получилъ на счетъ этого обстоятельнаго до-несенія*. Онъ присовокупилъ, что адмиралъ Мэлькольмъ долженъ былъ обратиться къ вамъ по этому поводу съ *вопросами хотя и дружескими, но категорическими*, и что онъ рассчитывалъ на откровенное объясненіе со стороны вашего превосходительства.

Я отвѣтилъ моему товарищу, что и мнѣ было извѣстно, что *несколько мѣсу* было доставлено въ Грецію и что это было сдѣлано по просьбѣ президента *для починки лафетовъ* и прочее, но что мнѣ ничего не было извѣстно о приписываемомъ вамъ намѣреніи укрѣпиться на островѣ Паросъ.

Пользуюсь этимъ случаемъ и проч.

28.

Каподистрія.

Навплія, 6/18 марта 1829 года.

Ваше превосходительство сдѣлали такъ много добра, вы благоволите оказывать этой странѣ и ея первымъ учрежденіямъ такую разнообразную помощь, что позволяю себѣ испросить ваше пособіе на пополненіе вооруженія артиллерійской роты, которой я желалъ бы дать возможность выступить...

Полковникъ Піери сказалъ мнѣ, что вы расположены выдать заимообразно нужные намъ предметы...

Затѣмъ, изъ документовъ видно, что просьба эта была немедленно исполнена.

29.

Трикупись, отъ имени греческаго правительства, обращался къ Гейдену, 23 февраля (7 марта) 1829 г., съ просьбою „принять участіе въ судьбѣ захваченнаго Турками экипажа коммерческой лодки „La Madona d'Hydra“ и выручить его изъ цѣпей размѣномъ на турецкихъ плѣнныхъ“.... Другой корреспондентъ (подпись неразборчива) свидѣтельствуя, что „не въ первый уже разъ доводится ему благодарить графа отъ имени бѣдныхъ, больныхъ и сиротъ“, доводитъ до его свѣдѣнія, 12 (24) марта 1829 г., что „планъ постепеннаго возстановленія Навпліи готовъ“, и что „на площади, имѣющей быть названною площадью *Трехъ адмираловъ*, вскорѣ будетъ уже приступлено къ возведенію зданія, которое, благодаря щедротамъ графа Гейдена, составитъ вѣчную собственность госпиталя, наконецъ, что пожертвованный адмираломъ образъ Спасителя будетъ поставленъ по его желанію, въ Орфанотрофскую церковь въ Эгиннѣ“....

Каподистрія.

Изъ лагеря при Лепантѣ, отъ 19/30 апрѣля 1829 года, братъ президента Греціи, графъ Августинъ Каподистрія, сообщилъ графу Гейдену о сдачѣ Лепанта, послѣ 31-дневной обороны Кіу-Ибрагимъ-паши. Въ продолженіи осадъ Греки потеряли всего 10 человекъ убитыми и 24 ранеными. Какъ ключъ всей цѣпи горъ, отдѣляющихъ Грецію отъ Эпира и Фессалии, Лепантъ имѣетъ де великое военное значеніе. Каподистрія предвидитъ, что первымъ результатомъ сдачи Лепанта будетъ паденіе Миссолонги. Въ заключеніе онъ благодаритъ за посылку ему патроновъ и проситъ отправленія ему ихъ еще 100 тысячъ.

Рибопьеръ.

Неаполь, 6 апрѣля (вѣроятно, 1829 г.).

.....

Послѣднія полученныя мною письма, графъ, принесли мнѣ пріятную надежду видѣть союзъ трехъ дворовъ все болѣе и болѣе тѣснымъ. Французскій дворъ честно поддержалъ принципы этого единенія; къ нимъ, кажется, болѣе расположена съ нѣкотораго времени и политика британскаго кабинета. Искренно радуюсь возможности передать вамъ, что я начинаю не опасаться болѣе новыхъ затрудненій и надѣяться на сохраненіе дружественныхъ отношеній между нами и прочими державами.

.....

Ваши всѣ офицеры, и даже ихъ экипажи, держали себя здѣсь превосходно; считаю долгомъ засвидѣтельствовать это вашему превосходительству.

Ангель де-Сааведра.

8 апрѣля 1829 г.

Комическій элементъ, свидѣтельствующій съ какими искателями приключеній приходилось возиться Гейдену и Греціи:—это реко-

мендація „полковника дона Антоніо Секвера (отца прехорошенькой дочери, въ скобкахъ прибавляетъ авторъ), эмигрировавшаго въ Мальту, депутата кортесовъ, одного изъ отличѣйшихъ испанскихъ артиллеристовъ, который очень пригодился бы рождающейся странѣ для созданія въ ней артиллеріи“. Сааведра проситъ Гейдена поговорить о немъ Каподистріи, совѣтуя не упускать „такого прекраснаго случая“.—„Это не потерянный человѣкъ,—наивно поясняетъ онъ,—не какой-нибудь авантюристъ въ погонѣ за фортуной, и онъ не вовсе лишенъ всякихъ средствъ, а честно живетъ съ своею семьей. Но ему наскучило ждать переменъ въ испанскихъ дѣлахъ и онъ желалъ бы создать себѣ новое отечество, быть полезнымъ вѣрѣ и свободѣ. Если ему сдѣлаютъ предложеніе, онъ отправится въ Грецію посвятить ей свои громадныя свѣдѣнія и служить къ выгодѣ ея и даже къ ея славѣ“.

33.

Каподистрія.

Эгина, 8/20 мая 1829 года.

Въ отвѣтъ на сообщенное вами мнѣ, черезъ г. Палеолога, отрадное извѣстіе, спѣшу объявить вамъ о сдачѣ Миссолонги и Анатолико. Это событіе имѣетъ большое значеніе: оно совершилось какъ разъ въ то время, когда капитанъ Спенеръ требовалъ, чтобы Міаулисъ снялъ блокаду этихъ крѣпостей и Превезскаго залива. Я состою въ дипломатической перепискѣ съ г. Доукинсомъ по поводу протокола 22 марта и именно его условія, касающагося перемирія. Англичане требуютъ повсемѣстнаго снятія блокады и возвращенія всѣхъ войскъ въ Пелопонезъ и проч. Я отвѣчаю имъ, что я тутъ не при чемъ, такъ какъ невозможное ни для кого не можетъ быть обязательно...

34.

Каподистрія.

Лепантъ, 15/27 мая 1829 года.

Графъ,

Возвращеніе къ вашему превосходительству г. Папаригопуло даетъ мнѣ случай, которымъ я живѣйше спѣшу воспользоваться, возобновить воспоминаніе обо мнѣ въ вашей памяти. Послѣ взятія

ромелійской цитадели, потомъ лепантской, я вмѣнилъ себѣ въ обязанность заявить передъ вашимъ превосходительствомъ существенныя услуги, оказанныя намъ г. Папаригопуло; теперь я долженъ прибавить, что онъ значительно содѣйствовалъ быстрой сдачѣ Миссолонги и Анатолію. Все это налагаетъ на меня обязанность еще разъ поблагодарить ваше превосходительство за данное ему позволеніе состоять при мнѣ и позволяетъ мнѣ просить для него ваше благосклонное покровительство.

Лондонскій протоколъ, выставляемый щедрымъ и великодушнымъ относительно грековъ, держитъ насъ въ какомъ-то оцѣненіи, и я съ нетерпѣніемъ жду президента, чтобы знать, что я долженъ предпринять. Вижу впереди лишь безчисленныя препятствія и затрудненія, если мощная рука Императора Николая не избавитъ насъ безъ проволочекъ отъ столь стѣснительнаго и труднаго положенія.

Прошу и т. д.

35.

Каподистрія.

Аргось, 6¹/₂₀ августа 1829 г.

...Все мое желаніе было бы находиться какъ можно ближе къ вамъ теперь, когда вы находитесь наканунѣ полученія столь высокаго интереса извѣстій. Вамъ уже извѣстны причины, послужившія поводомъ къ отъѣзду адмирала Розамеля. Ихъ сообщилъ мнѣ генераль Трезель. По его свѣдѣніямъ, русская армія, занявъ безпрепятственно Адрианополь, наступала на столицу, вслѣдствіе чего ожидалось общее возстаніе. Въ виду этого, г. Розамель поспѣшилъ въ Смирну, чтобы оказать покровительство французскимъ подданнымъ...

36.

Главнокомандующій 2-ю арміею, генераль адъютантъ графъ Дибичъ-Забалканской—графу Гейдену.

Адрианополь, 20—августа 1829 г.

Успѣхи оружія нашего по переходѣ Высочайше мнѣ ввѣренной арміи чрезъ Балканы простерлись до вратъ Адрианополя, гдѣ нахожусь я съ 8-го числа сего мѣсяца, имѣя отдѣльный корпусъ въ

Кирк-клисѣ, которой постами своими занимаетъ Аюлебургасъ и деревню Вунаръ по дорогѣ къ Визѣ. Всѣ приморскіе города Бургаскаго залива, также Василико и Аятеболъ заняты войсками нашими, и наконецъ 8-го числа адмиралъ Грейгъ овладѣлъ и Иніадою. Въ семъ положеніи дѣлъ, согласно Высочайшей воли открыть съ вашимъ сіятельствомъ какъ можно скорѣе сообщеніе, я приказалъ 4-му бугскому уланскому полку съ 4-ми конными орудіями отправиться отсель въ Энось подѣ командою генераль-маіора Сиверса и при немъ адъютанту моему гвардіи ротмистру Муханову и флота капитанъ-лейтенанту Щербачеву, съ тѣмъ, чтобы сіи послѣдніе доставили бы къ вамъ прилагаемую при семъ отъ графа Нессельроде депешу. Изъ сей депеши ваше сіятельство усмотрите, что Высочайшая воля состоитъ въ томъ, что если обстоятельства вынудятъ меня продолжать наступательныя дѣйствія къ Константинополю, то чтобы вѣранный вамъ флотъ соображалъ свои дѣйствія по моимъ повелѣніямъ и съ того времени поступилъ бы совершенно въ мою команду. По всѣмъ вѣроятіямъ заключить должно, что султанъ не доведетъ дѣла до сей крайности, ибо съ 16-го сего мѣсяца, находятся въ главной моей квартирѣ уполномоченные отъ Порты Оттоманской для заключенія мира. Если однако въ сихъ переговорахъ замѣчена мною будетъ малѣйшая проволочка для выигранія времени, то не замедлю я тотчасъ приступить къ продолженію рѣшительныхъ дѣйствій и тогда не премину сообщить вашему сіятельству общій планъ онымъ, для взаимнаго съ вашей стороны содѣйствія. Для достиженія сей важной цѣли въ скорыхъ нашихъ сношеніяхъ, и предполагая, что часть флота, съ которою ходили вы противъ египетскаго флота, уже возвратилась въ Архипелагъ, ваше сіятельство на теперешній случай мирныхъ переговоровъ ограничьте дѣйствія ваши соединеніемъ онаго со флотомъ контръ-адмирала Рикорда при устьѣ Дарданеллъ, и въ тоже время благоволите отдѣлить одинъ или два брига, или другія какія-либо легкія суда по усмотрѣнію вашему, въ безпрестанное крейсерство около Эноскаго залива для наблюденія береговъ, не появится ли сигналъ подѣ Крейзеръ-флагомъ, которой будетъ вѣрнымъ доказательствомъ сношенія моего въ вашимъ сіятельствомъ по какимъ-либо новымъ обстоятельствамъ.

Каподистрія.

Навплія, 28 октября (9 ноября) 1829 г.

Графъ Назначеніе вашего превосходительства начальникомъ морскихъ силъ, долженствующихъ остаться въ Архипелагѣ, составляетъ новое благодѣяніе, и я не премину повергнуть къ стопамъ Императора выраженіе моей признательности. Наваринская битва начала дѣло возстановленія Греціи. Теперь, когда надлежитъ его довершить, кому какъ не вамъ, адмиралъ, могъ ввѣрить Его Императорское Величество выполненіе своихъ великодушныхъ намѣреній? Что до меня—я этимъ счастливъ.

Остается еще много дѣла. Господа послы французскій и англійскій, займутся, вмѣстѣ съ г. де-Рибопьеромъ, этою великою и трудною задачею... Сколько ни будутъ стараться торопить Турокъ, переговоры затянутся, и въ непродолжительномъ времени не придетъ ни къ какому положительному рѣшенію. До тѣхъ поръ придется вооружиться терпѣніемъ и приготовить пути къ осуществимому въ будущемъ устройству. Правительству удастся это, если его не оставить безъ денежныхъ вспомоствованій и если, съ другой стороны, не будутъ мѣшать ему мелкими интригами. А эти послѣднія и теперь продолжаются больше, чѣмъ когда-либо! Недоброжелательство пытается воспользоваться уходомъ французскихъ войскъ, чтобы подстрекнуть Румелиотовъ къ новому возстанію, оно не отказывается также отъ надежды подвинуть Маннотовъ взяться за ихъ прежнее ремесло.

Вы знаете Райко, графъ; онъ не алармистъ, и я не могу достаточно нахвалиться его способностями, усердіемъ и преданностью, доказанными особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ командуетъ Патросомъ; прилагаю копію его послѣдняго письма. Я такъ глубоко раздѣляю выраженное въ немъ желаніе, что собирался поговорить съ вами о немъ въ первое же свиданіе, но какъ я не увѣренъ, когда можно будетъ оставить Навплію, а Французы начинаютъ уходить съ 15 ноября, то и позволяю себѣ писать вамъ о томъ.

Генералъ Шнейдеръ извѣстилъ меня, что онъ получилъ приказаніе очистить укрѣпленія Мессеніи, что половина его бригады отправится 15-го, а остальная половина черезъ мѣсяцъ потомъ.

Это событіе произведетъ сильное впечатлѣніе, и я полагаю, что дѣйствительно чрезвычайно нужно было бы предупредить его учрежденіемъ стоянки, которая имѣла бы подѣ своимъ наблюденіемъ воды не только Патроса, но также и Западной Греціи. Командиру ея предписать бы постоянныя сношенія съ моимъ въ Лепантѣ и съ полковникомъ Райко. Одного уже появленія этой морской силы достаточно чтобы сдержать людей, вводимыхъ въ заблужденіе разнаго рода искушеніями. Станціонеровъ можно бы перемѣнять каждый мѣсяцъ, и смѣю думать, что экипажи не остались бы въ накладѣ, а страна выиграла бы безконечно во всѣхъ отношеніяхъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Графъ Панинъ официально напишетъ вамъ по этому поводу, и я самъ жду лишь вашего отвѣта, чтобы отнестись къ г. вице-канцлеру.

Прилагаю, графъ, еще письмо относительно патроновъ, предложенныхъ вами мнѣ съ такою готовностью; принимаю ихъ съ искреннею признательностью. Я также очень тронутъ вниманіемъ вашего превосходительства, выраженномъ въ спросѣ моего мнѣнія относительно „*Елены*“. Мнѣ же желательно знать мнѣніе добраго капитана Епанчина, но до сихъ поръ я не имѣлъ ни минуты свободной, чтобы поговорить съ нимъ; надѣюсь сдѣлать это на дняхъ.

Г. Папаригопуло доставитъ вамъ это длинное письмо. Беру на себя его дѣло, и устрою его какъ только можно лучше.

Примите и проч.

(*Собственноручно*). Графъ Нессельроде и графъ Дибичъ не скрываютъ отъ меня (*ne me laissent pas ignorer*) всего чѣмъ Греція обязана и будетъ обязана щедротамъ и сочувствію Императора. Черезъ обратныхъ адъютантовъ фельдмаршала я напишу тому и другому, и, быть можетъ, дерзну также повергнуть на воззрѣніе Императора коротенькій докладъ и выраженіе моей признательности за ваше назначеніе. Возобновляю, любезный адмиралъ, завѣреніе въ моихъ дружескихъ чувствахъ.

38.

Каподистрія.

(Конфиденціально).

Навплія, 10, 22 ноября 1829 года.

...По словамъ графа Панина, фрегатъ (названія его нѣтъ въ письмѣ) отплываетъ черезъ два-три дня. Я очень желаю этого, въ особенности, для вразумленія Спартанцевъ въ томъ, что въ случаѣ нужды, мы можемъ справиться съ ними. Было бы очень полезно, чтобы фрегатъ останоился въ виду Каламатты, хоть на 24 часа. Съ своей стороны, я напишу объ этомъ членамъ правительства, и надѣюсь, что появленіе фрегата произведетъ благотѣльное дѣйствіе.

Какъ я уже имѣлъ честь сообщить вашему превосходительству, братья сенатора Мавромихалисъ Петробэй произвольно присвоили себѣ правительственную власть и собираютъ въ свою пользу всѣ таможенные доходы. Наши добрые друзья убѣждаютъ ихъ въ томъ, что они поступаютъ очень хорошо, такъ какъ настоящее правительство теперь наканунѣ своего шапочнаго разбора (plier le bagage).

39.

Д е - Р и н ь и.

На якорѣ у острова Мило, 30 декабря 1829 года.

(Извлеченіе).

Любезный адмиралъ,

Говорятъ, что императоръ Николай одобрилъ измѣненія протокола 22 марта, дарующія Грекамъ нѣсколько менѣе территоріи, но нѣсколько болѣе независимости. Въ этомъ заключалась и моя система, если только допустить, что въ здѣшнихъ дѣлахъ можно держаться какой бы то ни было системы.

У насъ, въ Парижѣ, — занувъ новой министерской распутицы, которая даже началась уже съ отставки Лабурдонэ...

40.

Наподистрія.

Саламинъ, 21 января 1830 года
2 февраля

Ваше превосходительство,

Вручаю эти строки командиру *Охты* чтобы поблагодарить васъ еще разъ, господинъ адмиралъ, за важныя услуги, оказанныя пребываніемъ вашего брига на стоянкѣ въ Саламинѣ. Присутствіе его произвело отличное дѣйствіе; онъ же хранилъ и военную кассу. Желая быть обязаннымъ вамъ продолженіемъ этой двойной услуги, я уговариваю командира *Александра Невскаго* остаться здѣсь еще дней на десять или пятнадцать.

Вчера присягали и получили знамена новые шесть баталіоновъ. Солдаты и офицеры выказали при этомъ отличный духъ и выправка ихъ оказывается такъ удовлетворительна, какъ только могло желать того правительство. Многіе отдѣльные отряды просили о преобразованіи ихъ въ регулярныя войска. Современемъ приіщемъ средства извлечь пользу изъ этого добраго расположенія.

41.

Графъ Рибопьеръ.

(Безъ помѣтокъ).

(Конфиденціально).

Позвольте мнѣ, графъ, обратиться къ вамъ съ тою же откровенностью, которою руководились наши первыя бесѣды. Эта откровенность въ моемъ характерѣ, и мнѣ показалось, что она была вами одобрена.

Мы съ вами состоимъ, а между тѣмъ мы живемъ, какъ будто насъ раздѣляетъ цѣлый міръ. Мы служимъ тому же Государю, намъ поручены тѣ же интересы; тѣ же чувства должны были бы воодушевлять насъ, а все-таки намъ сойтись невозможно.

Вы обѣщали навѣститъ меня въ Паросъ, и я до такой степени рассчитывалъ на это принятое вами обязательство, что, не имѣя ни частыхъ, ни вѣрныхъ случаевъ писать вамъ, я принужденъ былъ отложить до нашего свиданія требуемая благомъ службы

объясненія которыя со дня на день становятся болѣе необходимыми. Написавъ хотя бы цѣлыя книги, я все-таки не высказалъ бы вамъ всѣхъ подробностей, которыя могутъ быть исчерпаны однимъ часомъ разговора. Одно дѣло о Кандіи, напримѣръ, подаетъ поводъ къ такому множеству разнообразныхъ соображеній, что хотя я и не разъ имѣлъ честь писать вамъ о немъ, но оно все-таки, быть можетъ, еще недостаточно извѣстно вамъ. Можетъ статься, и ваши товарищи оказываются въ этомъ дѣлѣ также недобросовѣстны, какъ мои. Въ рукахъ вашихъ находятся приказанія, доставленные вамъ полковникомъ Лазаревымъ, и именно депеша отъ 14 августа; между тѣмъ, въ вашемъ письмѣ отъ 22-го, вы не почтили меня ни словомъ ни о вашемъ отъѣздѣ, ни о послѣднихъ направленіяхъ двора, ни о *усоби* (подчеркнуто въ подлинникѣ) удовлетворенія, потребованнаго вами отъ кандійскаго паши. Молчаніе, котораго вы держитесь, графъ, оставляетъ меня въ невѣдѣніи о томъ, объяснились вы или не объяснились съ господами адмиралами на счетъ послѣднихъ распоряженій, и долженъ я или не долженъ объясниться на счетъ этихъ распоряженій съ господами послами. Наконецъ, послѣднее письмо, которое вы благоволили написать мнѣ, ставитъ меня въ жестокое задруденіе. Капитанъ *Сытинъ* получилъ приказаніе застать васъ либо въ Наваринѣ, либо въ Мальтѣ, а вы посылаете его сюда, чтобы взять мои депеши и депеши графа С. Между тѣмъ эти депеши слишкомъ важны и спѣшны, чтобы я могъ рѣшиться отстрочить доставку ихъ на неопредѣленное время. Я приказалъ предложить капитану Сытину идти прямо въ Анкону, въ случаѣ если бы онъ не засталъ вашего превосходительства въ Наваринѣ; но, не смотря на то, что онъ оставилъ Мальту лишь 12 дней назадъ, онъ отвѣтилъ, что у него достанетъ продовольствія только на двѣ или на три недѣли. Такимъ образомъ, мнѣ было невозможно воспользоваться этимъ случаемъ, и я нахожусь вынужденнымъ поручить мои депеши иностранному судну!

Вторая половина этого обширнаго письма какъ тономъ, такъ и направленіемъ своимъ вполне согласна съ приведенной выше выдержкой. Графъ Рибопьеръ съ удареніемъ указывалъ на малѣйшія упущенія офицеровъ эскадры графа Гейдена и заключалъ изъ нихъ, что графъ Гейденъ будто бы самъ возбуждалъ въ своихъ подчиненныхъ «чувство недовѣрія къ уполномоченному своего Государя!»...

42.

Графъ Рибопьеръ.

Буюкъ-Дере, ^{28 января.}
9 февраля.

Въ невѣдѣніи о томъ, занялъ я или еще не занялъ мой постъ, никто не пишетъ мнѣ, но я видѣлъ частное письмо, извѣщающее, — не допуская никакого сомнѣнія въ подлинности этихъ извѣстій, — что, предупреждая ваше желаніе, любезный графъ, Государь поручаетъ вамъ лично привести вашу прекрасную эскадру и сдать адмиралу Рикорду начальство надъ тою, которая останется здѣсь. Предупреждаю васъ объ этомъ рѣшеніи, дабы вы могли принять соотвѣтствующія ему мѣры.

Фельдмаршалъ объявилъ мнѣ, что хорошо было бы, если бы стоящіе здѣсь на якорѣ бригъ и фрегатъ дождались повелѣній Государя. Вслѣдствіе этого я задержу ихъ до полученія этихъ повелѣній.

Бутеневъ не согласился сдать команду надъ своимъ бригомъ. Онъ говоритъ, что такъ какъ фрегатъ останется здѣсь, то ему не на чѣмъ будетъ выѣхать отсюда. Не вмѣшиваюсь въ это, потому что это не мое дѣло. Въ случаѣ если, вслѣдствіе сообщеннаго мною вашему сіятельству рѣшенія, вы оставите Грецію, то я попрошу васъ пригласить адмирала Рикорда сохранять, для рейсовъ брига, условленный между нами порядокъ.

Примите и проч.

43.

Д е-Р и н ь и.

Смирна, 7 марта.

Любезный адмиралъ,

Сейчасъ узнаю весьма прискорбную для меня новость: мнѣ пишутъ изъ Константинополя, что г. де-Рибопьеръ отправилъ вамъ приказаніе вашего двора возвратиться въ Россію, и что здѣсь останется Рикордъ. Знаю, что вы сами того желали. Но не могу не жалѣть, что это желаніе такъ скоро исполнилось! Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы мы вмѣстѣ окончили то, что вмѣстѣ начали. Надѣюсь, однако же, что извѣстіе ложно.

Здѣсь ничего новаго. Рейсъ-эффенди смѣненъ; но это не имѣетъ особеннаго значенія. Гордонъ получилъ отъ своего двора годовомойку по дѣлу о *блондинкѣ* (подчеркнуто). Ничего больше мнѣ не извѣстно....

44.

Д е - Р и н ь и.

Съ корабля «Conquérant», 31 іюня 1830 года.

Любезный адмиралъ,

Я не допустилъ бы, чтобы президентъ *) уѣхалъ одинъ, если бы мнѣ не было предписано сегодня кровопусканіе.

Прежде чѣмъ разстаться съ вами официально, позвольте повторить вамъ выраженіе моего сожалѣнія. Для меня было бы очень драгоцѣнно, если бы вы остались товарищемъ моимъ до окончанія общей задачи. Но такъ какъ Государю вашему угодно рѣшить иначе, то возвращайтесь же въ свое новое (adoptif) отечество. Надѣюсь, что васъ встрѣтитъ въ немъ соотвѣтствующій вашимъ заслугамъ пріемъ; васъ напутствуютъ туда мои пожеланія, любезный графъ, и я льщу себя надеждой, что вы сохраните и тамъ какое-либо воспоминаніе объ искренно преданномъ вамъ, и проч.

45.

Графъ Рибопьеръ.

Буюкъ-Дере, 20 августа.

Любезный графъ,

Я получилъ письмо, которое вы сдѣлали мнѣ честь написать мнѣ при вашемъ отъѣздѣ изъ Мальты, и, чтобы благодарить васъ за него, я ожидалъ лишь вашего возвращенія въ Петербургъ.

Не хочу терять ни одной минуты, чтобы засвидѣтельствовать вамъ мою благодарность за сохраненную вами обо мнѣ память и просить васъ о продолженіи мнѣ ея.

Вы ознаменовали себя блестящею дѣятельностью, ваше имя связано неразлучно съ самыми великими современными событіями, вы заслужили общую любовь, васъ ожидаютъ одобреніе вашего Государя и плоды вашихъ благородныхъ трудовъ. Всему этому,

*) Каподистрія, президентъ греческаго правительства.

любезный графъ, радуюсь я впередъ и искренно желаю вамъ успѣха, здоровья и долговѣчія.

46.

Д а н д о л о *)

Вѣна, 14 декабря 1830 года.

Господинъ адмиралъ,

Чрезвычайно жалѣю, что былъ принужденъ оставить Архипелагъ не простившись съ вами и не попросивъ васъ сохранить мнѣ мѣсто въ вашихъ воспоминаніяхъ.

Преградившіе мнѣ входъ въ Эгинскую бухту противные вѣтры, а также необходимость завернуть въ Навплию, гдѣ я имѣлъ удовольствіе видѣть вашего сына, перевернули всѣ мои планы и обманули мои надежды. Я хотѣлъ писать вамъ, чтобы напомнить вамъ обо мнѣ и просить васъ сохранить мнѣ вашу дружбу. Объ васъ говорилось, то что вы находитесь въ Греціи, то что вы уже на пути, чтобы возвратиться въ гавани Имперіи. Все это задержало меня, такъ какъ я не могъ рѣшить, куда адресовать вамъ письмо.

По прибытіи сюда, вашъ посоль увѣрилъ меня, что вы морскимъ путемъ уже слѣдуете въ Кронштадтъ; газеты извѣстили меня затѣмъ и о вашемъ прибытіи туда. Вслѣдствіе того спѣшу, любезный адмиралъ, поздравить васъ съ лестнымъ и благосклоннымъ пріемомъ, оказаннымъ вамъ Императоромъ и который свидѣлствуетъ, что Онъ вполне оцѣняетъ ваши отличныя заслуги и наградить васъ по достоинству.

Прошу васъ сохранить мнѣ ваше уваженіе и дружбу, почтить меня порученіями въ Венецію и принять увѣреніе въ уваженіи и привязанности, съ коими, и проч.

*) Начальникъ австрійской эскадры. Его венеціанское происхожденіе отзывается на его французскомъ письмѣ страшными грѣхами противъ правописанія и слога.

47.

Г е н к е р е н ь .

С.-Петербургъ, 7 марта (23 февраля) 1831 г.

Нидерландскій министръ въ Россіи, извѣщая Гейдена о полученіи письма его съ приложеніемъ 100 флориновъ на монументъ, воздвигаемый Ванъ-Спейку, прибавляетъ:

„Какъ Голландецъ, горжусь письмомъ, которымъ вы меня почтили—доказательствомъ, что высокое самоотверженіе нашего молодого моряка возбудило удивленіе въ этой столицѣ, произвело живое впечатлѣніе въ русскомъ флотѣ и заслужило одобреніе одного изъ знаменитѣйшихъ его вождей. Вся наша морская рать будетъ польщена, графъ, видя въ числѣ подписчиковъ на монументъ Ванъ-Спейка имя адмирала, происшедшаго изъ нашего отечества и окруженнаго такою славой“.

Извлеченія изъ книги

„Memoir of the life of Admiral Sir E. Codrington“. (Биографія адмирала Кодрингтона).

Въ письмѣ къ Каннингу, отъ 26 сентября 1827 г., Кодрингтонъ говоритъ между прочимъ (т. I, стр. 22):

„Что касается опасеній за русское вліяніе, то несомнѣнно, что свободная Греція никогда ни потребуеъ поддержки Россіи, ни подчинится ея деспотизму... Кромѣ того, вчера я натрубилъ въ уши Ибрагимова драгомана, что ловко пристроивъ Россію къ договору, тѣмъ самымъ устранили ея притязанія на большее противъ другихъ союзныхъ державъ вліяніе“.

Изъ письма сэръ Эдварда къ женѣ, отъ 30 сентября (т. I., стр. 27), видно, что де-Риньи предоставлялъ свои корабли въ распоряженіе Кодрингтона (стр. 32).

Сэръ Эдвардъ Кодрингтонъ къ Мустафѣ-бею.

Ея британскаго величества корабль *Азія*, противъ входа въ Лепантскій заливъ, 2 октября 1827 года.

„Сэръ, его свѣтлость Ибрагимъ-паша далъ свое честное слово французскому адмиралу и мнѣ, въ присутствіи своихъ офицеровъ и съ ихъ согласіемъ, что ни одно изъ судовъ турецкаго флота не оставитъ Наваринскій портъ безъ нашего позволенія. Онъ нарушилъ это обѣщаніе, и я уже не положусь болѣе на честное слово ни его самого и никого изъ офицеровъ подъ его командою. Суда, находящіеся здѣсь подъ командою Мустафы-бея, не могутъ вновь войти въ Наваринскій портъ и ни въ какой другой европейскій портъ по эту сторону Дарданеллъ“.

Изъ донесенія Кодрингтона адмиралтейству.

Занте, 10 октября 1827 г.

5 ч. пополудни. Ко мнѣ только что прибылъ изъ Корфу „Alacrilу“*) съ извѣстіемъ, что сегодня утромъ онъ встрѣтилъ семь рус-

*) Стр. 39.

скихъ военныхъ вымпеловъ на западъ отъ острова. Я послалъ „Talbot“ съ письмомъ, въ которомъ прошу графа Гейдена быть такъ любезнымъ—встрѣтить меня предъ Навариномъ.

Кодрингтонъ женѣ.

Мнѣ очень нравится мой новый товарищъ (графъ Гейденъ); это прямодушный человѣкъ, готовый, даже слишкомъ, довести дѣло до конца. Онъ говоритъ, что если бы не имѣлъ такихъ положительныхъ предписаній идти въ Мессину, то пошелъ бы въ Мальту и двѣ недѣли тому назадъ уже былъ бы здѣсь. Въ Портсмутѣ онъ пробылъ всего три дня, зашелъ туда случайно, не зная о своемъ дальнѣйшемъ назначеніи, застисъ привизією и прочимъ для плаванія.

Направить человѣка въ Мессину—въ пунктъ, всего менѣе отвѣчающій цѣли! А вѣдь онъ писалъ, предлагая Мальту...

Р. S. Наше письмо къ Ибрагиму принесли назадъ нераспечатаннымъ; его лгунъ-драгоманъ говоритъ, будто никто не знаетъ, куда онъ дѣлся; но я увѣренъ, что завтра же онъ найдется, если только вѣтеръ позволитъ намъ бросить якорь борть о борть съ его судами.

Кодрингтонъ лэди Понсонби.

18 октября 1827.

Мой русскій товарищъ приходится мнѣ болѣе по вкусу, чѣмъ другой (де-Риньи); онъ готовъ повсюду быть со мною и во всемъ дѣйствовать рука въ руку. Де-Риньи тоже хорошъ, но въ немъ нѣтъ выносливости, которая сдѣлалась отличительной принадлежностью морской службы со времени послѣдней войны и необходима для нашей настоящей задачи.

Протоколъ союзныхъ адмираловъ передъ Навариномъ.

18 октября 1827 г.

Исчерпавъ всѣ мѣры замиренія и убѣжденія, видя что всѣ представленія, клонящіяся къ тому чтобы положить конецъ неслыханнымъ доселѣ жестокостямъ, встрѣчаютъ со стороны Мегеметъ-Али одинъ лишь какъ бы насмѣшливый приемъ,—адмиралы рѣшили стать въ Наваринскомъ заливѣ въ боевую позицію съ тѣмъ, чтобы

возобновить Ибрагимъ-пашѣ предложенія, очевидно клонящіяся, по своему соотвѣтствію съ духомъ Лондонскаго договора, къ пользамъ самой же Порты.

Инструкція о расположеніи соединеннаго флота въ Наваринской бухтѣ.

Азія предъ Навариномъ, 19 октября 1827 года.

Кажется, что египетскіе корабли, на которыхъ находятся французскіе офицеры, болѣею частью стоятъ въ заливѣ къ югу-востоку, поэтому я желалъ бы, чтобъ его превосходительство контръ-адмиралъ кавалеръ де-Риньи поставилъ свою эскадру рядомъ съ ними. Такъ какъ непосредственно слѣдующее затѣмъ непріятельское судно есть линейный флагманскій корабль, то я предполагаю поставить рядомъ съ нимъ *Азію* съ *Генуей* и *Альбіономъ* вслѣдъ за нею. Я желалъ бы, чтобъ его превосходительство контръ-адмиралъ графъ Гейденъ былъ такъ любезенъ—расположилъ свою эскадру *вслѣдъ* за британскими линейными кораблями. Русскіе фрегаты въ этомъ случаѣ могутъ заняться турецкими судами, слѣдующими по линіи за русскими линейными кораблями; англійскіе же фрегаты стануть о бокъ съ тѣми турецкими судами, которыя могутъ находиться на западной сторонѣ гавани рядомъ съ британскими линейными кораблями; французскіе фрегаты расположатся подобнымъ же образомъ относительно фрегатъ турецкихъ и. т. д., въ рядъ съ французскими линейными кораблями.

Если успѣютъ суда, то до начала враждебныхъ дѣйствій со стороны турецкаго флота они должны ошвартовиться. Ни одно орудіе соединеннаго флота не должно давать ни одного выстрѣла безъ особаго сигнала,—развѣ выстрѣлъ послѣдуетъ съ какого нибудь турецкаго судна: въ такомъ случаѣ открывшее огонь оттоманское судно подлежитъ немедленному уничтоженію. Корветы и бриги обязаны, по указаніямъ командира *Дармутта* капитана Филовса, отстранять брандеры на разстояніе, на которомъ они были бы безвредны.

Въ случаѣ сраженія и неизбѣжнаго при томъ переполоха,—держаться словъ Нельсона: „Тотъ капитанъ не погрѣшитъ, который поставитъ свой корабль о бокъ съ непріятельскимъ“.

Вице-адмиралъ Эдуардъ Кодрингтонъ.

Интересенъ отвѣтъ, данный Рейсъ-эффенди драгоманамъ пословъ трехъ союзныхъ державъ 30 октября 1827 г.

Рейсъ-эффенди отвѣчалъ между прочимъ:

„Блистательная Порта постоянно объявляла, что она никогда не допустить вмѣшательства другихъ въ свои дѣла. Блистательная Порта не измѣняетъ своихъ рѣшеній; какъ она уже объявляла, такъ объявляетъ и теперь, что до самаго суднаго дня она никогда не допустить никакого посторонняго вмѣшательства“. (Т. II, стр. 550).

Отзывъ о де-Риньи и Гейденѣ.

Въ рапортѣ о Наваринской битвѣ Кодрингтонъ отозвался о де-Риньи и Гейденѣ, что бой ихъ былъ „удивителенъ и высокопримѣренъ“ (стр. 73).

Кодрингтонъ писалъ графу Гейдену изъ Наварина, 23 октября: „Сэръ,—когда ваше превосходительство почтили меня добровольнымъ поставленіемъ себя и своей эскадры подъ мое начальство, вы дали мнѣ тѣмъ право думать, что я принимаю на себя значительную за нея отвѣтственность. Вотъ я и пользуюсь своими правами, дабы выразить вамъ, съ какимъ великимъ удовольствіемъ взираю я на ваши распоряженія въ бою 20 октября.

„Ничто не можетъ сравниться съ вашимъ управленіемъ судами; нахожденіе ваше подъ моимъ начальствомъ въ этой кровавой и губительной битвѣ навсегда пребудетъ однимъ изъ самыхъ горделивыхъ воспоминаній моей флотской жизни.“

Въ своей запискѣ о Наваринскомъ дѣлѣ сэръ Эдвардъ рассказываетъ, что первымъ посѣтившимъ его послѣ битвы былъ графъ Гейденъ. „Размѣнявшись поздравленіями, онъ сказалъ мнѣ, что чувствовалъ потребность, не теряя времени, сдѣлать мнѣ извѣстными молодецкое поведеніе капитана Ла-Бретоньера, который такъ поставилъ Breslau, что заслонило *Aзовъ* отъ значительной доли непріятельскаго огня, въ которомъ этотъ корабль находился. Если принять въ соображеніе непріязнь, существовавшую между моряками обѣихъ націй (русскою и французскою), свидѣтельство графа дѣлаетъ особенную честь его чувствамъ“.

Каковы бы тамъ ни были взаимныя предубѣжденія двухъ контръ-адмираловъ, русскаго и французскаго, во всякомъ случаѣ оба они довѣряли англійскому и оба были расположены поддерживать своего вождя всѣми силами.

Суда всѣхъ трехъ націй во время боя безразлично помогали другъ другу тамъ, гдѣ требовалось. Герои, доблестно исполнявшіе свой долгъ, радостно провозглашали заслуги своихъ товарищей по оружію.

Гейденъ Кодрингтону.

Азовъ. Валетская бухта, 8-го ноября 1827.

Г. адмираль, обязательное и слишкомъ лестное письмо, которымъ ваше превосходительство почтили меня послѣ боя 8-го (20) октября, составляетъ документъ, навсегда запечатлѣвшійся въ моемъ сердцѣ, и будетъ наслѣдіемъ моихъ сыновей. Кто въ этотъ памятный день не исполнилъ бы своей обязанности, адмираль, имѣя передъ глазами примѣръ хладнокровія и мужественной отваги, подаваемый *Азією* на который развѣвался вашъ доблестный флагъ!

Счастливѣйшимъ днемъ моей жизни почитаю тотъ, въ который я могъ показать себя морякомъ на испытаніи предъ англійскимъ адмираломъ,—героемъ морей, великодушнѣйшимъ изъ союзниковъ и враговъ.

Гейденъ Кодрингтону.

Азовъ, $\frac{3}{15}$ апрѣля 1828 года.

Любезный и достойный адмираль, ваша вчерашняя привѣтливая записка и присоединенный къ ней драгоцѣнный подарокъ проникаютъ меня признательностью, которую никакія слова не въ состояніи выразить. Счастливый вашею дружбою, гордый вашимъ уваженіемъ, получаемаго отъ васъ доказательства того и другаго сохранию я въ своемъ сердцѣ. Вы великодушно и радушно приобщаете меня, любезный адмираль, къ своей воинской славѣ, даря меня тою самою звѣздою, предъ которою поблѣднѣлъ полумѣсяцъ.

Съ гордостью украшу ею свою грудь

.

Де-Рини Кодрингтону.

(Безъ числа).

.... Русскій кабинетъ настойчиво склоняетъ Лондонъ и Парижъ принять предложенія 29 декабря въ томъ, что касается договора, и въ такомъ случаѣ его частныя претензїи на Порту не будутъ отдѣлены отъ его содѣйствія вообще достиженію цѣлей договора.

Капо д'Истрія настоятельно требуетъ помощи. Изъ Парижа мнѣ еще ничего не сообщили въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе я снабдилъ его нѣсколькими боченками пороха, такъ какъ у него не оставалось болѣе ни одного заряда. Гейденъ получилъ, повидимому, разрѣшеніе въ этомъ смыслѣ. Генераль Гильемино даетъ мнѣ знать, что Лондонская конференція опредѣлила границею Коринѣскій перешеекъ, но это состоялось до русскаго манифеста. Нѣтъ сомнѣнія, этотъ манифестъ чрезвычайно искусенъ; глупость Турокъ способствовала тому. Однако, не слѣдуетъ забывать, что частныя обвиненія, которыя изводитъ Россія—результатъ договора 6 іюля, а не Аккерманскаго, слѣдовательно мы не можемъ оставаться равнодушными къ новымъ затрудненіямъ и къ выводимымъ Россіею изъ нихъ требованіямъ

Де-Рини Кодрингтону.

Тридентъ, Мило, 4 апрѣля 1828 г.

Любезный адмиралъ, понимаю всю затруднительность положенія, въ которое ставитъ васъ молчаніе вашихъ министровъ: вы и я, мы связаны тѣмъ неудобствомъ, что наши поступки могутъ попасть на обсужденіе публики. Гейденъ можетъ дѣлать, что хочетъ: русская печать его не тронетъ. Я посылалъ въ Корфу, полагая, что три представителя уже собрались тамъ. Извѣстія же отъ 31 отъ графа Гильемино извѣщаютъ, что онъ еще одинокъ и не получилъ (равно какъ и я) ни одного слова отъ нашихъ министровъ, изъ чего я заключаю, что Лондонъ и Парижъ пришли, пожалуй къ соглашенію, только не знаютъ еще, что именно хотятъ предпринять. По моему мнѣнію, нота графа Нессельроде откровенна; онъ предлагаетъ даже довольно дѣльные мѣры, но!!!

Если объявленіе Россіею войны Турціи состоялось, оно, вѣроятно, основано на ея частныхъ неудовольствіяхъ; должно признаться,

что Турки доставили Русскимъ оружіе противъ себя; они очевидно рассчитывали, что Франція и Англія останутся въ сторонѣ, по меньшей мѣрѣ. Должно же все это чѣмъ-нибудь кончиться! . .

Де-Рини Кодрингтону.

Conquérant, 5 мая 1828 г.

По моимъ парижскимъ извѣстіямъ, Меттернихъ обрабатываетъ въ Англіи вашихъ министровъ, клоня къ уничтоженію договора. Лондонскій и парижскій кабинеты, повидимому, не однихъ мыслей въ этомъ отношеніи. Вопросъ, нарушила ли его съ своей стороны Россія, предъявивъ частныя претензіи къ Турціи,—у васъ склонны рѣшать утвердительно; у насъ же говорятъ, что до тѣхъ поръ, пока Россія не оставила какое-либо изъ условій договора безъ исполненія,—заранѣе обвинять ее нельзя. Лично я полагаю, что лорду Веллингтону нуженъ предлогъ, чтобы избавиться отъ наслѣдства Каннинга. Инструкции же мои отсылаютъ меня къ прежнимъ инструкціямъ, то-есть я долженъ, *не вступая въ военныя дѣйствія*, препятствовать доставленію турецкихъ подрѣзанныхъ въ Морею. Въ Парижѣ все-таки убѣждены, что министры рѣшаютъ держаться договора.

Де-Рини Кодрингтону.

Conquérant, у Модона, 10 іюня 1828 г.

Вчера я встрѣтилъ „Deligente“, она везетъ изъ Тулона въ Эгину французскаго агента, который заявитъ свой офиціальнй характеръ по прибытіи вашего агента, и прибудетъ къ грекамъ лучше, чѣмъ со своимъ агентствомъ—съ деньгами. Повидимому, ваше министерство затрудняется поступить подобнымъ же образомъ, и въ этомъ отношеніи я его одобряю, потому что въ концѣ концовъ всѣ эти деньги могутъ обратиться въ субсидію Русскимъ. Что до тѣхъ суммъ, которыя они сами даютъ,—они съумѣютъ получить ихъ по трактаку съ Турокъ.... Во Франціи же филантропія въ такой модѣ, что наши министры принуждены были бросить 500,000, чтобы ихъ не заставили поплатиться милліонами.

Де-Риньи Кодрингтону.

Conquérant, Вурла, 19 мая 1828.

Повидимому у Модона произошло недоразумѣніе по поводу турецкаго корвета, задержаннаго Trident'омъ, въ ту самую минуту, какъ показалась русская эскадра. Капитанъ Trident'a полагалъ, что, бросивъ провизію въ море, онъ можетъ отпустить корветъ, думая, что его схватятъ русские. Это то самое судно, которое уже не пустилъ разъ Warspite. Оно возвратилось въ Сюдь (Sude), и тамъ передало находившіеся на немъ сорокъ тысячъ таларисовъ австрійской военной гозлетѣ, которая доставила ихъ Ибрагиму. Вы видите, что господа австрійцы продолжаютъ свое.—Напишу Дандоло. Гейденъ сказалъ мнѣ, что онъ силою воспротивится входу австрійскихъ военныхъ судовъ въ Модонъ. У меня въ этомъ отношеніи нѣтъ инструкцій, слѣдовательно я и не могъ ничего приказать капитанамъ Trident'a и Iphugénie. Кажется мнѣ, что присутствіе Русскихъ помѣшало Албанцамъ изъ Корона исполнить ихъ первоначальное намѣреніе, что довольно естественно. Такимъ-то образомъ по временамъ могутъ возникать недоразумѣнія, возбуждающія нѣкоторое недовѣріе.

Изъ записки о событіяхъ, предшествовавшихъ Наваринскому дню, диктованной Э. Кодрингтономъ своей дочери въ октябрѣ 1838 г.

По оставленіи мною Занте, послѣ дѣла у Патраса, ко мнѣ присоединилась русская эскадра. Гр. Гейденъ тотчасъ же посѣтилъ меня на кораблѣ *Азія*, прибывъ туда выѣсть съ русскимъ дипломатомъ Катакази; я сразу увидѣлъ въ графѣ прямодушнаго, открытаго человѣка, что побудило меня откровенно сообщить ему о предстоящемъ намъ долгѣ. Онъ весьма хорошо говоритъ по-англійски, прибѣгая иногда къ французскому языку, если находитъ въ немъ ближе выражающее его мысль слово. Я спросилъ, могу ли отнестись къ его спутнику (Катакази) съ тѣмъ же довѣріемъ, съ какимъ предполагаю отнестись къ нему самому. Онъ отвѣчалъ утвердительно, сообразно съ чѣмъ и шли наши дальнѣйшія совѣщанія. Останавливаясь на этомъ обстоятельствѣ, потому что впоследствии, болѣе сблизившись съ графомъ, я высказалъ ему мое

удивленіе, какъ онъ, морякъ, привезъ съ собою дипломата, чтобы толковать съ собратомъ-морякомъ. Онъ отвѣчалъ, что спутникъ его официально посланный вмѣстѣ съ нимъ для представленія доклада Императору, самъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ промежъ моряковъ, и прежде еще говорилъ графу: „Que peut-on faire avec ces matins anglais?“ На это графъ отвѣчалъ, что по его убѣжденію отъ встрѣтить во мнѣ человѣка искренняго и открытаго. А для доказательства г. Катакази вѣрности своего отзыва, онъ и воспользовался первымъ же случаемъ насъ познакомить. Возвратившись на *Азовъ*, г. Катакази не разъ выражалъ удивленіе моею общительности по всѣмъ предметамъ нашего обсужденія и отсутствію во мнѣ всякой скрытности, *agrieere pensée*.

По прибытіи де-Риньи (изъ Занте) и соединеніи французскихъ и англійскихъ линейныхъ кораблей, я распорядился, чтобы корабли шли въ двѣ линіи. Моею цѣлью было при этомъ держать отдѣльно Русскихъ и Французовъ, очевидно нерасположенныхъ другъ къ другу.

Оба адмирала (де-Риньи и Гейденъ) охотно встрѣчались у меня на *Азии*, но ни тотъ, ни другой не былъ, кажется, расположенъ посѣтить одинъ другаго, на его кораблѣ.

Въ той же запискѣ Кодрингтонъ говоритъ, что, заручившись согласіемъ обоихъ адмираловъ изготovitъся на всякій случай къ битвѣ, по выходѣ ихъ изъ каюты онъ остался одинъ съ полковникомъ Крадокъ и воскликнулъ: „Вотъ задача! Могу ли я положить на дружное содѣйствіе этихъ двухъ лицъ, когда они одушевлены такою взаимною ревностью, что, право, кажется также охотно сдѣпились бы другъ съ другомъ, какъ и съ оттоманскими силами!“

Боевой порядокъ, предложенный Кодрингтономъ для вступленія въ Наваринской заливъ, главнымъ образомъ и обусловился тѣмъ, чтобы англійскую эскадру помѣстить между французскою и русскою, для предупрежденія возможности какой нибудь непріятной случайности между ними; этимъ объясняется и перемѣшавшая суда извѣстнымъ образомъ его инструкція.

Впечатлѣніе Наварина на кабинетъ.

Лордъ Инджестръ 20 ноября 1827 г. такъ описываетъ Кодрингтону впечатлѣніе, произведенное Навариномъ на англійскій кабинетъ:

(Стр. 139). Дѣло вызвало, повидимому, величайшее удивленіе и ни въ комъ не пробудило его въ такой степени, какъ въ министрахъ ея величества. Мнѣ говорили, что все это имъ не нравится, что вы поторопились, и т. д.

(Ст. 147). Сэръ Эдвардъ получилъ отъ своего государя орденъ Бани большого креста, а французскій король пожаловалъ ему военный орденъ св. Людовика большого креста, русскій Императоръ—рѣдкое отличіе—Георгія 2-й степени при собственноручномъ письмѣ Николая Павловича.

Графъ Гейденъ выразился, что если англійскій флагманскій корабль потерпѣлъ неисправимыя аваріи, то онъ предложить одинъ изъ русскихъ линейныхъ кораблей флагу англійскаго главнокомандующаго. (Стр. 147).

Сэръ Эдвардъ отвѣчалъ; „Я никогда не забуду рѣдкой любезности, предлагающей мнѣ поднять мой флагъ на русскомъ кораблѣ.“

Изъ мѣръ, предпринятыхъ для осуществленія договора, *совершенною неожиданностію* для его величества было столкновеніе въ Наваринскомъ портѣ между флотами договорившихся державъ и Оттоманской Порты. Не взирая на доблесть, обнаруженную соединеннымъ флотомъ, его величеству прискорбно, что суждено было случиться такому столкновенію съ морскою силою стариннаго союзника Англіи; но его величество все же довѣрчиво уповаетъ, что это нежелательное событіе не будетъ сопровождено дальнѣйшими враждебными дѣйствіями и не помѣшаетъ несогласіямъ между Портою и Греціею уладиться миролюбиво.

Въ преніяхъ по поводу этой рѣчи Лордъ Голландъ сказалъ: могу лишь скорбѣть объ употребленіи слова „*неожиданность*“ по поводу Наваринской битвы. Если этимъ выраженіемъ хотять сказать, что Наваринскій бой послужить помѣхою независимости Грековъ, то не могу согласиться, чтобы оно было употреблено

кстати и справедливо; я думаю, что эта битва содѣйствуетъ освобожденію Греціи и ускоряетъ его, она также шагъ—и великій шагъ „къ умиротворенію Европы“.

Премьеръ *герцога Веллингтона* сказалъ:

Словомъ „неожиданность“ хотѣли сказать, что событіе, о которомъ идетъ рѣчь, было неожиданнымъ, было несчастнымъ событіемъ. Смыслъ этого слова слѣдующій: въ договорѣ, который еще не предъявленъ палатѣ и поэтому не можетъ подлежать обсужденію, хотя каждый изъ насъ его знаетъ, стоитъ однимъ изъ условий, что осуществленіе договора, по возможности, не должно вести къ враждебнымъ дѣйствіямъ: вотъ почему, когда примѣненіе договора на практикѣ *привело* къ враждебнымъ дѣйствіямъ,—то былъ результатъ, котораго правительство не предусматривало и которое, поэтому, оно вправѣ назвать „неожиданнымъ“.

Лордъ *Россель* выразился такъ: „Я рѣшительно того мнѣнія, что эта блистательная побѣда была необходимымъ результатомъ Лондонскаго договора; кромѣ того, я полагаю, что это была одна изъ самыхъ *честныхъ* побѣдъ, одержанныхъ оружіемъ какой либо державы отъ начала міра“.

Лордъ *Морпетъ*:

Министры могли бы выбрать какое нибудь другое выраженіе относительно побѣды, исполнившей радостью сердце каждого приверженца свободы. Слово „неожиданность“ невѣрно и несправедливо, это одинъ изъ самыхъ оскорбительныхъ и изношенныхъ эпитетовъ, которымъ только могли снабдить министровъ ихъ поиски въ словарѣ англійскаго языка.

Въ письмѣ къ генералъ-адмиралу, герцогу Кларенскому, Кодрингтонъ писалъ (28 фев. 1828 г.):

„Я ошибся въ своемъ ожиданіи, что Порты покорится послѣ Наваринской битвы, но я, конечно, рассчитывалъ, что будутъ приняты и мѣры побужденія ея къ тому. С. Каннингъ говорилъ капитану Гамильтону, что битва не имѣла никакого вліянія: напротивъ, никогда къ замѣчаніямъ пословъ не были такъ внимательны въ Константинополѣ, какъ именно по полученіи извѣстій о ней.“

Кодрингтонъ Гейдену.

Мальта, 13 апрѣля 1828.

Любезный товарищъ и собратъ по оружію, не выпущу васъ изъ Мальты, не высказавъ вамъ удовольствіе, которое я всегда находилъ въ вашемъ обществѣ и въ сердечномъ согласіи, созданномъ между нами взаимнымъ уваженіемъ, основаннымъ на взаимномъ выполненіи повелѣній нашихъ союзныхъ государей. Съ величайшею радостью принимаю вашъ дружескій подарокъ—звѣзду, присвоенную славному ордену св. Георгія, которымъ почтилъ меня вашъ Государь. Побуждаемый одушевляющимъ васъ чувствомъ, я уже готовился, при первомъ частномъ извѣстіи о назначеніи васъ и нашего товарища де-Риньи командорами ордена Бани, тоже поднести вамъ звѣзду часто носимыхъ мною орденскихъ знаковъ. То обстоятельство, что они украшали грудь, которую согрѣваетъ искреннее уваженіе къ вамъ, не уменьшитъ въ вашихъ глазахъ, увѣренъ я, ея цѣну.

Прошу принять увѣреніе, любезный адмиралъ, въ искренней и вѣрной дружбѣ.

Гейденъ Кодрингтону.

(Въ извлеченіи).

17 (29) мая 1828.

Любезный адмиралъ, сію минуту прибылъ ко мнѣ Годефруа (фелдъегерь) съ извѣстіемъ объ объявленіи войны и съ инструкціями, которыя имѣю честь препроводить вамъ, адмиралъ. Безъ сомнѣнія вы усмотрите изъ нихъ, что нашъ Государь поступаетъ со всевозможною сдержанностью, и что наши отношенія касательно блокады остаются по прежнему. А я постараюсь не подавать союзнымъ судамъ, блокирующимъ вмѣстѣ съ нами морейскіе порты, ни единого повода къ зависти (*jalousie*) или неудовольствію. Я приказалъ г. Свинкину обо всемъ уговариваться съ капитаномъ Парверомъ, который, полагаю, будетъ командовать вашею блокадою, и во всемъ слѣдовать его желаніямъ и распоряженіямъ. Надѣюсь, адмиралъ, что вы меня одобрите

Извѣстія изъ Модона передаютъ, что чума тамъ свирѣпствуетъ и что Ибрагимъ, избѣгая опасности, сѣлъ на военное судно въ Наваринѣ. Быть можетъ, это обстоятельство благопріятствуетъ послѣднему ультиматуму со стороны трехъ адмираловъ въ совокупности.

Французы ежеминутно ожидаютъ высадки въ Мореѣ войскъ, посланныхъ изъ Тулона. Такъ какъ они не скрываются, и такъ какъ особый комиссаръ закупаетъ провіантъ, то надобно полагать, что высадка условлена съ прочими державами. Однако, графъ Каподистрія ничего о ней не знаетъ, что, разумѣется, повергаетъ его въ затруднительное и непріятное положеніе.

Бродвикъ Гейдену.

Mauley Lodge, близъ Эксмута, 25 мая 1828 г.

Любезный графъ, чтобы показать вамъ, въ какой мѣрѣ я цѣню вашу дружбу и вашу память, отвѣчаю на ваше письмо, не теряя ни одной минуты. И право, я не умѣю описать живое удовольствіе, съ которымъ получилъ вѣсть о васъ. Наваринское дѣло само по себѣ способно возбудить особенный интересъ во всякомъ, кто съ нѣкоторымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ европейскихъ отношеній. Этотъ интересъ еще увеличенъ участіемъ, принятымъ вами въ битвѣ. Пожатые вами лавры составляютъ для меня не наименьшее обстоятельство этого блистательнаго сраженія. Къ довершенію радости—вы возвратились цѣлы и невредимы. Съ самаго начала я былъ восхищенъ тѣмъ, что мои соотечественники съ вами имѣли дѣло, какъ съ начальникомъ союзной морской дивизіи. Съ этой минуты я былъ твердо увѣренъ, что касательно добраго согласія между начальниками—все пойдетъ хорошо, по крайней мѣрѣ между русскою и англійскою эскадрами. Подай-то Господи, чтобы согласіе продолжало царствовать и между нашими дворами, но такъ какъ вещи этого рода зависятъ отъ зловреднаго вліянія Меттерниховъ и всего этого дипломатическаго порожденія (*eng-eance de cabinet*), утѣшаю себя, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что наша дружба не потерпитъ ни отъ политическихъ ссоръ дворовъ, ни отъ времени, ни отъ разстоянія.

.
Прощайте, мой милый, почти тридцатилѣтній другъ. Вѣрьте искреннѣйшему уваженію вашего весьма преданнаго друга.

Де-Рини Нодрингтону.

Conquérant, 1-го іюня 1828 г.

Любезный адмиралъ, хотя вотъ уже четыре мѣсяца я не получаю ни строчки изъ морскаго министерства, однако кажется—я менѣе связанъ своими министрами, чѣмъ вы вашими. Боюсь, что колебанія вашего кабинета отдаляютъ цѣль. Впрочемъ, Русскіе опережаютъ дипломатію.

Де-Рини Нодрингтону.

Conquérant, у Модона, 10 іюня 1828 г.

Любезный адмиралъ, я вижу что въ Парижѣ расположены ждать, чтобы Россія перешла за предѣлы своихъ обѣщаній прежде, чѣмъ порицать ее, а ваше министерство кажется болѣе пугливо. Между нами, оно само виновато. Изъ Египта я узнаю, что Мегеметъ-бей, который первоначально пренебрегалъ угрозами блокады, подлилъ воды въ свое вино: онъ даетъ понять, что надѣется скоро увидать своего сына и бросить Грековъ.

Де-Рини Нодрингтону.

Порось, 3-го іюля (1828 г.)

Я прибылъ сюда вчера. Графъ Гейденъ сообщилъ мнѣ полученныя имъ отъ двора повелѣнія. Изъ нихъ явствуетъ, что парижскій кабинетъ не считаетъ пользованіе правами воюющей стороны несомнѣстнымъ съ исполненіемъ договора,—поколикъ результаты принятаго Россією положенія не преступятъ условій договора и не перейдутъ за удовлетвореніе предъявляемыхъ петербургскимъ кабинетомъ претензій. Очевидно, однако же, что намъ должны быть присланы новыя инструкціи, или отъ Лондонской конференціи, если согласіе поддержалось, или отъ нашихъ правительствъ, если возникло разномысліе относительно вопроса, дѣйствительно очень сложнаго. Я еще ничего не имѣю, кромѣ подтвержденія слѣдовать прежнимъ инструкціямъ, пока въ Лондонѣ не установится соглашеніе на будущее время... Вы замѣтите въ документахъ, которые передастъ вамъ графъ Гейденъ, декларацію русскаго кабинета морскимъ державамъ относительно блокады и нейтральныхъ судовъ, основанную на его трактатѣ съ вами 1801

года. Изъ этого слѣдуетъ, что мы, не воюющіи стороны, не имѣемъ права задерживать нейтральныхъ; мы не воюемъ, мы не дѣлали установленной деклараціи. Мое мнѣніе объ этомъ предметѣ не подорвано инструкціями 16 октября: онѣ не создаютъ права, и я не могъ сдѣлать положительнаго распоряженія о задержаніи какихъ бы то ни было нейтральныхъ судовъ. Останавливать ихъ словами,—сколько угодно; но если военное судно, австрійское или иное, спросило бы „по какому праву?“—я не напелся бы, что отвѣчать.

Ваши офицеры передаютъ вамъ о происхожденіи и о здѣшнемъ положеніи. Боюсь, что намъ самимъ придется создавать эту Грецію, ибо гдѣ она—не вижу. Забавно, что приходится платить этимъ молодцамъ, дабы они сражались за свое собственное дѣло, и еще платить имъ, чтобы они не разбойничали на морѣ,—а вѣдь подлинная картина такова, и она одна вѣрна съ подлинникомъ!

Гейденъ лэди Нодрингтонъ.

Порось, 26 іюля (7 августа) 1828.

Милэди, адмиралъ просилъ меня снять копію съ двухъ бумагъ и прислать ему въ Мальту. Пользуюсь этимъ случаемъ—не для выраженія участія, которое я принимаю въ имѣющей постигнуть насъ потерѣ (ибо вамъ достаточно извѣстны мои чувства къ адмиралу), но чтобы просить васъ, милэди, нисколько не огорчаться. Конечно, все это очень непріятно для него, для васъ и для вашихъ добрыхъ и милыхъ дѣтей, но вашъ мужъ сходитъ съ прищипа окруженный такою славой и столь любимый и уважаемый всѣми, кто имѣлъ честь его знать... А для героя и философа, или лучше сказать для героя съ сердцемъ, можетъ ли быть лучшая награда, особенно въ службѣ, какъ уваженіе и любовь храбрыхъ Англичанъ, которыми онъ командовалъ ведя къ славѣ, и Русскихъ и Французовъ, тоже пожавшихъ лавры подъ его началомъ и соперничающихъ съ его соотечественниками въ изъявленіи ему своей признательности: словомъ, всѣхъ побывавшихъ съ нимъ въ сношеніи? А наконецъ, рыцарская пріязнь къ нему юнаго Монарха, качествами своими являющагося первымъ Монархомъ въ Европѣ,—и который безвинно былъ, можетъ быть, главною причиною его отзыва, такъ какъ *дипломатическое* министерство не въ состояніи

понять, ни въ себѣ, ни въ другихъ, безкорыстнаго удивленія и привязанности, безъ примѣси эгоизма и политическихъ видовъ. Друзья ваши посѣтятъ васъ съ заявленіемъ своихъ чувствъ къ адмиралу; мы, Русскіе и Французы, мы будемъ по временамъ *стѣлать* въ васъ письмами, освѣдомляясь о вашемъ здоровьи, о томъ, что вы подѣлываете. Да я и льщу себя надеждою быть когда-нибудь вашимъ проводникомъ по Петербургу, куда вы должны пріѣхать, милэди, чтобы насладиться высокими качествами нашей Царской фамиліи и уваженіемъ всей Россіи къ адмиралу.

Прощайте, my dear lady Codrington. Прошу васъ вѣрить, что мое уваженіе и дружба къ вамъ и вашей милой семьѣ кончатся лишь съ моею жизнью.

Гейденъ Нодрингтону.

(Безъ числа).

Мы, любезный адмиралъ, другъ друга никогда ни забудемъ, и отъ имени всѣхъ моихъ капитановъ и офицеровъ могу сказать вамъ слѣдующее: всѣ мы до послѣдняго живо тронуты вашимъ отъѣздомъ, и всѣ, возвратившись въ Россію, разнесемъ свидѣтельство о нашемъ почтеніи къ вамъ и уваженіи.

Въ бумагахъ сэръ Эдварда сохранился слѣдующій записанный имъ разговоръ съ герцогомъ Веллингтономъ (т. II, стр. 441):

Герцогъ. Непріязнь! Даю вамъ слово, что ни я самъ, и никто другой изъ членовъ правительства, ни само оно въ своей политической совокупности никогда не испытывало къ намъ ничего, хоть сколько нибудь похожаго на неприянь. Нѣтъ служащаго, къ заслугамъ и образу дѣйствій котораго я питалъ бы большее уваженіе.

Сэръ Эдвардъ. Въ такомъ случаѣ ваша свѣтлость позвольте спросить что за причина моего смѣненія?

Герцогъ. Вы кажется расходились со мною и моими товарищами въ истолкованіи вашихъ инструкцій, и я увидѣлъ что дѣло у насъ не сложится.

Сэръ Эдвардъ. Я истолковывалъ себѣ данныя мнѣ инструкціи по ихъ очевидному смыслу, какъ истолковывали ихъ и мои товарищи Адамъ, Понсонби, здравый смыслъ которыхъ и разсудительность вамъ хорошо извѣстны, какъ понималъ ихъ и графъ Гильемино, единственный изъ пословъ, къ которому мы могли на мѣстѣ

обращаться за указаніями. Такъ лишь, не иначе я и могъ дѣйствовать. Если бы ваша свѣтлость или одно изъ трехъ союзныхъ правительствъ, съ которыми мнѣ приходилось вести дѣло, предписало мнѣ иначе понимать данныя мнѣ инструкціи, я конечно не замедлилъ бы принять это предписаніе въ руководство.

Герцогъ. Прекрасно! А все же я понимаю ихъ такъ какъ понималъ сначала.

Сэръ Эдвардъ. И я понимаю ихъ такъ какъ *понималъ сначала*. Позвольте же спросить вашу свѣтлость, въ чемъ собственно мы расходимся?

Герцогъ. (*Помолчавъ*). Вы извините меня!!! (То-есть, этого я вамъ не скажу).

Сэръ Эдвардъ. (Дѣлаетъ низкій поклонъ, беретъ шляпу и готовится уйти).

Герцогъ. Если когда нибудь посѣщая Лондонъ, вы пожелали бы передать мнѣ что нибудь въ дополненіе нашего разговора, я буду очень радъ васъ видѣть.

Сэръ Эдвардъ. Извините меня, ваша свѣтлость, но если вы не чувствуете себя въ состояніи отвѣтить на такой простой вопросъ, мнѣ нечего болѣе сказывать и лишнее было бы снова беспокоить вашу свѣтлость... (*Съ этими словами сэръ Эдвардъ вышелъ*).

Кодрингтонъ женѣ.

Петербургъ, 22 сентября 1830 года.

Мы прибыли сюда 18-го. Государь въ это самое утро уѣхалъ на недѣлю, что насъ очень опечалило. Въ Ревелѣ мы провели время съ очень милымъ семействомъ губернатора, барона Будберга. Если бы вы видѣли вниманіе, которымъ меня окружили, вы были бы довольны. Не будъ я связанъ иными узами, я согласился бы на предложеніе всѣхъ, кого здѣсь ни встрѣчалъ, провести здѣсь зиму. Говорятъ, что Гейденъ въ Категатѣ, и его ежедневно ожидаютъ въ Кронштадтѣ. Жена его милая, благообразная старушка прекраснаго тона; она очень рада меня видѣть. Меньшой ихъ сынъ—красивый молодой товарищ—морякъ пріятнаго обращенія; я просилъ его быть нашимъ чичероне. Съ Крузенштерномъ, который служилъ мичманомъ у сэръ А. Копрена, я чувствую себя совсѣмъ дома.

Разсказавъ о приемахъ въ разныхъ петербургскихъ домахъ, сэръ Эдвардъ продолжаетъ:

Я чувствовалъ въ себѣ много львиного до достиженія Георгіевской звѣзды, здѣсь на меня обращено такое вниманіе, что мнѣ самому казалось бы страннымъ проходить незамѣченнымъ, какъ это случается дома. Но я и старъ и не тщеславенъ: буду очень радъ вернуться въ нашъ маленькій домашній кружокъ, гдѣ навѣрное съ большимъ удовольствіемъ вспомню о теперешнемъ путешествіи. Мое несносное плечо все отравляетъ мои удовольствія, вѣроятно виною тому дурная мостовая и экипажи, которые къ тому же ѣздятъ ужасно быстро.

Мы два раза слышали Зонтагъ. Когда она поѣтъ во дворецъ, ей платятъ 800 и 900 фунтовъ стерлинговъ. Она по царски увѣшана брилліантами. Право, лучше быть иностраннымъ пѣвцомъ, чѣмъ англійскимъ адмираломъ.

Въ сентябрѣ 1830 года, сэръ Э. Кодрингтонъ отправился со своимъ старшимъ сыномъ въ С.-Петербургъ, для представленія Императору Николаю Павловичу, отъ котораго онъ въ 1827 и 28 годахъ неоднократно получалъ знаки милости. Въ письмахъ оттуда къ своей женѣ, сэръ Эдвардъ подробно излагаетъ какъ свое путешествіе, такъ и встрѣченный имъ приемъ.

Кодрингтонъ пріѣхалъ въ Петербургъ 18 (6) сентябрѣ. Въ это время Императора не было въ столицѣ. Вотъ какъ описываетъ сэръ Эдвардъ свое свиданіе въ Царскомъ Селѣ съ Императоромъ.

С.-Петербургъ, пятница, 24 сентябрѣ 1830.

Императоръ прибылъ въ Царское Село, и въ тотъ же день князь Ливень, по желанію Государя, написалъ записку, которою пригласилъ Вилля *) и меня обѣдать и ночевать на воскресенье, 26-го. Въ 2 часа мы отправились, а въ 3 насъ, разодѣтыхъ въ парадное платье, послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, взялъ за руки князь Волконскій оберъ-камергеръ; служитель отворилъ ближайшую къ намъ дверь, приглашая войти.... У самой двери, прежде чѣмъ я успѣлъ осмотрѣться, моя рука была схвачена точно старымъ другомъ, и я услышалъ самое искреннее привѣтствіе. Такъ какъ всѣ, кого доводилось мнѣ встрѣчать здѣсь, говорили мнѣ тѣ же лестные комплименты, которыми сопровождался и этотъ радушный приемъ, то я и отвѣчалъ моему неизвѣстному другу обыкновенными фразами, кстати спросивъ его, дѣйствительно ли въ Россіи обычай,

*) Старшаго сына Кодрингтона, Вильяма.

какъ я слышалъ, представляться въ перчаткахъ, что противно нашему обыкновенію. Мнѣ отвѣчали въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ, чтобъ я дѣлалъ какъ мнѣ хочется. Затѣмъ послѣдовалъ вопросъ: „Comment trouvez-vous mes cadets sous Krusenstiern?“ Этотъ вопросъ объяснилъ мнѣ, чья рука съ такимъ привѣтливимъ радушіемъ жала мнѣ и Виллю руку. Но въ надеждѣ, что моя ошибка не замѣчена, я, безъ стѣсненія, перешелъ прямо на „Ваше Величество“ и сталъ лишь почтительнѣе въ манерахъ.

Поговоривъ съ нами очень любезно минутъ двадцать, Государь сказалъ: *Mais attendez un moment, je desire vous presenter ma vieille femme* (мою старушку жену). И вышелъ изъ комнаты. Императрица немедленно появилась, одѣтая уже къ обѣду, въ прекрасномъ уборѣ изъ большихъ аквамариновъ и великолѣпныхъ брилліантовъ. Ея *abord* (обхожденіе) было очень привѣтливо, но въ немъ проглядывала застѣнчивость.

Что касается до любезностей, которыми она меня осыпала, то не рѣшаюсь повторить ихъ; скажу вамъ только: чтобъ имѣть о нихъ понятіе, вообразите себѣ все, что вы сами насказали бы мнѣ, если бы были на ея мѣстѣ. Потомъ они вышли, кто-то пришелъ и провелъ насъ въ огромную ротонду, гдѣ я былъ представленъ великимъ князьямъ, великимъ княгинямъ, и такъ далѣе. Опять меня засыпали любезностями: „рады меня видѣть“, „надѣются, что я здѣсь останусь“, „какое удовольствіе мой пріѣздъ доставилъ Государю и Императрицѣ“, и проч.—я просто могъ возгордиться.

Вскорѣ ихъ Величества вошли въ гостинную и, поговоривъ съ нами очень ласково, направились въ столовую, гдѣ помѣстились рядомъ. Родные ихъ сѣли возлѣ нихъ, меня же посадили напротивъ ихъ, между двумя особами въ большихъ парикахъ.

Вали находился немного подалѣе, направо, около того великолѣпнаго чичероне, который былъ съ нами на пароходѣ, генерала *Fredericki*. За обѣдомъ Ихъ Величества очень часто обращались ко мнѣ (вѣроятно, оттого меня и посадили напротивъ ихъ) и были такъ спокойно милы и добры, что я почувствовалъ себя какъ дома. Государь говоритъ немного по-англійски, Императрица тоже, но понимаетъ, я думаю, лучше. Я послѣдовалъ системѣ Гейдена употреблять въ разговорѣ то англійское, то французское слово, какъ мнѣ казалось удобнѣе, и безъ особенныхъ

затрудненій справлялся, по выраженію Понсонби, и съ тѣмъ и съ другимъ.

Что до обѣда, то онъ былъ чѣмъ обыкновенно бываютъ такіа трапезы: нарядная обстановка, вкусныя кушанья, громкая музыка.

Насъ было не менѣе 70 или 80 человекъ. За столомъ оставались не долго, потомъ перешли въ гостинную, гдѣ разбились на небольшіе кружки. Насъ предупредили, что въ 8 часовъ начнутся танцы. Я былъ очень радъ освободиться отъ своей брони (?) и въ особенности отъ тяжелой шпаги. Мы немного прогулялись до обѣда съ княземъ Ливеномъ, а послѣ обѣда сдѣлали большую прогулку en bourgeois съ нашимъ другомъ Фредерици(комъ?). Передъ облаченіемъ въ бальное платье, намъ подали въ нашихъ комнатахъ чай. Ихъ Величества держали себя очень просто и очевидно старались, чтобы всѣ чувствовали себя какъ дома. Императрица танцевала, полагаю, всѣ танцы: она, кажется, очень любитъ это удовольствіе. Она часто говорила со мной, Государь также нерѣдко обращался ко мнѣ самымъ ласковымъ образомъ и представилъ меня своему сыну, одному изъ самыхъ хорошенькихъ двѣнадцати-лѣтнихъ юношей какихъ только я когда либо видѣлъ. Государь особенно поражалъ своей мужественною красотою, его же *старушка-жена* очаровывала своею женственно-изящною наружностью и манерами: въ ней столько величавой миловидности, а это, на мой взглядъ, выше красоты. Танцевала она мазурку (такъ русскіе называютъ котильонъ) со всѣми безъ различія и со всѣми же ходила полонезъ, на туръ котораго очень любезно пригласила также и меня. Въ полонезѣ я принялъ участіе раза три, столько же, сколько и самъ Государь. Васъ изумляютъ танцы въ воскресенье? Вы думаете, что лучше бы избрать для этихъ удовольствій другой день? Но вы согласитесь, что такіе монархи, которые стараются расточать вокругъ себя столько счастья, сколько отъ нихъ зависитъ, не теряютъ Господней милости изъ-за того, что не соглашутся во всемъ съ нами.

Среда, 30 сентября 1830 г.

Вчера я снова возвратился въ Кронштадтъ. Государь пожелалъ, чтобы Ливень сопровождалъ насъ въ Петергофъ, гдѣ мы должны были встрѣтить Императора и отправиться вмѣстѣ съ нимъ на пароходъ въ Кронштадтъ. Мы подѣхали къ лодкѣ, которая ожи-

дала насъ въ каналѣ противъ дворца. Вскорѣ пожаловалъ Императоръ. Онъ привѣтливо пожалъ намъ руку и поздоровался съ княземъ Ливеномъ, графомъ Толстымъ, адмираломъ Грейгомъ и двумя-тремя другими лицами. Всѣ присутствующіе были безъ касокъ и шиагъ, въ обыденной формѣ. Государь быстро вошелъ въ лодку, сѣлъ на руль и взялся за него. Онъ пожелалъ, чтобы я занялъ мѣсто по срединѣ, прямо противъ него. Я сконфузился. „Ісі“, говорилъ онъ, „садитесь сюда“. Я не переставалъ конфузиться и лишь понемногу подвигался къ указанному мѣсту. А онъ все повторялъ „ісі“ своимъ милымъ ласковымъ голосомъ до тѣхъ поръ, пока я не очутился на адмиральскомъ мѣстѣ, прямо передъ нимъ. Усѣвшись, я признался ему, что очень неловко находиться къ нему спиной. Сперва мы шли на веслахъ, потомъ, когда каналъ расширился, подняли парусъ. Государь самъ отдавалъ приказанія, командуя также умѣло, какъ настоящій морякъ. И цѣлый день онъ несъ обязанность командира. Впослѣдствіи я выпросилъ позволеніе сѣсть удобнѣе, такъ чтобы имѣть возможность говорить съ нимъ: онъ съ улыбкою согласился. Передаю эти мелочныя подробности, чтобы познакомить васъ съ его обходительностью. Когда мы поднялись на пароходъ, онъ пригласилъ меня внизъ, показалъ мнѣ чашки, блюда, стаканы и прочую посуду, сдѣланную именно для его яхты, показалъ также мѣсто своей старушки-жены, свое собственное, замѣтилъ, что постель футомъ длиннѣе, чѣмъ нужно, на все обращалъ мое вниманіе, что доставило мнѣ большое удовольствіе.

Мы скоро прибыли въ Кронштадтъ, гдѣ сперва осмотрѣли только что пришедшее съ кругосвѣтнаго плаванія судно, потомъ одинъ за другимъ всѣ линейные корабли и одинъ фрегатъ. Одинъ изъ первыхъ носилъ имя Императрицы, и Государь, показывая его, называлъ его „моя жена“. Затѣмъ мы пристали къ берегу—познакомить меня съ Кронштадтомъ.

Забылъ передать, что до осмотра судовъ Государь показалъ мнѣ превосходную батарею. Я замѣтилъ ему при этомъ, „ваше величество обращаетесь со мною какъ со врагомъ, показывая мнѣ то, что ожидаетъ меня, если когда либо я попаду въ непріатели“. Онъ разсмѣялся и, взявъ меня за руку, сказалъ: „надѣюсь, что никогда не пошлутъ васъ съ такимъ порученіемъ; выберутъ кого нибудь

другаго.“—„Ваше величество можете быть увѣрены“, отвѣчалъ, я— „что я самъ откажусь отъ такого порученія, по двумъ причинамъ: по моей симпатіи къ Россіи и по убѣжденію, что мнѣ невозможно было бы исполнить порученіе—взять эту крѣпость.“

Въ Кронштадтѣ насъ ожидали экипажи; Императоръ пожелалъ, чтобы я ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ. Я направился было на лѣвую сторону, но Государь также взялъ на лѣво и, быстро войдя въ экипажъ, сѣлъ съ лѣвой стороны, такъ что я долженъ былъ перейти на другую сторону и сѣсть направо. Тогда онъ началъ показывать мнѣ съ весьма любезными поясненіями всѣ работы, городъ, „моихъ старыхъ друзей“—какъ онъ ихъ называлъ: *Азовъ, Іезекииль, Александръ Невскій, Гангутъ* и т. д. Послѣ того мы вернулись на яхту и превкусно пообѣдали. Государь сошелъ внизъ первымъ и вскорѣ позвалъ насъ; я засталъ его за столомъ—опять слѣва, и онъ посадилъ меня на почетное мѣсто, по правую руку, мы обмѣнялись взглядами, съ моей стороны возражающимъ, съ его—требующимъ... Я долженъ былъ покориться, и сѣлъ. По окончаніи обѣда, мы доѣхали до Петергофа, гдѣ, подавъ мнѣ руку и поклонившись другимъ, Государь вышелъ, отправляясь отсюда въ Царское Село съ своимъ адъютантомъ, молодымъ княземъ Суворовымъ, а мы поѣхали домой. Я и Ливенъ проспали всю дорогу. Судите о приѣмѣ, который оказалъ мнѣ государь; не удивительно, что такой же встрѣчаю я и во всѣхъ классахъ общества.

Нодрингтонъ женѣ.

18 октября 1830 г.

Сегодня я былъ въ Царскомъ, чтобы проститься съ Императрицей; завтра утромъ ѣду въ Кронштадтъ, оттуда въ ночь или 14 рано утромъ идемъ въ Любекъ. Государь хотѣлъ дать намъ праздникъ въ Царскомъ, но получивъ дурныя вѣсти изъ Москвы (тамъ началась холера) онъ немедленно отправился туда успокоить жителей: себя онъ не щадить, но ради семьи до возвращенія выдержать двадцати-одно-дневный карантинъ. Это большой подвигъ! Государь счастливъ въ своей семьѣ и разлука для него большое лишеніе. Если существуетъ на землѣ смертный, достойный быть неограниченнымъ властелиномъ, такъ это Императоръ Николай... И Господь

помогаетъ ему въ Его добродѣтельной жизни. Императрица видимо страдаетъ разлукой и не покойна...

Она приняла меня въ своей комнатѣ, окруженная дѣтьми; съ нею была и прехорошенькая фрейлина княгиня Урусова. Ея Величество тотчасъ обратила мое вниманіе на висѣвшій у нея на стѣнѣ мой портретъ и высказала сожалѣніе о моемъ отъѣздѣ.

Hamburg, 1 ноября 1830 г.

Мы покинули Петербургъ въ самый день Наваринской битвы. Я боялся, что не встрѣчусь съ нашимъ другомъ Гейденомъ, къ счастью случилось иначе. Гейденъ прибылъ въ Кронштадтъ 18-го вечеромъ, и князь Меншиковъ (по своему званію какъ бы нашъ старшій лордъ адмиралтейства) выѣхалъ на встрѣчу къ нему 19-го. 20-го ему было разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ, и Меншиковъ предоставилъ въ его распоряженіе Императорскую яхту. Я извѣстилъ его гдѣ нахожусь, онъ прислалъ за мной баркасъ, перевезти меня съ петербургскаго парохода на его адмиральскій корабль. Не правда-ли, странно, что я *уѣзжаю* изъ Петербурга, а Гейденъ *пріѣзжаетъ* сюда—въ день Наваринской годовщины!... Гейденъ приготовилъ мнѣ обѣдъ, меня встрѣтили всѣ Наваринскіе офицеры.... Мы пили за здоровье Государя, за здоровье трехъ адмираловъ-наваринцевъ.... Каждый тостъ сопровождался салютомъ. Безъ пушечной пальбы, но пили „ваше здоровье и всего вашего семейства“.

Когда я отвалилъ отъ „Владимира“ въ гейденовой адмиральской шлюпкѣ, меня салютовали 15-ю выстрѣлами. Потомъ я отправился на свой пароходъ, а онъ уѣхалъ въ Петербургъ, къ своей графинѣ, которую не видѣлъ 3 года 4 мѣсяца. Встрѣча наша была очень дружна, но очень коротка; оба мы спѣшили, но оба чувствовали, что никогда въ жизни другъ друга не забудемъ. Гейденъ много поработалъ, много пережилъ тяжелыхъ дней, не смотря на то, онъ глядитъ молодцомъ. Отъ друзей своихъ, Грейга и Крузенштерна, онъ узнаетъ мнѣніе о его достоинствахъ высказанное мною Государю. Меня осчастливить пріемъ и оцѣнка его по достоинству.

Нодрингтонъ женѣ.

(Извлеченіе).

26 іюля 1828 г.

Катакази разсказалъ намъ, что Императоръ Николай выказалъ такую черту характера, которая, до сихъ поръ, не была обнаружена ни однимъ русскимъ государемъ. Одно казачье племя (*Некрасовцы*), нѣкогда угнетаемое по поводу религіи, перешло въ турецкое подданство. Одинъ изъ казаковъ (атаманъ) получилъ отъ Порты сначала титулъ *аи*, а въ послѣдствіи даже *двухбунчужнаго паши*.

Когда Государь подошелъ къ Дунаю, казаки изъявили желаніе вновь перейти въ русское подданство. Чтобы показать имъ свое довѣріе, Государь переплылъ Дунай въ лодкѣ паши-казака, который самъ управлялъ ею.

Письма графа Панина Гейдену

(Переводъ съ французскихъ подлинныхъ рукописей).

1.

(Извлеченіе).

Наполи ди-Романія, 11 іюня 1829.

Графъ,

Изъ депеши генерала Поццо вы усмотрите, что впечатлѣніе произведенное захватомъ египетскихъ судовъ вовсе не ослаблено послѣдующими объясненіями. Впередъ легко будетъ избѣгать новыхъ комбинацій придерживаясь того образа дѣйствій, который вы для себя начертали. Впрочемъ, какъ ни досадны сами по себѣ возникшія сло-вопренія, они не уменьшаютъ право Императорскаго флота и лежащую на немъ обязанность—препятствовать проникновенію выходящихъ изъ Александріи морскихъ силъ въ Дарданеллы или въ какой бы то ни было иной пунктъ, откуда они могли бы доставить въ Константинополь войска или запасы.

Направившись, послѣ вашего крейсерства, къ Дарданелламъ, вы быть можетъ получите тамъ, графъ, подтвержденіе распространенныхъ здѣсь добрыхъ вѣстей о двойной побѣдѣ надъ Турками, на морѣ и на сушѣ. Во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, что вскорѣ мы получимъ изъ Константинополя важныя сообщенія.

Президентъ (Каподистрія) искренно тронутъ благосклоннымъ обращеніемъ Вашего Превосходительства, и я считаю себя счастливымъ, что могу служить посредникомъ добрыхъ послугъ съ одной стороны и чистосердечной признательности съ другой.

Примите, и проч.

2.

(Извлеченіе).

Эгина, 8/20 октября 1829.

Графъ, спѣшу воспользоваться представляющимъ случаемъ выразить вашему превосходительству до какой степени я признателенъ вамъ за постоянное правильное и частое сообщеніе мнѣ всѣхъ новостей. Я всегда сожалѣлъ, что не могъ ранѣе засвидѣтельствовать вамъ своей благодарности, ибо передаваемые вами свѣдѣнія много облегчили мнѣ выполненіе моихъ обязанностей относительно президента

Получено разрѣшеніе выдать президенту 500,000 франковъ: вообще министерство Полиньяка повидимому очень расположено къ нему.

Примите, и проч.

3.

(Извлеченіе).

Наполи ди-Романія, 22 февраля 1830 г.

Наскоро два слова. Мы очень рады запозданію депешъ изъ Петербурга, которое, вѣроятно, упрочить за нами счастье сохранить васъ. Говорю это именемъ президента, де-Руана, всѣхъ порядочныхъ людей этой страны, моряковъ обѣихъ эскадръ, и отъ себя, если позволите примкнуть къ нимъ

Примите, и проч.

4.

(Извлеченіе).

Наполи ди-Романія, 26 февраля 1830 г.

Графъ,

Мы получили объемистую связку бумагъ, но онѣ скорѣе объясняютъ прошлое чѣмъ отыскиваютъ будущее. Избраніе принца Леопольда—вѣроятно, но еще не состоялось окончательно

Президентъ благодаритъ васъ за уходъ за его пароходомъ. Онъ вообще въ добромъ расположеніи и спокойно ждетъ дальнѣйшія рѣшенія союзныхъ дворовъ.

Примите, и проч.

5.

(Извлеченіе).

Навплия, 4 марта 1830 г.

.....
Все спокойно; мы не имѣемъ еще никакого officialнаго извѣ-
стія объ избраніи будущаго монарха этой страны

Примите, и проч.

6.

(Извлеченіе).

Наполи ди-Романія, 21 марта 1830 г.

Графъ, такъ какъ вамъ не угодно, чтобы мы употребили всѣ уси-
лія для сохраненія васъ здѣсь, то президентъ ограничится засви-
дѣтельствованіемъ передъ Государемъ вашихъ достоинствъ, дабы
препоручить васъ Его Августѣйшему благоволенію. Что до меня,—
вліянія у меня не много, но могу предложить вамъ искреннѣй-
шую преданность.

Полагаю однако же, что вы не удалитесь до окончанія возложен-
ныхъ на васъ конференціею обязанностей, въ осуществленіи кото-
рыхъ вы обретете случай оправдать милости Е. И. В.

Если позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ,—уговариваясь съ вашими
коллегами, не беритесь идти одни въ Кандію или на Акарнанскій
берегъ. Лучше вамъ взять на себя Самось, а Рикордъ можетъ со-
путствовать Малькольму въ Акарнанію. Во всякомъ случаѣ, надѣб-
но настаивать, чтобы каждый отрядъ состоялъ изъ судовъ трехъ
націй. Кромѣ Акарнаніи, Крита и Самоса, вѣроятно, понадобится
отрядъ для Неопело и Скіато: внѣ сейчасть указаннаго условія,
благоразуміе требуетъ предоставить починъ въ этомъ отношеніи ва-
шимъ коллегамъ.

Вашъ приказъ Епаняину удивилъ меня, графъ, и огорчилъ. Я
былъ при томъ, когда вы завѣрили президента, что онъ можетъ
употреблять экипажъ *Александра Невскаго* на общественныя рабо-
ты. Прекращеніе этихъ работъ теперь произвело бы весьма дурное
впечатлѣніе. Однако не думаю, чтобы можно было потомъ употре-
бить людей на устройство дороги въ Аргось. По моему мнѣнію,
вашему превосходительству слѣдуетъ разрѣшить первыя работы и

запретить дальнѣйшія, предложивъ однако же капитанамъ и впередъ помогать всему, что можетъ быть предпринято въ самой Навплии.

Примите, и проч.

7.

(Извлечение).

Эгина, $\frac{29 \text{ августа}}{10 \text{ сентября}}$ 1830 г.

Графъ,

Со времени вашего отъѣзда, дьяволъ завладѣлъ Франціею (le diable s'est déchainé en France), и кто въ состояніи предвидѣть теперь, какой оборотъ примутъ тамошнія несчастныя обстоятельства! Отсюда вижу и слышу, какъ вы приняли эти отвратительныя вѣсти, не предвѣщающія намъ ничего добраго! Лично, быть можетъ, мнѣ не придется видѣть развязки, потому что нужно время для изглаженія слѣдовъ подобной бури. Твердая земля начинаетъ также волноваться какъ и вапа стихія. Нужны опытные кормчіе въ такихъ ураганахъ и—не звать на вахтъ *). Богъ вѣсть, что станется между тѣмъ съ здѣшнею странкою, ея временнымъ правительствомъ и ея миниатюрною временною дипломатіею.

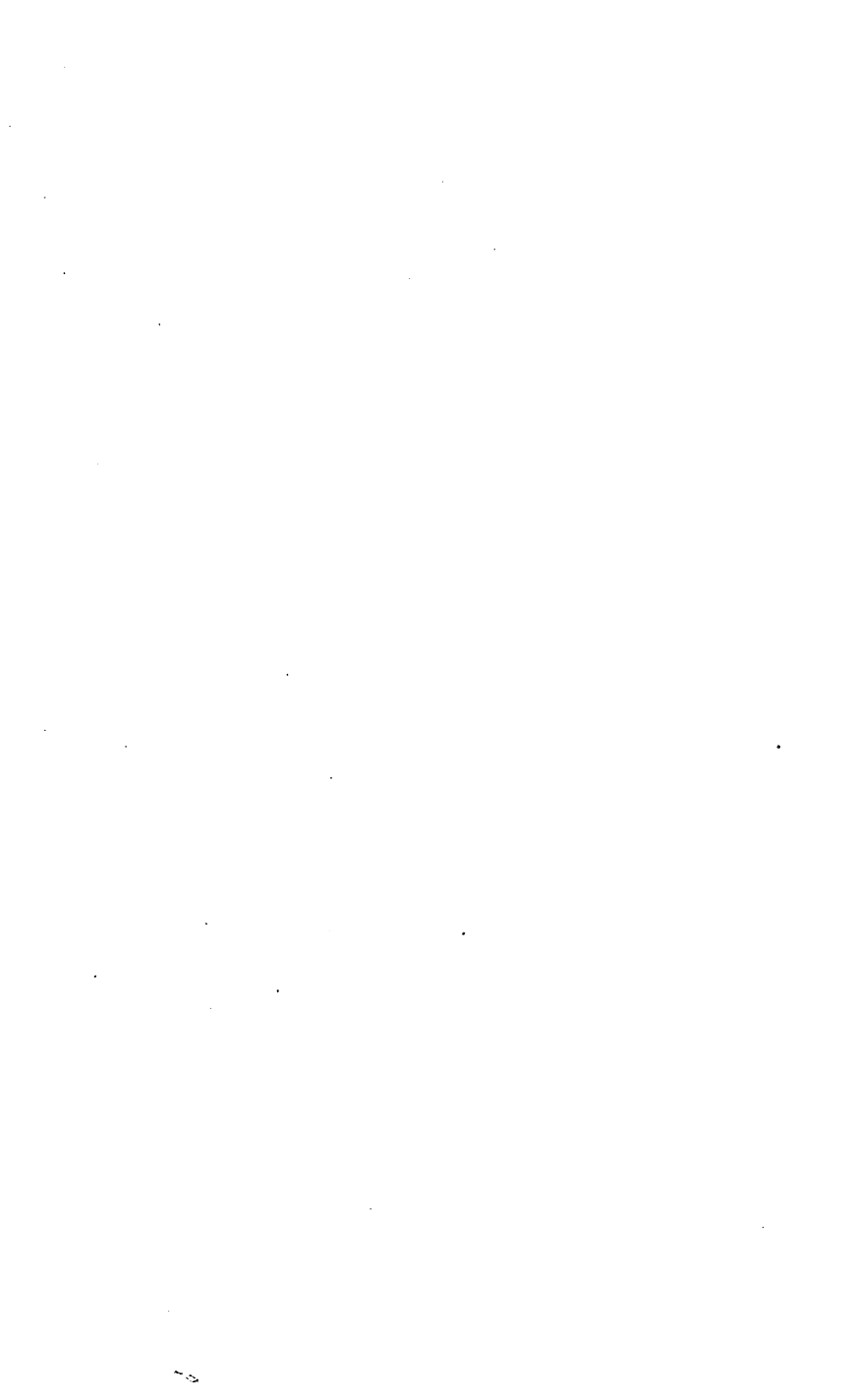
.....Де-Риньи часто навѣщаль меня, но онъ очень озабоченъ: питаетъ зависть къ Дюперре и не знаетъ, какъ поступать относительно дѣлъ своего отечества. Въ довершеніе всего, онъ страстно влюбился въ княгиню Караджа и сидѣлъ у нея по цѣлымъ днямъ, предпосылая своему посѣщенію подарки: куропатокъ и шампанское. Можете себѣ представить толки! Любви этой приписали политическій характеръ, и пошли всевозможныя сплетни! (имя неразборчиво) ухаживавшій за К. незадолго передъ тѣмъ, положилъ лѣво руля: тѣмъ не менѣе его замѣнили.... (неразборчиво), и онъ отправился съ *Армидой* искать утѣшенія у смирянскихъ красавицъ. Къ довершенію путаницы, къ Трезелю свалилась съ неба его жена, которую онъ заставляетъ обучаться верховой ѣздѣ. Рикордъ дер-

*) По-русски въ подлинникѣ.

жался въ сторонѣ ото всѣхъ этихъ сумасбродствъ
. Чистяковъ глупить по обыкновенію; фрегатъ его не дѣлаетъ ему чести. Жираръ вымуштровалъ сотни двѣ поликаровъ, выправилъ ихъ и одѣлъ въ красивый мундиръ; самъ онъ нарядился комедьянтомъ, а де-Мэзонъ говорить, украсилъ его великолѣпными рогами

Президентъ здоровъ и веселъ, но разумѣется очень обезпокоенъ послѣдствіями парижскихъ событій.

Прощайте, графъ, всѣ сожалеютъ о васъ, и проч.

Письма Крадока и Лайонса Гейдену.

Гобартъ-Крадокъ *) Гейдену.

Корфу, 29 апрѣля 1828 г. Дворецъ.

Любезный адмираль,

Я сейчасъ узналъ отъ графа Поццо ди-Борго, что вашъ Императоръ соблаговолилъ пожаловать мнѣ орденъ св. Анны 2-й степени съ брилліантами и что орденъ посланъ былъ на ваше имя. Такъ какъ я обязанъ вамъ этой наградой, то позвольте мнѣ и завѣрить васъ что я очень польщенъ такимъ вниманіемъ; я всегда съ гордостью буду вспоминать награду русскимъ орденомъ ради совмѣстной службы съ вашимъ превосходительствомъ. Вы конечно знаете, что приказано блокировать Александрію,—я всегда стоялъ за эту блокаду. Мы пребываемъ здѣсь безъ новостей и инструкцій отъ лондонскаго и парижскаго кабинетовъ. Г. Стратфордъ Каннингъ съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ никому ни строчки не написалъ, что положительно странно, и мы совсѣмъ игнорируемъ дѣйствія Рибоньера. Въ Парижѣ говорятъ, что Фероне замѣнить Ривьера въ качествѣ гувернера герцога Бордосскаго, который опасно боленъ. Но это еще не совсѣмъ вѣрно и пожалуй это не сбудется. Говорятъ также, что Веллингтонъ и Ливенъ не совсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но я надѣюсь, что и это несправедливо. Генераль Гильемино здѣсь очень въ неловкомъ положеніи.

Лайонсъ **) Гейдену.

Константинополь, 2 декабря 1829.

Любезный графъ,

Спѣшу послать вамъ письмо вашего сына, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться; могу сказать вамъ безъ всякой лести, что онъ очень красивъ и съ изящными манерами, а что всего важ-

*) Военный агентъ англійскаго правительства.

**) Командиръ англійскаго корабля «Блондъ»

нѣе—онѣ высоко цѣнимъ всеѣми своими товарищами. Къ сожалѣнію, я пріѣхалъ въ Николаевъ два дня послѣ отъѣзда оттуда адмирала Грейга. Какой великолѣпный портъ Севастополь! Какая красивая, процвѣтающая Одесса и какое адское Черное Море въ это время!!!

Прошу передать мой привѣтъ адмиралу Лазареву, и вѣрьте, дорогой адмиралъ, въ мои искреннія чувства...

Лайонсъ Гейдену.

Константинополь, 25 февраля 1830. Корабль „Blonde“.

Любезный адмиралъ,

Благодарю васъ за ваши письма, примите мое сердечное поздравленіе, по случаю скорого возвращенія въ вашу семью.

Вашъ Августѣйшій Монархъ, вѣроятно, окажетъ вамъ отмѣнный пріемъ, а каждый русскій съ радостью будетъ привѣтствовать возвращеніе офицера, который, не смотря на самую серьезную отвѣтственность, сумѣлъ такъ высоко поднять славу своего государства. Могу увѣрить васъ, дорогой адмиралъ, что гдѣ-бы вы ни были, всегда будутъ васъ сопровождать восторгъ и искреннее уваженіе каждаго англійскаго офицера, которому посчастливилось сблизиться съ Вами.

Вѣрьте, и проч.

Сказаніе о Наваринской битвѣ, изложенное Фруассаромъ.

(Подражаніе древнимъ хроникамъ, написанное послѣ Наваринскаго боя, и въ честь его, дочерью Кодрингтона.)

И такъ, нѣтъ у насъ хотѣнія откладывать долѣе описаніе и занесеніе въ лѣтопись прелевелаго и преславнаго боя при Наваринѣ (что произошло въ лѣто Господа нашего тысяча восемьсотъ двадцать седьмое, октября мѣсяца въ двадцатый день): ибо память о людскихъ подвигахъ проходить съ теченіемъ времени, каковое все мчится впередъ, никогда ни для чего не останавливаясь. И въ такомъ намѣреніи, желаемъ описать ту баталію вѣрно, понеже гораздо-лживо была, и лукаво, изображена недоброхотами и завистниками, въ помраченіе славы и чести доблестно въ ней сразившихся на послугу своему отечеству, во исполненіе его воли. Находилась же въ тѣ времена прекрасная Греческая страна въ тяжелой неволѣ у Турчанъ; а Турчане эти — коварные и жестокіе злодѣи, и чрезмѣрно угнетали они тотъ злополучный народъ, обращая ихъ въ рабовъ своихъ съ тяжкимъ удрученіемъ, безо всякой пощады умерщвляя ищущихъ освобожденія. И всѣ европейскія племена возмущались при видѣ столь прекрасной Греческой стороны (что классической страной была и здравле прославившись опытностью въ наукахъ, искусствомъ въ воинскомъ дѣлѣ, равно-какъ и мудростью прѣвыше всѣхъ народовъ) при видѣ ея въ загонѣ, порчѣ и опалѣ у того самаго сквернаго турецкаго племени.

Вотъ три набольшихъ народа Европы, аглицкій, галльскій и русскій, сложили союзъ и договоръ да предпринимуть удаленіе тѣхъ напастей; и для того отправилъ каждый изъ нихъ морскую рать хорошо снаряженную и уготованную, подъ началомъ каждая морскаго адмирала, надежнымъ почитаемаго. Надо всѣми же поставленъ аглицкій адмиралъ, понеже испоконъ вѣка Англія слыла госпожею моря, — каковою и пребудетъ, да!

Теперь повѣдаемъ вамъ о нихъ наилучшимъ манеромъ, ибо знаемъ о нихъ и по личному вѣдѣнію и по бѣгущей славѣ. Были то: адмиралъ аглицкій, прозваніемъ мессиръ Эдуардъ Кодрингтонъ, высокъ, прямъ, статенъ и привѣтенъ, мужъ дѣла и совѣта. Въ ту пору глава его была обнажена и волосъ лишена, впротчемъ видъ имѣлъ вѣло благородный, осанкою величавый. Обожденіемъ также блисталъ, и вѣжливостью и всѣмъ что добраго витязя отличаетъ былъ снабженъ достаточно. Былъ то графъ Гейденъ, морской адмиралъ за Россію, такой добрый человекъ какого не бывало, сердцемъ мягокъ, ликомъ веселъ и пріятенъ, обходителенъ и открытъ, всякому внушавый пріязнь и довѣріе, отчего каждый его любилъ. Весьма былъ отличаемъ и по-

читаемъ своимъ Государемъ, полагавшимъ великую вѣру въ его знаніе, — и показалъ адмиралъ черезъ малое время, что заслуженное имѣлось о немъ понятіе. Не можемъ въ точности вамъ передать, каковъ былъ собою и обхожденіемъ кавалеръ де-Риньи, адмиралъ галльскаго короля, ибо никогда его не зрѣли, каковое обстоятельство весьма намъ непріятно; но бѣгущая слава, быстро текущая и вдалѣ, всюду повѣдала, что былъ онъ храбръ и честенъ, и нарочито богатырскаго духа.

Вотъ подулъ аглицкому адмиралу вѣтеръ попутенъ, и столько онъ по морю проплылъ, что доплылъ въ тѣ моря, которыя на Восходѣ отъ Средиземнаго; да и прослышалъ тамъ, что Ибрагимъ-Бакинъ уйдя заперся въ крѣпкое мѣсто прозваніемъ Наваринъ. Какъ эта вѣсть дошла, держалъ онъ совѣтъ съ собою, говоря: — „Какъ этотъ Бакинъ уже въ Наваринѣ, то выпустить его не могу, а такъ запру, что моремъ ему не выйти и въ Александрію не уйти“. Былъ же тотъ Ибрагимъ-Бакинъ сынъ Мегемета-Али, Бакина Египетскаго, что въ союзѣ и подданствѣ турецкаго Салтана; и отрядилъ тотъ Али своего сына покорить Морю тому Салтану. Поплылъ аглицкій адмиралъ въ Наваринъ, поплылъ одинъ, затѣмъ что русскій адмиралъ еще не подошелъ (ибо Руссія отдаленная страна есть), адмиралъ же галльскій моря переплывалъ, и гдѣ онъ, того никто не зналъ. Вотъ вступилъ адмиралъ Кодрингтонъ съ Бакиномъ въ переговоры, и такъ его уговорилъ, что обѣщалъ Ибрагимъ-Бакинъ послать къ Салтану гонца, свѣдать какъ ему въ ту пору поступить (гонцу же быть назадъ въ двадцатый день); и еще обѣщалъ въ весь тотъ срокъ перестать гоненіемъ на греческихъ людей, и что ни ему, ни его подначальнымъ не выходить ни ради какихъ причинъ изъ Наваринской бухты.

Такъ установивъ, пошолъ адмиралъ въ Занте, островъ весьма оттуда не подалеку, чтобы не было ни даже малато подобія недовѣрія къ Бакину, да и требовалось подправить свою галеру. Черезъ малое время какъ онъ тамъ былъ, приходять къ нему *Dartemoutte*, фрегатъ что поставили передъ Навариномъ, доглядѣть что дѣлаетъ Ибрагимъ, — и показываетъ знаками, выходить де Египтяне изъ бухты, а уходить на Полуночь. Рѣшилъ адмиралъ, что нечестное это дѣло такъ рушить договорное слово, и пошолъ онъ навстрѣчу тому флоту, выговорить ему жестоко; и такъ пригрозилъ и устранилъ, что обѣщалъ турецкій адмиралъ назадъ идти. Только въ ночь, когда такая была тяжесть и буря что всѣ галеры поразметавъ разнесло, этотъ скверный Бакинъ, самъ сидѣвшій на своей морской рати, мня не провѣдаетъ-де того аглицкій начальникъ, уплылъ на Полуночь, къ городу къ Патрасу, набрать припасовъ и запасовъ сколько вужно, какъ изъ того города водилось... И такъ, смотрите какой безвѣрный и безчестный былъ этотъ коварный Бакинъ, и какое онъ мерзкое дѣло учинилъ, и тѣмъ нарочито дказалъ, каково онъ лживъ, лукавъ, двоедушенъ, недостойнъ вѣры!

Но оступился въ своемъ хотѣнціи, ибо за нимъ пошолъ аглицкій адмиралъ, и догналъ его въ Патрасъ какъ тотъ уже вошолъ въ заливъ прозваніемъ Лепантскій. А въ тѣ поры было у адмирала четыре галеры, только и всего: скажемъ вамъ имена ихъ, понеже достойны памяти мужествомъ своимъ въ такой подвигъ. И во-первыхъ, *Asie*, большая распрекрасная галера, во всей исправности, ея же самъ адмиралъ заправлялъ и на ней на бизань-мачтѣ прелестный свій свой флагъ адмиральскій имѣлъ: была та галера великая и неподобная батарея, потому стояло на ней 84 большихъ пушки; а команду имѣлъ капитанъ Курзонъ. Вторымъ дѣломъ — *Dartemoutte*, крѣпкій

и славный фрегатъ, тотъ что поименованъ былъ выше, а капитаномъ на немъ мессиръ Томасъ Фелловесъ. Дальше—Talbot, фрегатъ невеличка, но проченъ и силенъ, командира звали мессиромъ Фредерикомъ Спенсіеромъ, знатной отменно отличной въ морскомъ дѣлѣ фамиліи. На послѣдокъ же бригъ прозваніемъ Zèbge, малюточка прехорошенькій, подъ началомъ мессира Шарлеса Коттона, который былъ юнъ да удалъ и нарочито склоненъ прославившись произойти въ чины.

Говорю вамъ, что было то благородное дѣло и богатырскій починъ — съ четырьмя галерами, ни единою больше, да этапъ предстать морской рати того Ибрагима, въ каковой было галеръ цѣлыхъ шестьдесятъ. И показалъ тутъ адмираль что довѣсть ему писаться въ гербовыхъ знакахъ какъ онъ писался: «Vultus in hostem», что по нашему значить: «Ликомъ ко врагу»; ибо хотя не объявленный былъ врагъ, а на волоскѣ висѣло, что тотъ Ибрагимъ возьметъ сокрушить эти четыре галеры. Послалъ къ нему аглицкій адмираль посланіе жестоко и грозно; и вычиталъ, какое онъ предательское и вѣроломное дѣло учинилъ, слово свое нарушивъ; и приказалъ ему возвратиться въ Наваринъ, пригрозивъ, буде одинъ-единственный разъ выпалитъ изъ пушки супротивъ аглицкой хоругви, покончить съ нимъ, и потопить его и всю его рать морскую.

Вотъ, изумленъ и озадаченъ толикою смѣлостью, тотъ трусишка Бакинъ со своими тремя адмиралами и всею своею ратью, на попятный; и поворотилъ отъ этихъ четырехъ аглицкихъ галеръ. Смотрите, какой великій срамъ то былъ и робость побѣжать такъ, ровно стадо овновъ передъ стаей волковъ!

Большую честь отъ того получили адмираль съ четырьмя галерами, ибо славный и отличный подвигъ содѣяли въ тотъ день, бывшій 4-мъ днемъ октября лѣта Благости тысяча восемьсотъ двадцать седьмого.

Когда же Ибрагимъ-Бакинъ воротился въ Наваринъ, то будучи коваренъ и жестокъ, сталъ рыскать, портить, въ опалу повергать ту страну; и толико кралъ и грабилъ, что греческій злосчастный людъ съ голоду мѣръ, поядая злаки. А какъ въ ту пору уже прибыли два адмирала, галльскій и россійскій, то держали всѣ трое совѣтъ, и въ бесѣду вступили, и размыслили другъ съ другомъ: и усмотрѣли что не приличествуетъ того сносить. И послали адмиралы Ибрагиму-Бакину писаніе за тремя руками и за ихъ печатью, поставляя ему то на видъ. Но какъ Ибрагимъ былъ лукавъ, то не воззрѣлъ онъ на писаніе, и его не раскрылъ, но назадъ обратилъ не взломавъ печатей, а толмачъ его повѣстилъ, никому-де не вѣдомо гдѣ тотъ Бакинъ пребываетъ. Признали адмиралы то худымъ и безстыднымъ, и собрались всѣ втроемъ на галеру *Asie*, подержавъ совѣтъ рѣшить, какъ имъ жестокому ибрагиму опустошенію греческой страны конецъ положить и наилучше Лондонскую договорную грамоту исполнить. И нашли промежъ себѣ три способа то совершить, а изъ трехъ согласились въ одномъ, почитая его способнѣйшимъ. Былъ же этотъ способъ тотъ, чтобы войти имъ, тремъ адмираламъ со своими галерами, въ Наваринскій портъ, да тамъ самимъ переговорить съ Бакиномъ, давая толкъ ему кикъ и почему то содѣяно. Напередъ же чѣмъ въ портъ войти, дали приказъ по всѣмъ по галерамъ какъ имъ быть на случай злое и лихое приключится, и каждый своими распорядился, гдѣ мѣсто держать, и что если произойдетъ баталія, и при пушкахъ чтобы были ядра и пороховое зелье. Учинили же то изъ двухъ причинъ, каковыя вамъ передадимъ: понеже вѣло былъ хулимъ аглицкій адмираль, старшій изъ трехъ, что де такъ нельзя

когда еще миръ. И первая причина, та прописана стоитъ въ Морскихъ Указахъ, что николи ладіѣ не подступать къ иноземной галерѣ не будучи въ готовѣ. А вторая та, что ни малой вѣры не могъ и не долженъ былъ имать въ того столь безчестнаго предателя Бакина, но стерегущися войти въ его портъ. Да и особымъ писаніемъ было всемъ капитанамъ наказано, не палить до самого того времени какъ нападутъ на нихъ Турчины. И былъ тотъ наказъ ясенъ, толковъ, съ предусмотрѣніемъ всякаго дѣла. Въ концѣ же его сказывалось: «Буде же пойдетъ на битву, да вспомню вамъ Нельсона блаженной и славной памяти рѣшеніе, что—тотъ безошибочно доброе совершить, кто свою галеру съ непріятельскою сдѣлать».—Скажу вамъ, что нарочито хорошо былъ тотъ наказъ исполненъ!

И стоялъ тотъ день красенъ и ясенъ, вѣтромъ дуло малымъ, въ пору какъ-разъ. Порѣдять вамъ теперь, какъ они въ тотъ портъ вошли. Первою *Asie*, милая галера, въ порядкѣ важно плыла; за нею *Albion* и *Genoa*, двѣ великихъ ладіи подъ началомъ мессира Жеана Анворта Омманіе и мессира Готье Батурста; тамъ *Dartemoutte* и *Talbot*, фрегаты ихъ-же именovali, у одного 42 пушки, у другого 28; потомъ *Rose*, корветъ, пушекъ 18, а командиръ мессиръ Луи Дависъ; дальше трое бриговъ малюточекъ, прозваньемъ *Philomèle*, *Brisk* и *Mosquito*, капитаны же мессиръ Шарль Тальботъ виконтъ Ингестрійскій, мессиръ Гильомъ Ансонъ и мессиръ Жоржъ Богунъ Мартынъ. Подалѣй за ними два фрегата, *Cambrisan* и *Glasgow*, 48 и 50 пушекъ, а командиры мессиръ Гильомъ Гавенъ Гамилтонъ и мессиръ Жеанъ Александръ Модъ. Еще не забудемъ и промолчимъ, но упомянемъ, что объ руку съ адмираломъ вошла малая галера, нарочито устроенная и готовая, малый куттеръ прозваньемъ *Hind*, съ крайне бравымъ командиромъ лейтенантомъ по имени Жеаномъ Роббъ. Потомъ же шли въ добромъ порядкѣ галльскія и русскія ладьи, и первую *Sirène*—галера въ 60 пушекъ съ галльскимъ адмиральскимъ стягомъ, а другія галльскія ладьи прозывались *Scipion*, *Breslau*, *Trident*, *Armide*, *Alcione* и *Daphné*, трое изъ нихъ—великой жѣры, по морскому «линейные корабли», двое—фрегаты по морской кличкѣ, а *Alcione* и *Daphné*—шкуну крохотныя для разноски адмиральскихъ пидулокъ. О русскихъ же вамъ скажу: *Азовъ*—то адмиральскій стягъ и капитанъ Лазаревъ; за нимъ *Изекиль*, *Гангутъ* да *Александръ Невскій*, галеры эти четыре «линейнаго» строя; да фрегаты *Елена*, *Константинъ*, *Проворный* и *Касторъ*. И говорю вамъ, что чудное было, и распреласное и утѣшное позорище смотрѣть и видѣть тѣ ладіи трехъ племенъ, николи совокупно на брань не ходившихъ—нынѣ единою морскою ратью пльвшихъ! Стали тѣ три рати и тѣ три адмирала во очію гербовымъ знакомъ пречестнаго ордена Бани, коего мессиръ Эдуардъ былъ жалованцемъ и кой гласить: «*Tria juncto in uno*», понеже равно какъ три рати были въ одну, трое адмираловъ сердцемъ и дланью были едины.

Вотъ, какъ *Asie* мимо пушкарни у входа въ гавань грядетъ, на встрѣчу ей гребетъ на веслахъ турскій чолнъ, съ наказомъ отъ своего верховника, Ибрагимъ-де Бакинъ запретилъ пускать ту союзную рать. Изъ-за того не порушилъ мессиръ Эдуардъ свое вершеніе, а рекъ что «не за приказомъ прибылъ, но для приказа», и что «какъ одинъ разъ Турчане выпалать, такъ съ ихъ ратью и покончатъ».

А стояла турецкая морская рать въ томъ портѣ фигурой—полумѣсяцомъ, и поставили Турчане шесть галеръ, по кличкѣ «брандеровъ», нарочито-злостно опасныхъ,

у самага ўхода, по вѣтру, чтобы запалить союзническія галеры: и, видно, Турчане ихъ напускають.. Тутъ Dartemoutte, что съ четырьмя бригами вдоль тѣхъ самыхъ брандеровъ караулъ держалъ, смотрѣть, ихъ не пускать—видить. одинъ изъ нихъ снимается на поджогъ: онъ шлетъ челнокъ подъ мирнымъ стягомъ, отойди де подалѣ, насъ не касайся. Но тѣ лукавцы, челнокъ еще не дошелъ, въ него изъ пищалей выпалили, и до смерти убили командира на немъ, лейтенанта Фицъ-Роя. То увидавъ, Dartemoutte'у нечего дѣлать, кромѣ самому тоже палить, свой челнокъ выручать. Sirène тоже. А въ Sirène бьетъ египтянская галера изъ большущихъ пушекъ.... Всякій то подхватилъ, и пошла съ той стороны баталія. А пока то шло, галера Asie якорь въ землю пустила промежъ турецкихъ ладій такъ, что съ боку у нея была великая ладья, и съ другаго тожъ, съ турецкимъ и съ египетскимъ стягомъ. Злая то была и опасная стоянка, скажу вамъ, ибо кромѣ тѣхъ двухъ ладій, сильныхъ и крѣпкихъ, другія позади имъ на руку били, въ два ряда, палия преужасно.

Могаремъ же Бакинъ, морской египтянскій адмиралъ, тотъ воздержался, но послалъ аглицкому адмиралу посланцевъ и божбу, не станеть де онъ палить, и между ними пока ничего; въ Asie-же палилъ Капитанъ-Бакинъ, адмиралъ турецкій: тотъ на нее и напалъ. А такъ черезъ полчаса, какъ послалъ адмиралъ Кюд-рингтонъ челнокъ со своимъ гонцомъ отвезти писаніе тому Могарему и ему сказать «не желалось бы лить крови», тутъ предательски смерть обрелъ мессиръ Піетръ Мишель, штурманъ Asie-галеры, коего тотъ вызвалъ писаніе истолковать, онъ и опрокинулся назадъ въ челнокъ, убитый.—Тѣмъ скверно и гнусно дѣло: мирный статъ надъ челномъ вѣялъ; а учинили то понеже Гречанинъ былъ, Гречанъ же Турчане держали въ гнѣвѣ и злобствовани.

Послѣ того сталъ Могаремъ изъ пушекъ палить, за что отъ Asie такую пріять науку, что съ адмираломъ пособникомъ съ другаго бока, способы непредки воевать—потерялъ. А потомъ случись ядру съ аглицкой галеры пересѣчь якорное вервие коимъ держался египтянскій фрегатъ, тотъ пошолъ, и какъ вѣтеръ въ эту сторону дулъ—понесъ его на бокъ къ Asie, къ ней же какъ почти приткнулся, на воздухъ полетѣлъ пороховымъ дѣломъ: и скажу вамъ что великую въ ту пору перенесла опасность та прекрасная галера, ибо близко дружка къ дружкѣ были. Тогда наказалъ адмиралъ вѣхъ своимъ сходить, понеже противъ той нарочитой опасности нечего было предиринять; и никого тамъ не осталось окромѣ его самого, который ни за что сходить не хотѣлъ. Тогда всталъ большой дымъ, столь ужасно густъ, что всю Asie объялъ. И мнили всѣ, что то самое Asie на воздухъ подыало, отъ чего всякій столь опечалился, что воевать пересталъ. Но по маломъ времени разошелся дымъ, и узрѣли тогда Asie-прекрасную цѣлехоньку, съ важностью на своемъ мѣстѣ, и всякъ усмотрѣлъ богатыря-адмирала на кормѣ, окромѣ же никого. Тогда въ близшей галерѣ всталъ крикъ громокъ радость великую сказывающъ, и какъ его услышали другіе, радость къ нимъ пришла и всякъ присталъ къ тому крику. Скажу вамъ, сладостно было видѣть и слышать столь великое согласіе радости и любви. Тогда возобновили сшибку, и былъ бой жестокой, твердый и богатырскій, вопля великій и смятеніе, тяжкіе удары и сѣча.

Тамъ Sirène, адмиральская ладія, великую претерпѣла опасность сожженія отъ тѣхъ нарицаемыхъ «брандерами», отъ каковой спасена челнами съ ладіи Dartemoutte, и, скажу вамъ, не безъ причины возблагодарилъ за то галльскій адмиралъ!

А въ то время убили до смерти мессира Готье Батурета, что капитанствовалъ на *Genoa*; было то слезное и пржежалостное дѣло, имъ всѣ въ гнѣвъ повержены и печаль кто тамъ былъ: и тѣмъ нарочитѣе горестъ отъ того, что подругу имѣлъ которую любилъ. и стала та подруга вдовицей. И какъ возлежалъ онъ пораненный въ своей каютѣ, и принесли туда нѣкотораго офицера тяжело тожъ пораженного, изрекъ ему: «Такова на войнѣ Фортуна». А той порой, увидя командиръ брика *Rose* что *Argmid'e's* «брандеръ» опасность близко поднесъ, на него бодро пустился, таково что на самый на него уже полѣзъ, какъ часть того взорвало, и капитанъ взлетѣвъ упалъ въ свой челянокъ Божиимъ изволеніемъ тутъ бывшій, тѣмъ и спасся. И узрѣвъ тогда другой капитанъ, Гюгонъ, что ни биться нельзя, ни помочь давать оттуда гдѣ стоитъ, якорь поднявъ поплылъ къ другому боку гавани гдѣ *Talbot* держалъ бой ужасенъ супротивъ троихъ турецкихъ галеръ чѣмъ фрегатами именуются, каковыми боемъ продолжительнымъ жестоко занятый, утомленъ. И такъ содѣлалъ. направившись премудро, что притекъ промежъ нихъ и *Talbot'a* отъ одного изъ враговъ избавилъ.

Не долго нослъ того сказанная турецкая галера свой стаягъ пустила передъ нимъ внизъ, и тогда этотъ капитанъ Гюгонъ учинилъ вѣжливость и рыцарство, ибо вывѣсилъ на мачтѣ покоренной ладіи двое стяговъ, аглицкій и галльскій, и аглицкій сверху, каковое содѣлалъ дабы всякому показать, слава де за *Talbot'омъ*, ибо продолжительно съ тою галерою воевалъ уже пока онъ подошолъ. Вотъ тогда малая ладія *Hind*, хотъ и нарочитая была крошка, не опустила воевать изъ всѣхъ силъ и говорю вамъ что во всей той бухтѣ ни одними пушками не управляли такъ престолично пушкарни, какъ ея малыми шестерью. Но отъ малости ея причинилась бѣда великая, ибо бросившись вошла сама своимъ носомъ въ кормовое окно Могаремъ-Бакина! Какъ увидѣли ее Турчины въ такомъ злключеніи, замедлили по тому самому носу, ровно какъ по мосту, въ нее вторгнуться: анъ не могли; ибо крѣпкій отпоръ тамъ нашли, зане командиръ и двѣ его дюжны команды скорѣйше смерть бы пріяли вѣчѣмъ единого Турку къ себѣ на ладію впустить. Лишь нарочито потерпѣла эта малая ладья, ибо положину люцій ея смертью и рапами поразило, ядеръ же столь въ нее нападало что чудо. Изъ того же ей великая честь и слава бѣгущая. Тожъ и *Asie* жестоко повѣдалась съ турецкихъ галеръ ядрами. Мачта ея бизань, онъ пораненій поперекъ кормы повалилась, и со снастями со всѣми, и съ стоявшими на нихъ. тѣ однако счастливо избѣгли погибели, — а въ ту пору самъ адмиралъ взадъ и впередъ ходилъ по кормѣ! и чуть на него мачта та не свалилась: Божиимъ изволеніемъ прошелъ мимо, какъ падала!

И были той *Asie* тягостныя пробои, не въ одномъ гдѣ нибудь мѣстѣ, но по всей по ней, такъ что и указать нельзя гдѣ бы обошлось безъ дыръ.

И случись, что въ самый жаръ сѣчи до смерти убить нарочито добрый мужъ, прозваньемъ Гильомъ Смитъ, что рулевымъ былъ на той *Asie*, и приключилось то, какъ капитанъ указалъ галеру инако повернуть — скажу вамъ, то его товарищамъ было грустно и прискорбно, а какъ умеръ онъ всякъ кто съ нимъ былъ ощутилъ въ себѣ, что друга лишился, ибо каждый любовь къ нему имѣлъ за то что прямъ былъ, и добръ, и привѣтливъ, и въ своемъ дѣлѣ мудръ. А смотрите какая бѣда и горе злосчастной вдовицѣ его и шестерымъ осиротѣвшимъ чадамъ!

А когда баталія уже шесть часовъ длилась, жестоко былъ уязвленъ первородный

сынъ аглицкаго адмирала, кой на морской службѣ состоялъ на отчей галерѣ! Обою прекрасенъ былъ юноша, и великъ ростомъ, нарочито юнъ, борода еще не выросила. Получилъ же онъ во единую минуту три язвы, одну въ шею, другую въ колѣно, третью въ ляжку, тамъ пуля засѣла. Сударь его отецъ не зрѣлъ, какъ онъ палъ, но по маломъ времени обернувшись къ нему, не обрѣлъ. И что судите, онъ долженъ былъ ощутить, спросить никого не дерзая что съ сыномъ приключилось! Самъ онъ, адмиралъ, много претерпѣлъ бѣдъ опасныхъ; платье ему разорвало въ пятерыхъ мѣстахъ, и покровъ съ его головы сбило пулей, а часы въ карманѣ разбиты и изломаны таковымъ злодѣйскимъ ударомъ, который его бы жизни лишилъ, не охрани та часовая механика. А въ другой разъ, какъ онъ говорилъ съ матросомъ, пуля прилетѣвъ того матроса умертвила и пала передъ нимъ на палубу. Но всѣ тѣ бѣды избѣгъ онъ безъ вреда всякаго, хотя паче прочихъ онымъ подвергася, ибо дважды въ баталію онъ единъ-одишенькъ выстаивалъ на кораблѣ! И виденъ въ томъ Вожій особый Промыселъ надъ нимъ бѣдѣвшій, понеже безъ того какъ бы онъ уцѣлѣлъ, когда вокругъ него уложилось толикое число убитенныхъ и изъязвленныхъ? Господь же, иже губить и спасуетъ, повелѣлъ да минуетъ его злосчастіе: такъ снаряды и пороховое зелье не могли ему вредить.

И говорю вамъ, что въ тотъ день, всѣ они Галлы, Россіине и Агличи воевали, каждый всякъ, всею своею честною мощью, и таково всѣ бились что по истинѣ не скажу вамъ кто кого лучше и кто лучше кого, и неслышно чтобы кто кого превозмолъ.

Такъ длилась та ужасная битва въ времени четыре часа и съ полчаса, и была то преславная баталія, претолочно свѣланная, и сѣча великая съ нарочитымъ усѣченіемъ убитенныхъ и уязвленныхъ, а въ галерѣ съ коей *Asie* дралась, на ней на одной полегло на палубахъ шесть сотъ и пятьдесятъ Турчинъ.

Турчины же были нарочито сильнѣе, понеже у нихъ осемьдесятъ и девять галеръ а пушекъ двѣ тысячи двѣсти и сорокъ, союзнической же морской рати тридцать ладій съ шестью, пушекъ тысяча и триста и восемьдесятъ всего: смотрите разницу!

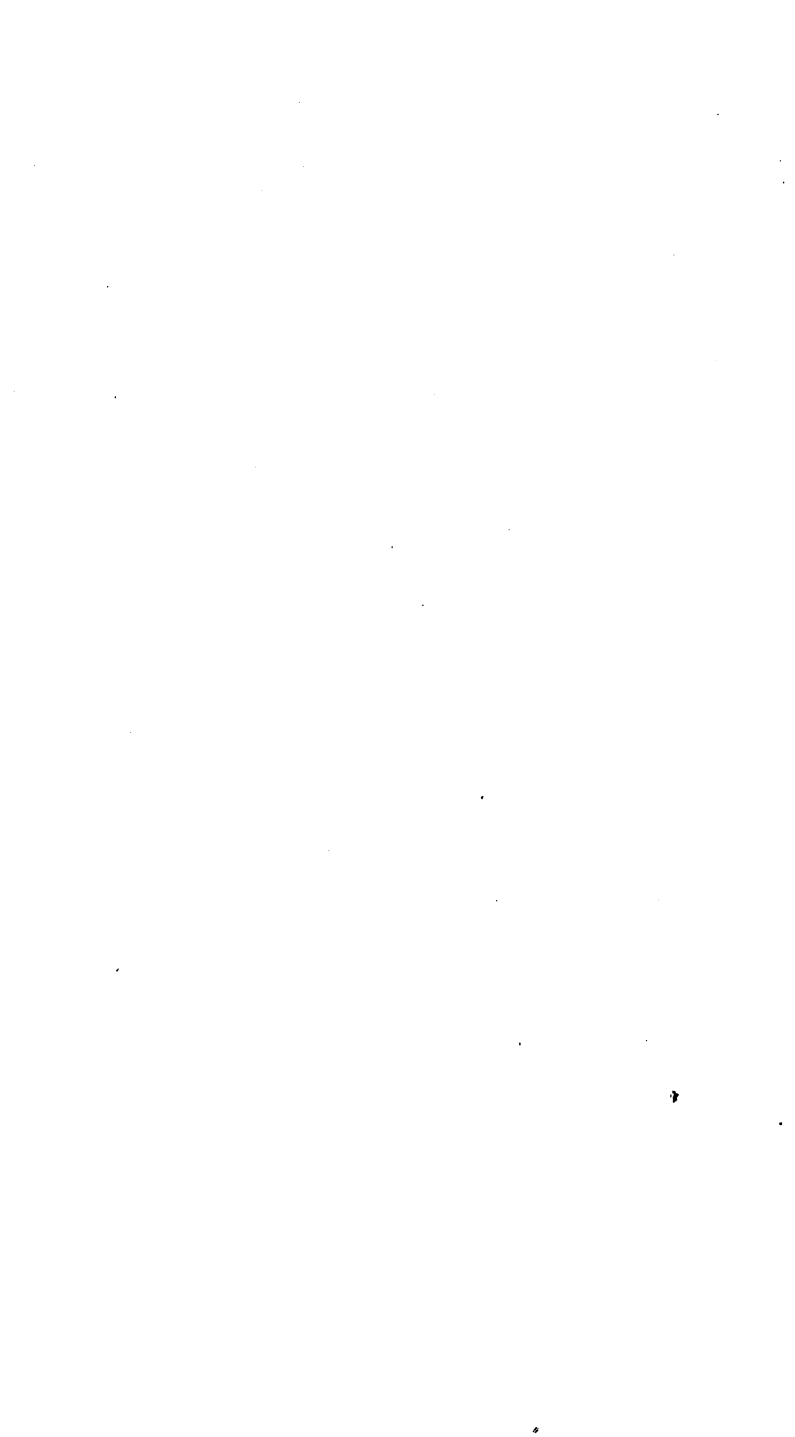
Но что вамъ длинный сказъ сказывать! Въ тотъ день и въ ту битву всю турецкую морскую рать загубили. Единныя турецкія галеры на воздухъ прыгали пороховымъ зельемъ; другія въ воду проваливались, понеже были въ дырахъ и щеляхъ, и хлябидная въ нихъ рокоча наливалась, а третьи спалены самими ими Турчинами, потому нимало не могли долѣе воевать. И какъ на утрѣ съ солнечнымъ восходомъ узрѣли союзные великую гибель ихъ враговъ, и тѣлеса по бухтѣ моремъ носимыя, и ладей истребленныхъ останки, тутъ дивились, и тутъ познали какой великой бѣдѣ себя подвергли.

Тогда уплыла союзническая рать, какъ наилучше можно, каждая къ своему мѣсту, галльская въ Тулонъ портъ, аглицкая и россійская на Мальту островъ. Тутъ мы и замолчимъ съ писаніемъ, ибо какъ разсказана та претолочная и преславная баталія, остальное не веселитъ сердце повѣствовать и въ лѣтопись вносить.

И такъ, читатель милостивый, буде полагаешь что сказаніе сіе слишкомъ пространно, вспомни, что столь благой и богатырскій подвигъ не гоже описывать зря, и что коли пространно писаны всѣ подробныя обстоятельства, то учинено юношамъ въ образецъ и поученіе.

К О Н Е Ц Ъ.

Писано и лѣтописано нарочито любящими и привязанными дщерями того геройскаго адмирала морскаго, *Жанной, Маріей и Эммой Кодринтономъ*, въ мѣсяцъ сентябрь лѣта Власти тысяча восемьсотъ двадцать осьмага.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1
Глава I. До похода въ Средиземное море	11
Глава II. Передъ Навариномъ	30
Глава III. Наваринской разгромъ	43
Глава IV. Наваринъ и дипломатія	55
—	
Графъ Гейденъ и Лазаревъ	93
Устроитель Черноморскаго флота	97
—	

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письма графу Гейдену отъ разныхъ лицъ (переводъ съ французскихъ подлинныхъ рукописей).	3
Извлеченія изъ книги Memoir of the life of Admiral Sir E. Codrington. (Биографія Кодрингтона).	39
Письма графа Панина Гейдену (переводъ съ французскихъ подлинныхъ рукописей).	63
Письма Крадока и Лайонса Гейдену	69
Сказаніе о Наваринской битвѣ, изложенное Фруассаромъ	71

Къ книгѣ приложены: портреты графа Л. П. Гейдена, М. П. Лазарева и А. С. Грейга, снимокъ съ корабля «Азовъ» и планъ Наваринскаго сраженія, съ объясненіемъ силъ участвовавшихъ въ немъ флотовъ.

~~~~~